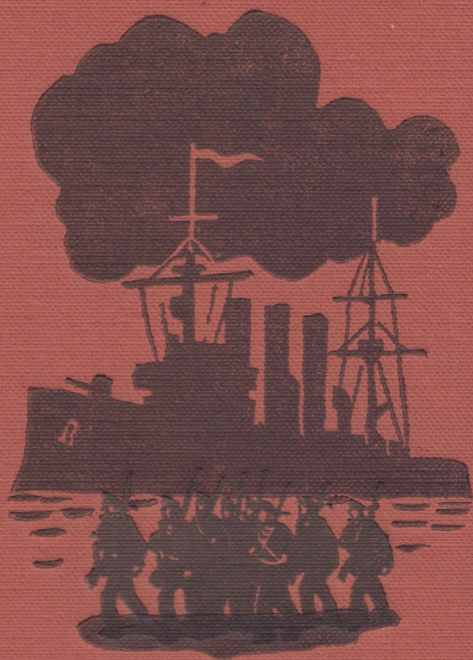

П. КАПИЦА

ОНИ ШТУРМОВАЛИ ЗИМНИЙ

ДЕТГИЗ • 1957

П. Капица

ОНИ ШТУРМОВАЛИ ЗИМНИЙ

П О В Е С Т Ь

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Ленинград 1957

Суперобложка, переплет и фронтиспис
Г. Фитингофа

Действие повести охватывает период от февраля 1917 года — к октябрю. Героями ее являются молодые рабочие «Путиловца» — Вася Кокорев, Дема Рыкунов; девушка с Выборгской стороны — Катя Алешина; моряки с «Авроры», кронштадтские матросы. В повести рассказывается о том, как партия большевиков накапливала силы для завершения революции, о встречах с В. И. Лениным, расстреле июльской демонстрации, кронштадтских событиях.

Сюжет повести интересен, герои являются участниками демонстраций, митингов, боев с контрреволюцией, сталкиваются с сотрудниками охранки, с «накипью революции» — анархистствующими элементами, вообразившими себя «защитниками свободы». Завершается произведение описанием штурма Зимнего и знаменитого заседания II Всероссийского съезда Советов в Смольном, когда была провозглашена советская власть и приняты декреты о земле и о мире.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕВУШКА С ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЫ

Глава первая

СВЯЗНАЯ

В вагон паровой конки вошла раскрасневшаяся от быстрой ходьбы девушка. Она держала в руке судок — две самодельные кастрюльки, расположенные одна над другой и скрепленные общей ручкой. В таких судках обычно жены и дети рабочих носили к проходным заводам обеды.

— Скоро поедем? — спросила девушка у кондукторши.

Толстая кондукторша пренебрежительно взглянула на нее и неохотно буркнула:

— Когда накопится пассажиров, тогда и поедем.

Девушка заплатила за проезд до конца маршрута и уселась к окну. Достав из кармана книжку, она раскрыла ее почти на середине и начала читать.

На вид ей было не более семнадцати лет. По одежде она ничем не отличалась от работниц Выборгской стороны. Темное грубошерстное полупальто, синяя из крепкой материи юбка, дешевые чулки и ботинки с невысокими каблуками говорили о том, что девушка из бедной семьи, в которой не гоняются за модами, а носят простые и прочные вещи. Поэтому странно было видеть в ее небольших обветренных руках книжку.

Женщины, входившие в вагон, с любопытством косились в ее сторону, так как немногим из них удавалось год или два учиться в школе.

— Грамотейкой прикидывается, а сама-то, на-верное, книжку вверх ногами держит, — не без ехидства вслух сказала кондукторша. — Любят эти лесновские из себя барышень корчить.

Девушка так увлеклась чтением, что не расслышала слов кондукторши и не заметила, как квадратный паровичок, дав два пискливых гудка, потянул за собой вагончики.

Паровая конка уже двинулась по Сампсониевскому проспекту, когда девушка вдруг почувствовала на себе пристальный взгляд. «Кто бы это мог быть?» — хмурясь подумала она.

Вагон был заполнен домашними хозяйками, ехавшими с кошелками к центру города; они громко разговаривали меж собой, возмущаясь ценами на рынке, ругали спекулянтов и жаловались на трудную жизнь. Никто из них, конечно, не обращал на нее внимания. В дальнем конце вагона, уткнувшись носом в поднятый меховой воротник, сидел какой-то длиннолицый парень с влажными губами и, видимо, дремал: припухшие веки его казались сомкнутыми.

«Кто же смотрел на меня? — не могла понять девушка. — Неужели ошиблась?» Она вновь принялась читать. Но неприятное ощущение, какое бывает, когда на тебя в упор глядят, не покидало ее. Чтобы проверить себя, девушка быстро вскинула глаза и наткнулась на острый взгляд парня. «Кто он такой? Почему прикидывается дремлющим? Кажется, я его где-то видела. Неужели следит? — встревожилась она. — Чего доброго, шпика за собой притащу. Надо скорей выйти».

Девушка еще некоторое время настороженно прислушивалась к разговорам, затем закрыла книжку, зевнула, поправила шерстяной платок на голове и, как бы спохватившись, торопливо схватила стоявший рядом судок и начала пробираться к выходу.

Парень, сидевший в углу, не шелохнулся.

Сойдя с площадки на мостовую, она перебежала на панель и оглянулась; из вагона больше никто не вышел.

Конка пошла дальше. Видя, что и на ходу муж-

чина не спрыгнул, девушка в сердцах обругала себя:

— Вот дурища! Выскочила раньше времени. Теперь тащись такую даль пешком.

Все же она не пошла по Сампсониевскому проспекту, а свернула в переулок, чтобы не показываться на главной магистрали.

Катя Алешина родилась в Петрограде, на Выборгской стороне, но всякий раз, когда она проходила мимо захламленных пустырей и жалких лачуг рабочей окраины, не могла перебороть в себе гнетущего чувства: «Неужто до старости не увидим другой жизни?» Здесь все было унылым: и грязный снег, и слякотная дорога, и карликовые домики с заплатанными крышами, и мутно-серое, задымленное небо.

А за Невой даже солнце будто светило по-иному. Стоило только перейти Литейный мост и попасть на левый берег реки, казалось, что ты очутился в ином городе — просторном, светлом, с широкими и прямыми проспектами, сверкающими витринами магазинов, с гладкими, как домашний пол, торцовыми мостовыми, по которым беззвучно проносились лакированные кареты и пролетки лихачей-извозчиков.

За Невой и дышалось легче. Но Катя не любила бывать в центре города. Там к таким, как она — бедно одетым работницам, — относились с презрением. Даже горничные и приказчики магазинов, лебезившие и пресмыкавшиеся перед богачами, называли жительниц окраины «фабричной пылью».

Правда, было время, когда Кате хотелось стать похожей на томных и белолицых гимназисток — дочек домовладельцев, инженеров и чиновников.

Вон там, где начинаются улицы, похожие на центральные, стоит трехэтажное каменное здание — женская гимназия. Еще два года тому назад Катя бегала сюда каждое утро с сумкой, в которой лежали аккуратно завернутые в бумагу учебники и тетрадки. Следовало бы обойти этот дом стороной, не показываться в таком виде прежним одноклассницам.

Но почему? Только из-за того, что она одета хуже их? Нет! Ей нечего стыдиться. Она не глупей их. И училась лучше. Не зря же завидовали зубрилы Широкова и Базанова. Им просто повезло, что они родились в богатых домах и никогда не жили в подвале. Она больше не покраснеет, не смутится, если они при всех спросят: «Не твоя ли это мать нанимается в прачки?» И пусть шушукаются сколько хотят.

Катя, конечно, была бы такой же малограмотной, как и ее подруги по цеху, если бы не отец.

Отец! Ей вспомнились его жесткие усы и крупные ласковые ладони с темными трещинками.

Он приходил с работы усталый, покряхтывая, мылся холодной водой, быстро съедал обед, помогал матери убрать посуду и говорил:

— А ну, Катюша, садись, рассказывай, что было в школе.

Он слушал внимательно, требуя вспомнить все, что говорилось в классе. Потом они вместе готовили уроки: Катя в своих тетрадях, а отец на обрывках оберточной бумаги. Он старательно спрягал глаголы, запоминал правила грамматики, на память знал таблицу умножения и лучше дочки умел делить многозначные числа, хотя никогда не ходил в школу. Он взрослым постигал то, чего не удалось узнать в детстве.

— Вот как у нас здóрово получается, — шутил отец, — за три рубля оба учимся.

И Катя для него старалась запомнить и удерживать в голове каждое слово учителей. Это выделяло ее среди сверстниц. Четырехклассную начальную школу девочка закончила с отличием.

— Будешь учиться дальше, — радуясь ее успехам, сказал отец. — С осени в гимназию пойдешь.

— Зачем девчонке грамота? — ворчала на него мать. — Записки парням писать? Хватит и четырех классов. Пусть на портниху учится. Я вот ни одной буквы не знаю, а в лучших домах горничной была.

— Ишь, какое счастье — горничной! — не сдавался отец. — Не будет моя дочка подтирушкой у

господ. Курить брошу, рюмки лишней не выпью, а Катюшу выведу в люди.

И он действительно не курил, отказывал себе в кружке пива, сберегал каждую копейку, чтобы вовремя уплатить в гимназию, чтобы у Кати были форменные платья, передники и кружевные воротнички.

Отцу приходилось работать по десяти — двенадцати часов в день. Он приходил с завода измотанным, с запавшими глазами и осунувшимся темным лицом, но часто оставался после ужина за столом и допоздна читал какие-то свои книжки, которые прятал в тайничке за божницей.

— Куда ты их суешь? Не безбожничай, — укоряла мать. — Вот попомни мое слово: не доведут до добра ваши книжки.

Ее предчувствие сбылось. Зимней ночью раздался стук в дверь. Мать соскочила с постели и босиком подбежала к порогу.

— Кто там?

— Полиция!

— Не отпирай, Луша, — остановил ее отец. — Зажги лампу.

Он встал на табуретку, торопливо пошарил рукой за божницей, достал какие-то листки и две тоненькие книжечки, сунул их в валенки, а валенки надел на ноги.

Дверь уже тряслась от тяжелых ударов:

— Откройте!

Отец сам отодвинул засов и распахнул дверь. В комнату вошли два городских, закутанных в башлыки, околоточный и какой-то штатский с поднятым воротником.

— Почему не открывал? — накинулся на отца околоточный. — Листовки прятал?

— Какие листовки? — недоумевал отец. — Не понимаю, о чем вы говорите.

— Не прикидывайся простачком, нам все известно.

Они перерыли постели, повыбрасывали из комода на пол белье, заглянули во все уголки и, наткнув-

шись на Катины учебники и тетради, начали пере-
листывать их.

— Откуда это? Чье?

— Дочери, — ответил отец, — она в гимназии
учится.

— В гимназии? — удивился околоточный. — Ого!
А все бедняков из себя разыгрываете.

Полицейские увели отца с собой.

Кате с матерью удалось увидеть его только
после суда в пересыльной тюрьме. Их пропустили
в длинную комнату свиданий и поставили за дере-
вянный барьер. Вдоль барьера и железной решетки,
за которой находились осужденные, расхаживал
надзиратель.

Все присутствующие здесь перекликались одно-
временно; нужно было напрягать слух, чтобы уло-
вить голос отца в общем шуме.

— Дали пять лет... ссылают в Якутию, — сооб-
шил он.

Лицо отца было серым, он зарос бородой и ка-
зался таким худым, что Катя заплакала от жалости.

— Не плачь, дочка... держи голову выше. Твой
отец попал в тюрьму не за грабеж. Когда выра-
стешь, узнаешь, чего я добивался. И ты, мать, не
горюй. Вернись, не пропаду.

Отец еще что-то выкрикивал, но за барьером
женщины подняли такой плач, что Катя уже ничего
не расслышала. Она только видела, как надзира-
тели отрывали от железной решетки руки арестантов
и силой уводили их из комнаты свиданий.

Девушка на всю жизнь запомнила и тот день,
когда ее вызвала к себе начальница гимназии —
высокая и прямая старуха с блеклыми глазами. Раз-
глядывая Катю в лорнет, она сказала:

— Вот что, милая девочка... М-мы очень сожа-
леем... я знаю твои успехи в классе... но у нас
бесплатно не учат, а твои родители не внесли платы.

— У мамы сейчас нет денег, — сказала Катя.

— Я так и думала. Мы, конечно, могли бы обра-
титься к попечителю, похлопотать об отсрочке... но
твой отец — государственный преступник.

— Нет, мой папа не преступник.

— Честные люди не попадают в тюрьму, — отделив слово от слова, поучающе заметила начальница.

У Кати перехватило дыхание от обиды за отца.

— Это неправда, он честный!

— Что-о? Кто тебе позволил таким тоном разговаривать со старшими?! — поднимаясь с кресла, повысила голос начальница. — Ты дочь прачки и не должна забывать об этом. Немедля собери книги — и вон из гимназии!

Выходя из кабинета, Катя ничего не видела перед собой.

«Конец, всему конец, — думалось ей. — Больше уже не приду в гимназию, не сяду за парту, не разверну тетрадки... Никогда! Меня не вызовут ни к карте, ни к доске и не скажут: «Отлично, Алешина». Никогда...»

Уроки уже начались. Сдерживая подступавшие к горлу рыдания, Катя уселась на подоконник в конце опустевшего коридора и там пробыла до звонка. А когда девочки выбежали из класса, она с сухими глазами прошла к своей парте, собрала в сумку книги и, не отвечая на расспросы любопытных, поспешила в раздевалку.

Волю слезам девочка дала лишь дома. Бросив сумку на кровать, она уткнулась носом в подушку и разрыдалась.

Мать успокаивала ее:

— Плюнь ты на эту гимназию. Без нее проживешь. Я тебе место у хороших господ присмотрела. На всем готовом и три рубля в месяц. Работа пустяковая: за двумя девочками присматривать да прислуживать, когда гости придут.

— Не буду я прислуживать вашим хорошим господам, — в сердцах ответила Катя. — Лучше в Неву брошусь.

На другой день еще до гудка она пошла к проходной завода «Айваз» и там, встретив старого друга отца — слесаря Гурьянова, — рассказала ему обо всем.

Тот слушал ее и возмущался:

— Вот ведь подлые! Ну, погоди, отольются им наши слезы, все припомним.

Гурьянов провел Катю на завод и зашел с ней в механическую мастерскую.

— Тут у нас мастер свой, — шепотом сказал он, — попробую уговорить. Подожди немного.

Гурьянов ходил недолго и вернулся веселый.

— Вот тебе записка, иди оформляйся в контору. Только не забудь лишний год себе прибавить, а то не примут, — посоветовал он.

В этот же день Катя получила пропуск на завод — круглую жестянку с рабочим номером — и на следующее утро по гудку явилась в механический цех. Мастер поставил ее на браковку металлических изделий. Дело оказалось не сложным, девушка за неделю приновилась к нему.

Как-то зимой Катю подозвал к себе Гурьянов и вполголоса спросил:

— По вечерам ты бываешь свободна?

— Если надо, освобожусь.

— Нам связная нужна. Смотри, дело очень серьезное, — предупредил он. — Будешь встречаться с людьми, которых ищет полиция. Не бойшься шпиков и тюрьмы?

— Постараюсь не попадаться.

— И язычок придется прикусить: никто не должен знать, где и с кем ты виделась. Понятно?

— Понимаю.

По заданиям, которые передавала тетя Феня — седоволосая мастерица лампового цеха, с очень молоджавым лицом и горячими темными глазами, — Катя ездила в разные концы города. Она знала пароли и отзывы явочных квартир, запоминала тексты решений, которые не следовало размножать на бумаге, и передавала их устно. Катя научилась быть осторожной и скрытной. Даже мать не догадывалась о том, что дочь ее стала подпольщицей.

Вот и теперь, получив для маскировки обеденный судок, Алешина спешила в трактир «Долина». Завод бастовал, надо было получить листовки Петербургского комитета большевиков.

ЛОКАУТ

— Вставай, Васек, вставай. . . Ишь, заспался! На работу пора.

На улице едва брезжил рассвет. Руки у бабушки были холодные, как ледяшки. Она всю ночь простояла в очереди за хлебом и забежала домой лишь на несколько минут, чтобы обогреться.

Вася лег поздно, — он не выспался. Голова была тяжелой, глаза слипались.

— Мы бастуем, — сонным голосом сказал юноша и, повернувшись лицом к стене, натянул одеяло на голову.

Это не удивило старушку. За последние месяцы многие цеха «Путиловца» не раз бастовали. Прижав озябшие руки к теплomu чайнику, она ждала, когда согреется в нем вода, и прислушивалась к разноголосому завыванию первых заводских гудков. За сорок лет жизни в Чугунном переулке Степанида Игнатьевна привыкла узнавать их по голосам. Вот загнусавил завод резиновых изделий, «Треугольник»; его перебил «Тильманс» и слился с задыхающимся гудком «Анчара». Тонко запела «Екатерингофская мануфактура». А зычного путиловского гудка не было слышно. Это встревожило старушку. Она не помнила случая, чтобы в будний день завод не призывал мастеровых в свои цеха. Даже когда рабочие бастовали, и то он гудел в урочное время: «Авось кто не выдержит безденежья и выйдет на работу». А тут вдруг молчит.

«Не к добру это», — решила Игнатьевна и вновь принялась тормошить внука.

— Васек, ваш-то не гудит. Не стряслось ли что. . . сходил бы на завод.

Юноша отбросил одеяло, приподнял взлохмаченную голову и прислушался. «Путиловец» действительно не гудел.

«Что же случилось? — не мог сообразить Вася. — Неужели наши захватили кочегарку и не дают вклю-

чить гудок? А как же солдаты? Не дерутся ли там?»

Вася соскочил с топчана, быстро оделся и, не умываясь, хотел было выбежать на улицу, но бабушка удержала его:

— Куда ж ты, шальной?! Чайку хоть выпей.

Игнатьевна наполнила кружку кипятком, подкрашенным брусничником, и положила на стол черный ржаной сухарь.

Обжигаясь, юноша торопливо глотал несладкий чай и с хрустом жевал сухарь.

В доме уже проснулись все жильцы. Наверху скрипели половицы. За стеной на кухне гудели примуса и плескалась вода, с другой стороны доносился натужный кашель и детский плач. Дом был заселен от подвала до чердака. Чуть ли не в каждой комнате ютилось по две—три семьи, а одинокие рабочие снимали в этих семьях углы и койки. Лишь Васе с бабушкой удалось остаться после смерти матери в отдельной клетушке у кухни, так как хозяин дома — бакалейщик Хомяков — приходился им дальним родственником.

Игнатьевна тоже уселась пить пустой чай.

— Надолго ли забастовали? — спросила она.

— Не знаю, — хмурясь ответил внук. — Директор прогнал наших делегатов и фронтом грозился. Подумаешь, испугал! Решили не выходить сегодня.

— Значит, весь завод забастовал? — удивилась Игнатьевна. — А где мы с тобой денег возьмем? Мне уж и хлеб покупать не на что, и за квартиру не плачено...

В это время с улицы кто-то постучал в стенку.

Вася нахлобучил на голову кепку и, надевая на ходу куртку, выбежал на крыльцо.

По всей ширине переуллка, как в обычное рабочее утро, шли мужчины и женщины. Темный от сажи, плотно утопанный снег поскрипывал под ногами.

Невдалеке от крыльца, залихватски сдвинув старенькую барашковую шапку набекрень, в тужурке нараспашку стоял скуластый парень — Дема Рыкунов. Он лишь на полгода старше Васи, но казался

намного взрослей его, так как был шире в плечах и выше почти на голову.

— Чего на заводе делается? — спросил Дема.

— Не дерутся ли там с солдатами? — высказал догадку Вася.

— Пошли быстрее!

Рыкунов славился за Нарвской заставой своей силой и крепкими кулаками. В Чугунном переулке из парней никто не мог его одолеть. В кулачных драках Дема смело шел против троих и побеждал. Побаивался он только своего угрюмого отца — одноглазого вагранщика — и робел при Савелии Матвеевиче — старом кузнеце, у которого работал молотобойцем.

Кокорев давно знал Дему Рыкунова, но по-настоящему сдружился с ним лишь на заводе. В старокузнечный цех Василий попал, когда ему шел пятнадцатый год. Бабушка тогда служила чаеварщицей в кузнице. Она уговорила мастера принять внука на обучение.

Вася таскал уголь для горнов, подметал окалину у наковален, складывал в штабельки негодные, лопнувшие поковки и бегал по мастерским с поручениями мастера.

В первую же неделю озорные молотобойцы сговорились подшутить над новичком. Кто-то из них нажег в горне клещи и, кинув их на землю, крикнул:

— Эй, мальчик, а ну живо... подай-ка клещи!

Вася поспешил исполнить просьбу, а озорные молотобойцы следили за ним, ожидая, что парнишка сейчас испуганно взвизгнет и отдернет руки от накаленного железа. Вот будет потеха!

Но забавы не получилось. Схватив в руки клещи, Вася лишь вздрогнул и не выронил их. С бледным лицом он молча окунул руки в стоявший рядом чан с сизой от окалины водой и там с трудом разнял пальцы.

Задыхаясь от обиды, он поднес к губам ладони,

надеясь сдуть с них боль, но напрасно: руки саднило, они нестерпимо горели. Чтобы не показывать слез, Вася ушел в дальний угол кузницы, спрятался за кипятильником. Он не слышал, как старый кузнец, которого все в цехе величали Савелием Матвеевичем, изругал озорников.

Старик с сердито распушенными усами раскрыл свой шкафчик, достал с полки небольшой пузырек с подсолнечным маслом и, подойдя к Васе, приказал:

— Показывай, что у тебя с руками.

Спекшаяся кожа на ладонях и пальцах мальчика вздулась волдырями. Кузнец сочувственно покачал головой и сказал:

— Вот ведь, мерзавцы, что наделали! Набилось тут всякой шантрапы: маклаки, дворники, приказчики да купчики разные. От войны прячутся. Сунули мастеру взятку и от солдатчины избавились, благо «Путиловец» военные заказы выполняет. Им ведь не работа нужна, а отсрочка от окопной жизни. А тут человека заработка лишили. Нашел перед кем характер показывать! Узнает мастер, что руки пожег,—выгонит из мастерской. Ему здоровые нужны.

Савелий Матвеевич осторожно смазал Васе пальцы и ладони подсолнечным маслом.

— Чуть обсохнет, перевяжешь, — посоветовал он. В лице парнишки ему почудилось что-то знакомое. — Чей будешь-то? — поинтересовался кузнец.

— Кокорев моя фамилия, — ответил Вася.

— Не Степана ли Дмитриевича сын?

— Его.

— Знавал я твоего отца. Первый котельщик был. Наших кровей человек. За рабочий народ пострадал. А мать что делает?

— Умерла недавно, на работе простудилась.

— Та-ак, — протянул Савелий Матвеевич, — полный сирота, выходит. С кем же ты теперь живешь?

— С бабушкой. Она чаеварщица, через ночь работает.

— В школу ходил?

— Начальную кончил.

— Грамотен, значит? Это хорошо, — отметил кузнец, глядя через очки добрыми глазами на Васю. Он помолчал некоторое время, затем предложил: — Вот что мы с тобой сделаем. С такими руками ты, конечно, дней на десять не работник. Давай-ка, чтоб начальство не заметило, перевяжем бинтом да рукавицы натянем. Я тебя в ученики беру. С мастером сам договорюсь. Сперва будешь нагревальщиком, а потом — в подручные поставлю. Только слезы утри и голову держи выше! — ворчливо добавил он.

Савелий Матвеевич помог Васе забинтовать каждый палец по отдельности, отдал ему свои рукавицы и позвал Дему Рыкунова.

— Вместе работать будете.

— Я его знаю, — сказал Вася. — Мы в одном переулке живем, он у нас самый сильный. На рождество, когда волковцы драться полезли, четверых погнал...

Дема сделал угрожающие глаза: молчи, мол; при Савелии Матвеевиче об этом нельзя.

Кузнец не одобрял кулачных увлечений своего молотобойца, но на этот раз лишь усмехнулся в усы и, как бы не заметив сигнализации Демы, добродушно произнес:

— Вот и хорошо, что сильный. Поручаю тебе Кокорева; никому не давай обижать.

— Будьте спокойны, на три шага не подпущу, — ответил Дема.

Савелий Матвеевич в цеху считался виртуозом кузнечного дела. Самые точные и сложные заказы поручались ему. Старший мастер недолюбливал кузнеца за независимый характер и за разговоры, которые он вел с рабочими, но увольнять не решался: «Где еще добудешь такого работника? Кузнец наивысшей категории!»

Мастер старался не замечать своеволия Савелия Матвеевича и не сталкиваться с ним по пустякам. Кокорева он зачислил в ученики без споров и возражений: «Пусть подучит еще одного, — умелых работников немного осталось».

Вася первое время подсыпал уголь в горны и

следил за дутьем, чтобы железные болванки нагревались равномерно. Он любил горячие минуты нелегкого кузнечного труда. В цеху поднимался такой перезвон, что вздрагивали черные, закопченные окна и дрожала земля. Савелий Матвеевич своим молотком отбивал мелкую дробь, указывал, куда надо ударить, а молотобойцы, взмахивая тяжелыми ку-валдами, ухая, били по вязкому искрящемуся железу. Горячая окалина разлеталась во все стороны...

Взмокшие молотобойцы то и дело подходили к баку с водой и утоляли жажду большими жадными глотками. А Савелий Матвеевич, который не любил пить во время работы, говорил Васе:

— Только ты не вздумай водохлебствовать. Сила — она лишь в сухом теле держится.

Работали в кузнечном цехе с рассвета до сумерек. И только в субботу рабочий день заканчивался раньше. В субботу обычно бывала получка. Многие рабочие отправлялись гулять в ближайшие трак-тиры: кто в «Марьину рошу», кто в «Финский за-лив», а кто в «Ташкент» или «Россию». Любители выпить за чужой счет не раз зазывали и Васю.

— Эй, новичок, обмыть бы пора работенку. А то имени не получишь и в кузнецы не выйдешь.

Всякого новичка они звали «чудаком» или «пскопским» до тех пор, пока тот не пропивал с ними всю получку, и только после этого его величали по имени, а иногда даже и по отчеству. А если человек скупился на водку, то ему устраивали всякие кавер-зы: гвоздями прибивали к верстаку рукавицы, прятали инструмент или подсовывали под руки на-каленные клещи, зубила. Этого они добижались и у Васи, но однажды Савелий Матвеевич строго пре-дупредил вымогателей:

— Не цепляться к парню! Вам гулять, а он сирота — сам себя одевай, обувай да еще бабку старую корми. И делу не вам его обучать. Ясно?

— Понятно, Савелий Матвеевич, да мы его... мы ничего... — смущенно забормотал один из подруч-ных. — Пускай паренек работает.

Приставалы боялись Савелия Матвеевича, по-

тому что в цеху люди ценились по мастерству, по умению точно и аккуратно работать. Тот, кто работал небрежно, много браку делал, — слыл никчемным человеком и уважением не пользовался. Такому старые рабочие даже рта не давали раскрыть: «Ты сначала инструмент научись держать, — с презрением говорили они, — а потом рассуждай».

Среди вымогателей квалифицированных рабочих было немного. Обычно этим занимались подручные, не получавшие самостоятельной работы. Гнев Савелия Матвеевича для них был опасен: ни совета, ни помощи от него не жди. И другие старики презирать начнут. Поэтому они перестали приставать к Васе.

В субботу после получки Дема с Васей шли в баню, надевали чистую одежду и всякий раз задумывались: куда же пойти? Они знали, что некоторые заводские парни ходят на Огородный переулок играть в орлянку, другие же компаниями отправляются в Екатерингофский парк задевать девушек-копорок и горланить под гармошку песни, а третьи разбредаются по трактирам пьянствовать.

Васе нравились картины про войну, сыщиков и разбойников, которые показывали в кинематографе. Однажды он уговорил Дему съездить на Петроградскую сторону. Там, за Невой, был огромный зверинец, а рядом с ним — Народный дом, с кривыми зеркалами, «чертовым колесом», на котором не удержаться никакими силами, с «комнатой страхов», разными играми на призы, качелями и «американскими горами».

Дема поехал с неохотой. Он не любил ездить в трамвае по городу, тут всякий норовит унизить рабочего парня: «Куда прешься?», «Еще перемажешь кого», «Не видишь — люди сидят?» «Напустят тут всяких, только за карманом поглядывай». Не полезешь же драться с обидчиками, когда городских полно. И ответить не ответишь, — весь вагон загалдит: «Высадить грубияна заставского! Совсем охамели!»

Они с Васей остались на площадке, доехали до зверинца и там сошли.

Отдав по двугривенному за входные билеты, парни часа два разглядывали диковинных зверей и птиц. Покормили морковкой слониху, посмеялись над бурыми медведями, вытворяющими всякие штуки, чтобы выпросить конфетку, и долго стояли у клетки с обезьянами, похожими на маленьких уродливых человечков.

Съев по горячему бублику у выхода, парни пошли в Народный дом, светившийся разноцветными огнями.

В саду играла музыка, высоко раскачивались качели, кружились на каруселях бумажные фонарики.

— Куда хочешь: на «американские горы» или к кривым зеркалам? — спросил Вася.

— Давай лучше пойдем туда, где призы дают, — предложил Дема.

Призы давались за меткую стрельбу из лука и духового ружья, за набрасывание колец на колышки, за попадание мячом в небольшие отверстия и за удары тяжелым дубовым молотом по клину.

Там, где находилась «стреляющая кузница», было много подвыпивших мужчин и парней, пробовавших свою силу. Они размахивались и с придыхом били молотом по обкованному клину. После каждого удара меж высоких стоек, взлетала железная стрела с пистоном на кончике. Если она касалась железной перекладки наверху, то пистон громко шелкал. Но никому не удавалось разбить пистона. Стрела поднималась на три—четыре метра и падала.

— Не попробовать ли мне? — шепотом спросил Дема у Васи.

— Давай, может, у тебя выйдет. Будем пополам платить, — ответил тот.

Дема уплатил гривенник, взял поудобней в руки длинную рукоятку молота, размахнулся и ударил в центр клина.

Стрела, казалось, долетела до железной перекладки, но выстрела не послышалось.

— Ого! Силен парень! — удивились стоявшие вокруг зеваки. — А ну еще хвати!

— И ударю! Плати, Вася, еще гривенник.

Готовясь ко второму удару, Дема снял куртку, поплевал в ладони, широко расставил ноги и, высоко вскинув молот, ахнул им изо всей силы...

Стрела взвилась к перекладине, и пистон звонко щелкнул.

— Ай да парень! Молодчага! — одобрительно загудели в толпе.

Дема распалился.

— Поставь еще монету! — сказал он Васе.

Третий удар был таким же ловким и сильным: пистон дал об этом знать.

— Вали, парень, еще; все призы заберешь! — хоча, советовал кто-то из зрителей.

Дема хотел было ударить четвертый раз, но хозяин «стреляющей кузницы» сердито остановил его.

— У нас больше трех раз не полагается, — заявил он. — А призы на выбор: есть портрет наследника в золоченой рамке, колечко с камушком, книжки про разбойников и сыщиков.

— Бери книжки, — посоветовал Вася.

Они взяли книжку о разбойнике Антоне Кречете и три тонких брошюры с цветными обложками про короля сыщиков Ната Пинкертона.

Дема не решался нести книжки домой.

— Спрячь их у себя, — сказал он Васе. — Отец у меня неграмотный, книжек боится. Он и у брата Фильки все пожег. «В тюрьму, — говорит, — из-за тебя, подлеца, попадешь. Чтоб ни одной книжки в доме не видел!»

Выигранные книжки Кокорев отнес к себе в камеру. Вечерами после работы Дема приходил к нему и спрашивал:

— Почитаем, Васек; а?

Сам он читал с запинками, перевирая слова и ударения, так как в школе учился всего две зимы. Слушать его было скучно и утомительно, поэтому приходилось читать вслух Васе.

Книжки про сыщика оказались занятными, а «Антон Кречет» обрывался на самом интересном месте.

— Надо продолжение добыть. Поехали в Народный дом, — предложил в субботу Дема. — Теперь-то я приловчусь бить по клину.

В Народном доме они нигде не останавливались, а пошли прямо к «стреляющей кузнице».

Растолкав толпящихся зевак, Дема купил три билета. Дождавшись своей очереди, он снял куртку, бросил ее на руки Васе и не спеша подошел к молоту. Его движения были размеренны, как на работе. Он ударил раз... И стрела, взлетев до перекладки, разбила пистон. Второй удар был таким же успешным. А в третий раз стрела чуть не была перекладину.

В толпе от удивления только ахали:

— Вот это мастак!

— Молодой, а силищи сколько!

А хозяин «стреляющей кузницы» вновь обозлился:

— Довольно, будет тебе. Испортишь еще. Я тебе сам двугривенный дам, только отстань, не приходи больше.

— Вы не бойтесь, — сказал ему вполголоса Вася. — Мы у вас других призов не возьмем. Нам только книжки нужны. А когда прочтем, то вернуть можем.

— Вернете? — не поверил тот. — Как бы не так! Знаю я вашего брата. Приловчились, а теперь, верно, на толкучке моими книгами торгуете.

— Вот ей-богу! Сами читаем... честное слово.

— Ой, что-то не верю. Ну, ладно, — как бы нехотя согласился хитроватый хозяин аттракциона. — Берите выигранное, а когда вернете, дам бесплатно четыре билета — два ему и два тебе.

Чтобы получить призы на все четыре билета, Дема в цеху стал показывать Васе, как надо бить кувалдой по клину. Это заметил Савелий Матвеевич.

— В молотобойцы, что ли, дружка готовишь? — спросил он.

— Не-е...

Дема рассказал, как они добывают книги у вла-

дельца «стреляющей кузницы». Савелий Матвеевич покачал головой и заключил:

— Этот хитрец вас для обмана публики скоро начнет показывать. Мол, смотрите, есть парни, которые легко призы получают, не жалеете только грибенников. Такие, как он, ловки, — вмиг жуликом сделают. А какие книжки у него?

— «Антон Кречет», «Палач города Берлина», «Антонио Порро», — начал перечислять Вася. — И выпуски про сыщиков.

— Нда-а, начитаетесь вы всякой дребедени о жуликах и шпиках, вам и работа в голову не пойдет, легкой жизни захочется. Вот что, дружки-приятели, бросайте-ка ходить к своему обдувателю, если не желаете со мной поссориться. А книжки мы без него достанем. Я тоже любитель почитать.

На другой день Савелий Матвеевич принес книжку в крепком переплете.

— Александр Сергеевич Пушкин, — сказал он и посоветовал: — Начните читать с Дубровского.

Парни прочли книжку и, вернув ее, попросили:

— Нет ли еще чего-нибудь такого?

— Найдем, — ответил Савелий Матвеевич и дал им «Тараса Бульбу».

Зимой кузнец взял Васю к себе в подручные и стал посвящать его в секреты ремесла. Ему нравился серьезный и быстро соображающий юноша. «Сделаю его мастером, — решил Савелий Матвеевич. — Ум бороды не ждет».

Однажды он позвал Васю к себе домой и там, достав несколько брошюр из тайничка, сказал:

— Только чтоб никому! Понял? Если схватят, скажи, — нашел. Иначе мне и тебе тюрьма. Разбейся сам втихомолку. А потом потолкуем, объясню непонятное.

— А с Демой нельзя?

— Ну, с ним, пожалуй, можешь, только осторожно.

По вечерам, когда бабушки не было дома, Вася с Демой запирались в каморке, зажигали пятилинейную лампу и читали книжки, от которых тре-

можно замирало сердце. Порой они запутывались в мудреных словах и рассуждениях, по несколько раз перечитывали одни и те же места, стремясь вникнуть в смысл написанного. Но не сдавались, не возвращали недочитанных книжек Савелию Матвеевичу, а упорно одолевали их.

Иногда кузнец давал парням поручения: то принести на завод листовки и рассовать их по шкафам, то собрать деньги для передачи путиловцам, попавшим в тюрьму. А в дни забастовок, когда трусы не подчинялись большинству и продолжали работать, он говорил:

— А ну, ребята, шугните их из цеха.

Такие задания Деме больше всего нравились. Набив карманы заклепками, гайками, друзья прятались в каком-нибудь углу цеха и из своего укрытия принимались обстреливать штрейкбрехеров. Те, не понимая, откуда летят в них гайки, злобно ругались, но все же выскакивали из мастерской.

* * *

«Что же сегодня могло произойти на заводе?» — торопливо шагая, недоумевали Дема с Васей.

У главной проходной «Путиловца» они увидели возбужденную толпу. Ворота были закрыты, на завод охрана никого не пропускала. На столбах и заборе белели листки объявлений, вызывавшие ропот и ругань рабочих.

— Это они, проклятые, в отместку локаут объявили. На солдат надеются.

— Никто не ходи за расчетом! Голодом нас не испугаешь. И так ремни на последнюю дырку затянули. . .

Дема начал протискиваться к воротам и потянул за собой Васю. Добравшись к объявлению, он вслух прочел сообщение дирекции о том, что завод закрывается, что рабочие всех мастерских с 22 февраля получают расчет.

— От ворот поворот, значит? Вон она какая штука этот локаут. Крепко придумали.

— Набастовались на свою голову! — сказал стоявший рядом бородач. — Где теперь работу найдешь? Передохнем с голоду...

— С голоду-то что! Вот на фронт погонят, узнаешь тогда, как прибавку просить, — вторил ему молотобоец, живущий в пригороде. — Подбили смутьяны чертовы! А что нам, если гривенник или четвертак прибавят? За ценами все равно не угодишься.

— Тебе-то что, корову и огород имеешь. А другим-то как? Ребятишки с голоду пухнут.

— Эх вы, путиловцы! — с презрением произнес слесарь из паровозной мастерской. — Прочли листок и трусили. Может, в ноги генералу-директору пойдете кланяться? Сходите, он это любит.

— Не выйдет им, — злобно сказал рабочий в замасленной кепке. — Нас тридцать тысяч; заставим завод открыть, не позволим издеваться над собой!

— Ломай ворота!

— Стой, товарищи!.. Стой!

У ворот появилась группа старых путиловцев. Они сдерживали толпу. Среди них Дема с Васей заметили и Савелия Матвеевича.

На скамейку поднялся высокий клепальщик из лафетно-штамповочной мастерской.

— Товарищи! Не галдеть... Спокойно! — выкрикнул он в толпу. — Нас не запугают локаутom. Мы по всем заводам пойдем, весь город поднимем. Но действовать надо организованно. Первым делом выберем стачечный комитет. Есть предложение — от каждой мастерской по человеку. От паровозостроительной выдвигаю Васильева.

— Правильно, подходящий человек, — согласились паровозники. — Давай Васильева! — и дружно подняли руки.

— От меднокотельной кого?..

Котельщики назвали фамилию своего представителя и проголосовали за него.

Когда очередь дошла до старокузнечной, Дема с Васей в один голос выкрикнули:

— Лемехова! Савелия Матвеевича!

Им никто не возражал. Кузнецы знали, что Савелий Матвеевич сумеет постоять за них, и с готовностью подняли руки.

После голосования Лемехов подозвал к себе Васю и Дему.

— Никуда не отлучайтесь, понадобится мне, — сказал он.

Выбранные в стачечный комитет ушли в здание больничной кассы. Совещались они часа полтора. Потом на улице появился Савелий Матвеевич и кого-то стал искать глазами.

— Нас, наверное, — сказал Вася.

Они поспешили к Лемехову. Тот отвел их в сторону и сказал:

— Слушайте внимательно. Решение стачечного комитета такое: остановить все предприятия за Нарвской заставой и разослать гонцов во все стороны. Пусть весь город бастует. На Выборгскую сторону человек десять поедет. И вы с ними. Расскажите там про наши дела и призывайте поддерживать стачку. Только не теряйтесь, держитесь смело, как положено путиловцам; помните, что вы делегаты самого большого завода,

Савелий Матвеевич помог парням разыскать едущих на Выборгскую сторону котельщиков и еще раз предупредил:

— Только не дурить! Не забывайте, кем вы посланы.

Глава третья

ПО СЛЕДУ

Тайный агент царского охранного отделения Виталий Аверкин уже третью неделю, словно тень, ходил по пятам за Катей Алешиной. И она не замечала его. «Начинающая, — думал он, — только втягивается». А сегодня вдруг девушка испугалась и раньше времени соскочила с конки. «Какой же я идиот! Для чего вперился в нее? А еще опытным считаюсь, — ругал себя Аверкин. — Впрочем, Але-

шина далеко не уйдет; раз взяты у нее судки обеденные, — значит, непременно заглянет в «Долину», — рассуждал сыщик. — А что, если сегодня попробовать спаять ее с листовками? Нет! — тут же отверг он эту мысль. — Только спугнешь и ничего не добьешься. Еще, чего доброго, Алешину за решетку посадят. Разве ты этого хочешь? Надо действовать осторожно и обдуманно. Лучше прикинуться ее другом и обеспокоенным покровителем, который предупреждает об опасности. Она сама влетит в твои руки. Да, да, действовать надо хитро и не спеша. Потерпи, Аверкин!»

Первый раз он наткнулся на Катю совершенно случайно. Это был воскресный день. Она подошла к воротам дома, в котором скрывался отслеживаемый им студент. Аверкин по привычке исподтишка заглянул в лицо девушки и невольно пробормотал:

— Ну и красotka!

«Здесь она живет или к кому в гости? — вежливо уступив дорогу, пытался угадать сыщик. — Нужно проследить».

Катя пересекла двор и вошла в тот же подъезд, куда скрылся отслеживаемый студент. «Не к нему ли на свиданье?» — подумал сыщик.

Не мешкая, он шмыгнул в подъезд и остановился в темном углу лестничной клетки.

Девушка поднялась на площадку третьего этажа и четыре раза постучала в стенку. За дверью послышался женский голос:

— Кто там?

— Я к бабушке Соне, — негромко ответила девушка. — Она дома?

То же самое говорил и студент.

— К нему! — злобно пробормотал Аверкин, когда дверь за Катей захлопнулась. — Ну, погоди же, я вам устрою свидание за решеткой!

Подняв воротник, он стоял в тени соседнего подъезда и поглядывал на занавешенные окна третьего этажа. Там изредка мелькали тени, свет становился то ярче, то бледней, но что делают обитатели конспиративной квартиры, трудно было понять.

Прижавшись спиной к стене, Аверкин терпеливо ждал и раздумывал: «Кто же выйдет первым? Если девушка, то пойду за ней, — решил он. — Я должен узнать, где она живет. Может, нащупаю новую цепочку заговорщиков и открою организацию, еще неизвестную охранному отделению. А это повышение и награда! Надо действовать именно так. Студент никуда не денется, — я знаю, где он ночует».

Катя вышла первой. Оглянувшись по сторонам и ничего подозрительного не заметив, она прошла под арку и повернула вправо. Аверкин, выждав несколько секунд, перебежал к воротам и выглянул на улицу. Пешеходов было немного. В неярком свете фонаря он видел, как девушка торопливо удаляется.

Натянув поглубже кепку, сыщик поспешил за ней. Приблизясь метров на сорок, он замедлил шаги и, прячась за идущей впереди парой, не спускал с девушки глаз. Аверкину хотелось приметить в ее фигуре что-нибудь особенное, отличающее от других, чтобы потом нетрудно было отыскивать девушку в людском потоке на более оживленной улице. Но, как сыщик ни всматривался, все в Кате казалось ему обычным: она не покачивала ни плечами, ни бедрами, шаг ее был ровным и легким. Видно, девушка привыкла ходить пешком и не боялась больших расстояний.

«Вот разве ноги чуть полноваты для такой тонкой и аккуратной фигурки, — подумал Аверкин, но тут же сердито возразил себе: — А где ты видел стройней? Ишь, знаток! Все у нее в меру. Может, только голову держит слишком гордо и независимо, словно ее из института благородных девиц выпустили. Впрочем, если бы ее одеть побогаче, то она бы выглядела лучше смолянок».

Аверкин заметил, как шедший навстречу франтоватый чиновник обернулся вслед девушке и остановился, точно соображая: не увязаться ли за ней?

«Этого еще не хватало!» — досадуя, подумал сыщик. Он ускорил шаг и со всего хода так налетел на волокиту, что у того от толчка слетела фуражка.

Не желая вызывать лишнего шума, Аверкин поспешил извиниться:

— Ради бога... Прошу простить. Вы столь неожиданно остановились, что я нечаянно...

Но чиновник оказался крикуном:

— Хам! — рявкнул он, схватив сыщика за рукав. — Расхулиганились тут... К городовому захотел?!

Назревал скандал, который был некстати. Боясь потерять из виду Катю, сыщик резко выдернул руку и, показав значок охранного отделения, злобно прошипел:

— Замолчи, сволочь! А то сам сейчас угодишь в полицию.

Отшвырнув ногой на мостовую фуражку опешившего чиновника, Аверкин кинулся догонять далеко ушедшую девушку.

Он умел передвигаться быстро и бесшумно. Приблизившись к Кате на прежнее расстояние, Аверкин шел за ней следом до тех пор, пока она не свернула в ворота каменного дома.

«Не новая ли конспиративная квартира?» — подумал сыщик. Он поспешил за девушкой во двор и там увидел, как за ней захлопнулась дверь в подвальное помещение.

Выждав некоторое время, Аверкин стал заглядывать в плохо занавешенные окна подвала. В одном из них он увидел Катю. Она устало снимала с себя короткое пальто и что-то говорила высокой старухе, смотревшей на нее поверх очков.

Без платка и пальто девушка стала стройней и выше. Простенькое синее платье, стянутое ремешком в талии, очень шло к ней, а белый воротничок оттенял разрумянившееся на холоде лицо, с приметной родинкой у подбородка.

«Вот такая же родинка была и у Туси Бонич, — подумалось Аверкину. — Только у той не у подбородка, а под губой. И красота была какой-то холодной, кукольной».

Взяв полотенце, девушка вышла, а старуха стала накрывать стол к ужину.

Обстановка в комнате была убогой: два деревянных топчана, застеленных лоскутными одеялами, старенький комод, несколько табуреток и в углу — потемневшая икона с едва мерцающей лампадкой. Электрическую лампочку прикрывал зеленоватый бумажный абажур.

«Небогато живут, — определил Аверкин. — От такой жизни не возгордишься. Деваху нетрудно будет приручить подарками. Только вот глупость, взбрело же ей с политическими связаться! Теперь думай, как спасти от тюрьмы. Впрочем, чего я огорчаюсь? Ее же можно уговорить работать на нас. Идея, черт побери! Вдвоем мы всюду пролезем».

Девушка вернулась в комнату оживленной. Повесив полотенце, она подошла к круглому зеркальцу, стоявшему на комодѐ. . .

Сыщик, наверное, еще долго бы наблюдал за Катей, если бы ему не помешали: во дворе появилась толстая дама с белой собачкой. Аверкин, отпрянув от окна, спросил у нее:

— Простите, мадам. . . Вы не скажете, где я могу найти хозяина этого дома?

— Вот там, — указала она. — Вход под аркой.

Утром сыщик узнал, кто живет в подвале, как зовут девушку и где она работает.

С этого дня жизнь его осложнилась. Днем Аверкин занимался своими обычными делами, а под вечер, словно на свиданье, спешил к заводу «Айваз» и ждал, когда появится Катя Алешина. Чтобы не быть приметным, он часто менял пальто, шапки и шляпы, приходил то в очках, то с наклеенными усами, то бородатым.

Катя обычно появлялась на улице не с общим потоком рабочих, а чуть позже. И всегда шла одна, без подруг и товарищей. Это затрудняло слежку, но Аверкин не огорчался: «Хорошо, что никого нет; значит, свободна». Стоило ей показаться из проходной, как у сыщика начинало учащенно биться сердце. Эх, если бы он мог подбежать к ней, подхватить под руку и пойти рядом! А тут приходилось прятаться, делаться невидимкой и на большом расстоя-

нии идти за девушкой по темным улицам и переулкам.

За две недели слежки сыщик узнал адреса нескольких конспиративных квартир, но это не радовало его: Аверкин боялся подвести Катю. Он даже начальству своему не доносил о том, что напал на след новых подпольщиков. Не зная, как поступить, Виталий решил пойти к старшему брату — Всеволоду. Тот был ловок на такие дела и мог подсказать, как действовать похитрей.

Всеволод в свои двадцать семь лет сумел добиться многого: он закончил юридический факультет и числился по министерству следователем по особо важным делам. Правда, он всегда как-то свысока поглядывал на недоучившегося младшего брата, точно тот был бедным родственником, но с готовностью давал ему всякие советы, так как сам нередко пользовался услугами тайного сыщика. Услышав, что Виталий влюбился в простую работницу, он сперва удивленно вскинул брови, потом снял с переносицы пенсне и захохотал.

— Поздравляю... блестящее начало карьеры! — сказал он.

— Ты не смейся, — угрюмо буркнул Виталий. — Она бы и тебе понравилась.

— Ну что же, я не прочь.

— Перестань зубоскалить... Я серьезно.

— Ладно, не злись. Меня развлекает совершенно не то, что ты думаешь, а странное повторение похожих обстоятельств. Ты почти в точности идешь по моим стопам. Помнишь Зину? Ну, ту черноглазую, с челочкой на лбу? Так я ведь с ней на улице познакомился. Выследил, когда она прокламации несла, подхожу и без всяких церемоний за локоточек хватаю. Курсисточка обомлела, глаза, как у птицы, круглыми стали. «Кто вы такой? — лепечет она. — Я вас не знаю». «Скоро узнаете, — говорю и покрепче сжимаю локоток. — Идем». Она поглядывает на мою студенческую куртку и не может понять: филер я или ловелас? «Куда вы меня ведете?» — спрашивает. А я, конечно, пугаю: «В охранный отделение,

милая... в тюрьму». Чувствую — затряслась курсисточка и ноги едва волочит. «Я вас очень прошу... отпустите! — взмолилась она, — Первый раз мне дали... клянусь, больше никогда не буду. Я в тюрьме погибну... Ну, пожалуйста, пощадите... умоляю. Хотите, на колени встану?.. Не нужно меня в тюрьму!» Я тут и соображаю: не прибрать ли ее к рукам? И прибрал — провокаторшей сделал. С помощью этой девушки я несколько студенческих кружков накрыл. Только смотри, тут меру надо знать, а то получится, как с моей. Видно, пережал я или слишком большую нагрузку для слабого характера дал. В общем не выдержала, у себя же в комнате и повесилась. А ведь хорошенькая бестия была! До сих пор жалею, что так случилось. И ты подобным способом можешь прибрать к рукам свою Катю, только учти мой опыт и не пересоли. Впрочем, у заводской характер, видимо, будет покрепче...

Но Виталий не решался схватить Катю на улице. «У нее, конечно, иной характер. Такая скорей в тюрьму пойдет, чем согласится подчиниться мне, — думал он, шагая к трактиру «Долина». — Надо придумать что-нибудь похитрей. Она не уйдет от меня».

Глава четвертая

ЗАПРАВСКИЙ ОРАТОР

Трактир «Долина» находился в гуще заводов на Сампсониевском проспекте. Сюда то и дело забегали рабочие; одни — чтобы попить чайку, другие — согреться стопкой водки или побеседовать с товарищами за кружкой пива.

Когда четверо путиловцев вошли в «Долину», в большом зале под потолком уже плавали слоистые облака табачного дыма. Трактир был заполнен рабочими вечерних смен, забастовщиками и безработными. На столиках виднелись пузатые фаянсовые чайники, дымящиеся стаканы, кружки с пивом, закуски. Люди возбужденно разговаривали меж собой и на пришельцев не обращали внимания.

— Побудьте пока у дверей, не расходитесь, — сказал старший из котельщиков. — Погляжу, нет ли тут знакомых.

Он прошел по залу, взглядываясь в лица сидящих. У одного из столиков путиловец остановился и крепко пожал руку рослому усачу, а затем и его товарищам.

Выборжцы потеснились, усадили его рядом и начали расспрашивать, какими ветрами занесло жителя Нарвской заставы в другой конец города.

Решив, что разговор за тем столиком затянется, Дема Рыкунов, завистливо поглядывая на обедающих, шепотом спросил у Васи:

— Много у тебя денег?

— На трамвай только осталось, — ответил Кокорев. — Если потратим, пешком придется...

— Худо наше дело, — вздохнул Дема. — Может, чайком побалуемся? За такой чайник, если без сахара, наверное, не больше пяти копеек возьмут. А у меня хлеб с собой есть.

Но чай им не удалось заказать. Усач, с которым поздоровался путиловец, поднялся на табурет и, замахав шапкой, выкрикнул:

— Товарищи, к нам путиловцы пришли! Их всех сегодня уволили, или, как говорится, локаут объявили. Послушайте только, что выделывают.

Все головы повернулись в сторону путиловцев.

— Сюда... к нам подсаживайтесь! — слышались отовсюду голоса.

Выборжцы гостеприимно освободили места у столиков, усадили путиловцев и, обступив со всех сторон, засыпали вопросами:

— Локаут? Всех до одного за ворота? Что ж теперь делать будете?

— На фронт, что ли, погонят?

— Говорят, солдат к вам пригнали?

И тут же возмущались:

— Тридцать тысяч мастеровых за ворота выгнать! Что ж это такое делается? Жить-то с чего? По меньшей мере сто тысяч голодных ртов прибавится!

— Обнахалились заводчики. Запугать нашего брата хотят, чтоб пикнуть никто не посмел. У них сговор, а мы врозь действуем. Пора кончать с такой жизнью.

— Верно! Мы за этим и пришли к вам, — отвечали путиловцы. — Довольно вразнобой бастовать. Сегодня за Нарвской заставой будут остановлены все фабрики и заводы. А мало будет, — топки на электростанциях загасим, без воды и света город оставим. Пусть попробуют без нашего брата обойтись.

— Дельно! Так и следует. Пошли с нами на «Старый Лесснер».

— На Нобелевский сперва.

— На «Эриксон»!

Каждому хотелось увести путиловцев на свой завод. Но тут появился невысокий человек в замасленной куртке и кожаной фуражке. Его, видимо, вызвал усач, куда-то уходивший на время.

— Спокойней, не горячиться, товарищи! — подняв руку, потребовал пришедший. По манере держаться и говорить чувствовалось, что он один из вожakov. — Доверьте стачечному комитету обо всем дотолковаться с путиловцами, а здесь не место решать такие дела.

Усач мигнул путиловцам, чтобы те потихоньку перешли в соседнюю комнату.

Закрыв за собой дверь, он доверительно сообщил:

— Попало мне за то, что раньше времени шум поднял. Из районного комитета здесь были, вон в той боковой сидели. А теперь придется в другое место пойти.

Он провел их через запасный ход и какие-то захламленные дворы в полутемное подвальное помещение. Там путиловцев поджидали несколько райкомовцев Выборгской стороны и связные.

Расспросив о делах за Нарвской заставой, райкомовец, носивший очки в металлической оправе, сказал:

— Первым делом вас к работницам придется

послать. Завтра женский день. Пусть увидят, что путиловцы поднялись. Это им смелости прибавит. Кто из вас к текстильщицам пойдет?

— Ну, хоть мы, — согласились котельщики.

— Ладно, идите вы, а этих молодцов, — указал он на Васю с Демой, — к «Ландрину» пошлем, а потом на «Новый Айваз». У них и проводница под статью...

Он повернулся к девушке, сидевшей у окна, и сказал ей:

— Забирай, Катя, своих.

Кокорев с Рыкуновым не ждали, что их пошлют с девушкой. Но возражать было неловко.

Растерянно переглянувшись меж собой, парни пропустили Катю вперед и вышли за ней на улицу.

«Опозоримся теперь, — досадуя, думал Дема. — Дядьке очкастому хоть намекнули бы, что выступать не умеем... Может, выручил бы. А с ней как? У самой душа в пятки уйдет». На всякий случай, он все же подравнял шаг с девушкой и спросил:

— А что нам на фабрике делать придется?

— Как что?! Разве вы не знаете? — удивилась она. — Я вызову Самсонову, она работников соберет, а вы речь скажете...

Услышав слово «речь», Дема даже присвистнул.

— Вот так раз! Какую такую речь?

— Самую простую, какая выйдет.

— А если собьемся или еще что?

— Подумаешь, трагедия! — с видом знатока успокаивала его девушка. — Там все свои будут. Да и товарищ подскажет, добавит чего-нибудь.

— Нет уж, пусть тогда он первым, — начал убеждать ее Дема. — Вася и книги разные читает... и язык у него лучше подвешен.

— Что-то не заметила я, — покосившись в сторону молчаливого, сумрачно шагавшего Кокорева, засмеялась девушка. — Не с испугу ли ваш Вася язык проглотил?

— Не горазды мы говорить, — заступился за товарища Дема. — Если бы кувалдой или кулаком, — это, пожалуйста, всегда готовы. А речам не обу-

чены. Вам-то, конечно, привычней... да и полегче женщине с женщинами. Может, выскажетесь за нас, а? — предложил он. — Мы вам все растолкуем.

— Нет, как же я могу за вас? — стала возражать Катя и тут же созналась. — Я ведь тоже никогда речей не произносила.

— Чего же мы с вами делать-то будем? — всполошился Дема и, повернувшись к Васе, спросил: — Не вернуться ли за котельщиками?

— Не надо, — буркнул тот, — обойдемся без них.

Девушке Кокорев показался нелюдимом. «Шуток не понимает, рассердился», — подумала она.

Вскоре друзья почувствовали сладковатый запах конфет, распространившийся по всей улице.

— Вот и фабрика, — сказала Катя. — Вы стойте здесь...

Она прошла вперед и скрылась в проходной.

— Ох, и осрамимся же мы сейчас! — произнес Дема, с опаской поглядывая на фабрику. — Выбегит таких, как она, сотни две, а мы с тобой — ни бе, ни ме, ни кукареку.

— Тебе-то чего тревожиться? Ты, по-моему, уже наловчился говорить... без запинки всякую чепуху молол, — подковырнул его Вася.

— Ага-а, завидно стало? Я, брат, сразу ее приметил, — признался Дема. — Вот, думаю, девушка; если б с такой подружиться, — пешком бы не поленился сюда ходить.

Алешина вернулась минут через двадцать.

— Все устроено, — сказала она. — Нас через проездные ворота пропустят. Они в упаковочной собираются, от каждого цеха по несколько человек.

Высокие ворота оказались чуть приоткрытыми. В узкую щель сначала проскользнула девушка, за ней протиснулись бочком и путиловцы.

Они прошли мимо сторожа и очутились в длинном складском помещении, где рядами стояли пестро раскрашенные жестяные банки, грудились ящики и пачки оберточной бумаги.

Здесь путиловцев уже поджидали работницы.

Черноглазая женщина в белой косынке о чем-то пошепталась с Катей и, оглядев присутствующих, предложила:

— Давайте начнем. Остальных ждать не сто́ит, а то еще «Буркач» сюда заглянет... И, пожалуйста, без шума, — предупредила она. — К нам путиловцы пришли. А зачем?.. Они вам сейчас сами расскажут. Прошу...

Черноглазая обернулась к парням и жестом пригласила подойти ближе.

— Говори первым, — подтолкнул Дема Васю.

Кокорев снял шапку, тряхнул кудрями и, приблизясь к сидящим, негромко заговорил:

— Товарищи женщины, нас послали к вам тридцать тысяч путиловцев. Сегодня нас всех уволили. Так что видите вы перед собой безработных. Сначала забастовало у нас две мастерских. Потребовали принять зря уволенных и повысить расценки. Директор завода — генерал Дубницкий — не стал слушать наших делегатов. Он прогнал их и пригрозил закрыть мастерские. На такое хамство мы решили объявить забастовку по всем мастерским. А сегодня приходим к воротам и узнаем: получай расчет и иди, куда хочешь. Вам нечего объяснять, что это значит. Сами знаете, сколько на еду денег надо. А фабриканты и заводчики в три горла жрут да еще грозятся на фронт отправить. Мы воевать не боимся, не из трусливых. Только незачем нам за богачей кровь проливать. Мы еще подумаем, кого бить следует...

«Вот так Вася! — восхищался Дема Рыкунов. — Прямо заправский оратор! И где только он таких слов нахватался? Наверное, все листовки запомнил...»

Дема слегка выпятил грудь и, подбоченясь, стоял с гордым видом: глядите, мол, какие мы, путиловцы!

Женщины невольно подумали:

«Ну, если там, на «Путиловце», хотя бы тысяча таких здоровяков, держись тогда полиция, — все разнесут. С такими и против казаков не страшно выйти».

А Кокорев, облизывая сохнувшие от волнения губы, говорил недолго и закончил свою речь призывом:

— Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Бросайте работу, выходите завтра на улицы и присоединяйтесь к нам.

Работницы хотели было хлопнуть в ладоши, но черноглазая, подняв руки, остановила их:

— Чшш... Тише! Без хлопков обойдемся. Путиловцы правильно говорят. Довольно терпеть. Завтра наш женский день. Сговаривайтесь по всем цехам не выходить на работу. Хватит господ конфетами кормить. Пусть перцу попробуют. Что скажем путиловцам? — спросила она у присутствующих. — Поддерживаем их?

— Поддержим, — ответили женщины, — присоединяемся.

Прощаясь, работницы пожимали руки Кокореву, Рыкунову и давали советы, на какие фабрики им еще следует зайти. Одна из них сунула жестяную коробку монпансье и шепнула:

— Барышню свою угостите... и чаще заходите к нам.

На улицу Кокорев вышел повеселевшим. От его хмурого вида не осталось и следа: глаза светились, щеки пылали.

— Куда теперь? — спросил он у Кати.

— К нам, на «Айваз», — ответила она.

Вася вытащил из кармана конфеты и протянул их девушке.

— Это вам от нас обоих.

Катя тотчас же раскрыла коробку, чтобы угостить путиловцев леденцами. И в это мгновение она заметила на другой стороне улицы длиннолицего парня с конки. Он стоял спиной к ним и делал вид, что читает афиши, наклеенные на заборе. «За мной следит, — поняла девушка. — Значит, я всюду таскаю за собой шпика. Подвела и райкомовцев и этих парней. Как быть? Надо немедленно предупредить их».

Протянув путиловцам монпансье, она вполголоса сказала:

— Угощайтесь и слушайте меня. Только не обобщайтесь. На той стороне улицы стоит долговязый парень с поднятым воротником. Это шпик. Он с утра следит за мной. И, видно, был в «Долине». Что теперь будем делать?

— Надо отучить его ходить по следу, — сказал Вася.

— Верно, — подхватил Дема. — Сделаем так: вы идите на «Айваз», а я останусь и посмотрю, за кем он пойдет. Если за вами, то нагоню где-нибудь на пустыре и так намну бока, что он дорогу сюда забудет.

— Только осторожней: у таких оружие может быть, — предупредила Катя.

— Будьте спокойны, зря кидаться не стану. Если не побью, то уведу за собой. Пусть походит. Без полицейских он меня не возьмет, да и струсит пойти туда, куда мне захочется. — Говоря это, Дема крепко пожал руку девушке, затем своему приятелю и хитровато посоветовал: — Ты, Вася, в случае чего, не оставляй Катюшу одну, проводи прямо до дома и адресок запомни. Может, в гости когда позовет.

— Пожалуйста... в любое воскресенье буду рада видеть вас, — сказала девушка.

Вася Кокорев хотел было взять Алешину под руку, как это делают провожатые, но у него не хватило смелости, и он пошел рядом. А Дема круто повернулся и зашагал в обратную сторону. По пути он внимательно всмотрелся в парня, читавшего афиши. «Никак Мокруха? — удивился он. — Ну, конечно, сын кабатчика. Их трактир у Красненького кладбища. Это из-за него Фильке от отца досталось. Значит, брат не зря отлупил его. Ах, гадина, шпигом стал! Погоди, я тебе и за прошлое и за сегодняшнее всыплю!»

Дема завернул за угол и, притаясь, стал наблюдать в узкую щель меж стеной и водосточной трубой за сыщиком. Тот, постояв некоторое время у афиши, огляделся, прошел шагов двадцать вперед и юркнул под арку ворот. Вскоре он вновь появился, но уже

не в кепке, а в серой барашковой папаше. И под носом у Мокрухи виднелись темные усики.

«Ну и ловок! — изумился Дема. — Прямо оборотень. В минуту иным стал. Жаль, у меня запасной одежды нет. Может, шапку на другую сторону вернуть? .. Не, нельзя, еще приметней буду. Лучше щеку повязать».

Он так и сделал: снял закрученный на шее шарфик, повязал им щеку, как это делают при флюсе, и пошел следом за Мокрухой.

Сыщик шагнул скособочась и волоча правую ногу. «Хромым прикидывается. Ишь, хитрюга! — сердясь, думал Дема. — Погоди, скоро я тебя выпрямлю!»

Мокруха явно следил за Алешиной и Кокоревым. Как только они прошли под железнодорожный мост и скрылись из виду, он мгновенно перестал хромать и чуть ли не бегом устремился вперед.

Дема не побежал за ним, а поднялся на железнодорожную насыпь и сверху стал наблюдать за сыщиком. Тот не сразу вышел из-под моста, а раскуривал трубку и, видимо, выжидал, чтобы между ним и выслеживаемыми появились пешеходы. Он показался на панели, когда Катя с Васей ушли далеко.

Дема решил не идти следом за сыщиком. По железной дороге он добрался до Сердобольской улицы и там еще с насыпи увидел, что Алешина с Кокоревым прошли через пролом в заборе в Лесной парк. «Зачем они туда? — недоумевал он, но тут же сообразил: — Мокруху, видимо, заманивают». Он бегом спустился вниз и поспешил к парку.

Лесной парк по всем направлениям был изрезан лыжными следами и узкими тропинками, протоптанными в глубоком снегу. Только прямая дорожка оказалась шире. Дойдя до скамейки, Катя с Васей уселись рядом и осторожно стали поглядывать по сторонам: не прошел ли за ними следом и шпик. Пора было избавляться от него, так как до завода «Айваз» оставалось не более десяти минут хода.

На город уже наплзали ранние северные сумерки. В парке сгущались тени, поэтому нелегко

было разобрать, что творится за стволами дальних деревьев.

Оглядевшись вокруг, Вася пожал плечами:

— Ни шпика, ни Демы, — произнес он. — Не потеряли ли они нас?

— Если потеряли, то еще лучше. Сейчас мы пересечем парк, пройдем два—три квартала и очутимся около завода, — ответила Катя и вдруг вцепилась в руку путиловца. — Вы ничего не заметили? Вон там, левой нашей дорожки, кажется, кто-то пробежал и спрятался за деревом.

— Мне тоже показалось. Знаете что? Вы посидите здесь, а я пойду взгляну. Если это шпик, то Дема идет сзади и не даст ему убежать. Вдвоем мы скорей отделаемся от него.

— Только осторожней: у него оружие может быть, — еще раз предупредила девушка.

Этот кареглазый юноша с ямочкой на подбородке нравился ей.

«Только бы с ним ничего не случилось!» — думала Катя, с тревогой вглядываясь в сгушавшуюся мглу. Кроме удалявшегося Кокорева, она никого больше в парке не видела. Даже на дальних дорожках не было прохожих.

«Где же замешкался его товарищ? — досадовала Катя. — А вдруг тот выстрелит из-за дерева? Или сразу нападут несколько человек? Я же не смогу помочь, у меня листовки. Может, зарыть их поглубже в снег?.. Лучше бы я не отпускала его. В темноте мы бы запутали сыщика и ушли. Зря надеялись на этого увальня...»

Дема тем временем стоял, притаясь за раздвоенным тополем, и, не спуская глаз с сыщика, думал: «Хорошо, что в парке больше никого нет, не мешают мне. Только вот как незаметно подобраться к нему? Осторожный, гад, все время оглядывается».

Сыщик первым увидел приближавшегося Кокорева.

«Почему он идет сюда? — не мог понять Аверкин. — Неужели заметили? На всякий случай надо достать браунинг».

Сыщик хотел было сунуть руку в задний карман брюк, как вдруг услышал позади хруст снега. Он обернулся и, увидев перед собой рослого и широкоплечего путиловца с повязанной щекой, прижался спиной к дереву и стал нащупывать рукоятку пистолета.

— Ты за кем, Мокруха, подглядываешь? — делая еще шаг, спросил Рыкунов.

— Проходи мимо, а то пулю в лоб получишь! — пригрозил Аверкин, рывком вытаскивая браунинг.

Но взвести пистолет сыщику не удалось: Дема прыжком сбил его с ног и, навалившись всей тяжестью, с такой силой стиснул запястье, что кисть аверкинской руки невольно разжалась и браунинг выпал.

Подоспевший Кокорев подобрал пистолет и, как только сыщик закричал, забил ему рот снегом. Потом он помог Рыкунову задрать полы застегнутого пальто шпика выше головы и связать их. Аверкин словно попал в мешок. Собственное пальто стало для него темницей. Взяв длинный аверкинский шарф, Дема с Васей так стянули им шпика, что тот не мог шевельнуть ни руками, ни головой. Кричать было бесполезно: подбитое ватой пальто заглушало звуки.

Аверкин, чувствуя, как парни ремнем стягивают ему ноги у щиколотки, в страхе думал: «Что же они со мной сделают? Проклятая девка, это она натравила их на меня! А я еще жалел ее. Таких не то что в ссылку, вешать надо».

Снег растаял во рту. Проглотив горькую слюну, шпик забился и закричал:

— Отпустите сейчас же! Хуже будет. . . в тюрьме сгниете!

Но парни, конечно, не слышали его угроз. Усевшись на связанного шпика, Дема отдышался и сказал Васе:

— Выбирайтесь отсюда. Если тихо на улице, — не возвращайтесь, я тут один справлюсь.

— Затащи его куда-нибудь подальше и брось.

— Ладно, иди. Соображу, что сделать.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ВИТАЛИЯ АВЕРКИНА

Взвалив сыщика на плечо, Рыкунов понес его в глубь парка.

«Куда же мне его деть? — размышлял он по пути. — В снег кинуть или в кусты? Не найдут, закончeneет еще на холоде. Вроде человека убьешь. А оставить на виду, — раньше времени заметят и развяжут. Нашел же я себе занятие!»

Впереди путиловец заметил огоньки. Они то появлялись, то скрывались за стволами деревьев. «Живут там, что ли? Надо поглядеть, может, сарай какой найду».

Сбросив свою ношу в сугроб, Дема пошел прямо на огни. Минут через пять он увидел небольшие темные строения, а за ними — высокие каменные дома. Свет был лишь в некоторых окнах.

«Не огорожено», — обрадовался Рыкунов и стал приглядываться к низким строениям. У одного из них широкая дверь была приоткрыта. Он подошел ближе и заглянул в сарай. Там белела грудa поленьев. «Вот где я его запру, — решил Дема. — Самое подходящее место. До утра не найдут».

Аверкин, лежавший в снегу, не мог понять: ушли парни из парка или стоят поблизости и наблюдают за ним? Он пытался вслушиваться, но звуки не пробивались сквозь толщу сукна и ваты. В этом тесном мешке, покрывавшем половину тела, духота становилась невыносимой. Спина и грудь Виталия взмокли от жары, а бедра и колени стыли на холоде. «Так я задохнусь либо отморожу ноги, — думал он. — Надо скорей высвободиться».

Аверкин принялся извиваться, дрыгать ногами, кататься по снегу... Но путы не ослабевали. Ему стало еще жарче. «Что же делать? Кричать бессмысленно. Надо выкатиться на дорогу и ждать. Авось какой-нибудь прохожий наткнется. Но в какой стороне дорожка?»

Сыщик несколько раз перекатился. Кругом был

мягкий снег. «Не сюда», — понял он и стал перека-
тываться в обратном направлении. . .

Когда Рыкунов вернулся, то на старом месте
сыщика не нашел. Снег вокруг был примят и взрыт.

«Куда же он делся? — не понимал путиловец. —
Неужто развязался и ушел?» Дема пригнулся и, за-
метив широкий след, пошел по нему. Вскоре он на-
ткнулся на притихшего Аверкина, который так вы-
валялся в снегу, что походил на белый заледеневший
ком.

«Вот ведь ловкач! — изумился Рыкунов. — Да-
же связанным норовит удрать. Такого только под
замком удержишь».

Страхнув с сыщика налипший снег, он вновь
взвалил Аверкина на плечо и понес к дровяному
сарая. В сарае Дема бросил его на опилки, прида-
вил сыщика тяжелыми козлами и, выйдя на улицу,
запер дверь на засов.

Аверкин некоторое время не шевелился. «Куда
они принесли меня? — не понимал он. — Не в сто-
рожку ли, чтобы здесь, в глубине парка, пытать? Ну,
конечно, им надо же знать, кого я выследил и какие
сведения передал охранке. А что я им скажу? Разве
кто поверит, что я ни слова не говорил своему на-
чальству об Алешиной? Никогда. А она нехорошо
поступила со мной. Какой же я все-таки невезучий!
Ведь с детства страдаю из-за девчонок!»

В пятнадцать лет Виталий влюбился в гимна-
зистку Тусю Бонич. Он часами мерз в скверике пе-
ред ее окнами, ожидая, когда девчонка сделает уроки
и выйдет гулять. Туся обычно появлялась одна. Он
узнавал ее по белой шапочке, беличьей шубке и
муфточке. Девочка шла с гордо поднятой головой,
как бы никого не замечая. Она прогуливалась по
набережной Екатерининского канала. Там у пара-
пета стояла дощатая сторожка с небольшими окон-
цами. Лишь летом, когда у стенки канала останав-
ливались баржи с тесом и кирпичами, в будке появ-
лялся сторож; в остальное же время она пустовала.

Обогнав Тусю боковой дорожкой, Виталий мчался к этой сторожке и, дождавшись девочку, вполголоса подзывал:

— Бонич! А у меня сегодня шоколадные конфеты... Хочешь?

Гимназистка каждый раз колебалась: идти или не идти? Конфеты строго-настрого были запрещены матерью. Мать боялась, что сладости испортят ровные, сияющие, как жемчужинки, зубы девочки.

— А ты никому не скажешь? — растеряннo оглядываясь по сторонам, спрашивала Туся.

— Ей-богу... чтоб мне провалиться... — клялся он.

Колебания были недолгими. Разве утерпишь, когда хочется сладкого? Еще раз оглянувшись, девочка вбегала в будку и садилась на скамейку так, чтобы с панели ее никто не заметил.

Аверкин, глотая слюну, смотрел, как Туся не спеша и с наслаждением поедала конфету. Потом он вытаскивал из кармана вторую, более дорогую, и, вертя ею перед глазами, говорил:

— А за эту два фанта.

Девочке неприятен был мокрогубый, похожий на дятла мальчишка. Но желание поесть шоколаду пересиливало брезгливость. Зажмурив глаза, она вытягивала вперед лицо, точно готовясь к чему-то неприятному, и просила:

— Только быстрее.

Он торопливо вытирал рот рукой и целовал сладкие, судорожно сомкнутые губы девочки. После этого Туся забирала шоколадку, прятала ее в муфточку и убегала в сквер.

Чтобы чаще видаться с Бонич, ему нужны были деньги. Виталий воровал их из кассы у отца, из сумочки у матери и у товарищей. Однажды старшеклассники заметили, как Аверкин в раздевалке обшаривал карманы шинелей. Они тут же избили его и повели к начальнику гимназии. Тот, выслушав гимназистов, побледнел и воскликнул:

— Подлец, ты же опозорил всю гимназию!

Виталий чувствовал, что и Сан Санычу хочется ударить его. Но начальник был сдержанным челове-

ком, он лишь щелкнул пальцем по кончику его носа и, повернувшись к старшекласникам, трагическим шепотом потребовал, чтобы те поклялись «честным, благородным словом» никому не говорить о случившемся. Потом он закрыл Аверкина в пустом классе и послал сторожа за отцом.

«Значит, быть мне без обеда до вечера, — заключил Виталий, усаживаясь за парту. — Отца они не скоро вызовут, а мать, конечно, не пойдет из-за меня в гимназию. Она любит только Всеволода, а я для нее «балбес... гадкий, противный мальчишка». — Так размышляя, он машинально вытащил перочинный ножик и стал вырезать на парте букву «Т». — Ну и ладно, пусть не приходит. У отца-то я откручусь».

Виталий не понимал отношений отца с матерью. Жили они какой-то странной жизнью: мать никогда не видела «Красного кабачка», а отец лишь раз или два в месяц приезжал в городскую квартиру и вел себя неестественно, словно непрощенный гость. Мать в такие дни ходила с повязкой на голове, как при мигрени, и разговаривала с отцом, едва разжимая губы. Она морщилась от каждого его шумного движения и презрительно говорила: «Вот мужлан!»

Виталий не раз слышал, как сплетничающие соседки называли его старшего брата «богомоловским», хотя Всеволод во всех своих тетрадях писал фамилию: Аверкин. Правда, отца он называл не папой, а Фролом Семеновичем и говорил с ним на «вы», как с чужим.

Разбитой и бойкий на язык, отец в городской квартире вдруг делался угрюмым и настороженным. Его хохолок на лысеющей голове как-то жалко топорщился, а острый кончик носа становился красным. Он то сидел нахохлясь, то вдруг напивался, пинал ногой стулья и кричал:

— Кто я здесь — хозяин или приказчик? Ишь, господа! Да вы должники мне по гроб жизни. Кто ваши шашни и грехи покрывал? Думаете, что без вас кабачишко не получил бы? Шиш! Он мне полагается за верную службу и сокрытие богомоловских тайн. А если он ваш, то отправляйтесь на Красно-

кабачное шоссе и обирайте пьяных, а я тут останусь, поживу, как фон-барон в четырех комнатах!

Отец даже не оставался ночевать, а уезжал к себе за Нарвскую заставу. Виталию тоже не нравилась жизнь в городской квартире, и он часто ездил к отцу. Там для него было раздолье: он бегал с заставскими ребятами, куда хотел, и делал, что нравилось. И никто ему не говорил: «Боже, какой ты грязный! Сейчас же вытри губы и нос... И не держи руки в карманах».

У отца не трудно было раздобыть денег, закупить сладостей и выменять их на рогатки, пращи и самодельные пистолеты. Свои игрушки Виталий хранил в верхней комнате кабачка, потому что мать выбросила бы их на помойку.

«Скоро ли отец придет? — с нетерпением поглядывая в окно, думал запертый в классе Аверкин. — Ведь обедать охота. Эх, не догадался я стащить чей-нибудь завтрак!»

Отец приехал в гимназию под вечер, когда занятия кончились. Узнав от начальника гимназии о воровстве Виталия, он удивленно хмыкнул и сказал:

— А у меня, понимаете, как будто ничего не пропало.

— Возможно, дома он не безобразничает, а у нас почти каждый день гимназисты жаловались на пропажи. Сегодня ваш сын уличен! С поличным... да-с! Чтобы не ставить вас в неловкое положение и не позорить гимназию... лучше будет, если вы без шума заберете сына, а нас официально известите, что он изъят по болезни. Против совести вы не погрешите. Воровство называют kleптоманией, а kleптомания — болезнь.

— А начисто замять это дело никак невозможно? — спросил кабатчик. — Я свиньей не останусь, отблагодарю.

— К сожалению... помочь не могу, — разведя руками, ответил начальник гимназии. — Это решение попечителя.

Кабатчика Аверкина возмущало не то, что сын обворовывал товарищей, а другое: как он смел по-

пасться? Идя домой, он закатил Виталию оплеуху и стал допытываться:

— Ты, наверное, и по моим карманам шастал? И в кассу лапу запускал?

Долговязый мальчишка шел сгорбившись и противно хлюпал носом. Кабатчик еще раз ударил его по затылку, и это словно встряхнуло сына. Он вдруг взвизгнул:

— А ты меня ловил?.. Ловил, да? А еще дерется! Сам будто лучше.

«Ну и подлюга же растет!» — отметил про себя кабатчик. Но вслух назидательно сказал:

— Если воруюшь, то воруй с соображением — не попадайся.

Мать, узнав, в чем провинился Виталий, побелела и затряслась.

— Боже, какой позор! Этого еще нам не доставало! — воскликнула она. — Всеволода только начали принимать в хороших домах... А теперь что же? Ему всюду откажут. И сплетни пойдут — Аверкины воры! Глаза никуда не покажешь...

— Перестань, сплетен не будет, — попытался остановить ее отец. — Сказано тебе — все обойдется по-благородному: сам заявление подам, что беру-де, мол, мальчишку по болезни.

— Это твое учение! — накинулась мать. — Когда он не ездил к тебе, был ласковым и послушным. А сейчас — чудовище, негодяй! Весь в тебя — такой же грубый и подлый. Почему я не придушила его еще в люльке!

Мать разрыдалась, потом вдруг в бешенстве бросилась к комоду и стала выбрасывать белье.

— Оба уезжайте отсюда... чтоб глаза мои вас не видели!

Отец только покряхтывал, собирая с пола белье. Увязав его в узел, он послал прислугу за извозчиком и приказал Виталию:

— Одевайся, у меня будешь жить.

В тот же вечер они уехали за Нарвскую заставу. По пути Фрол Семенович успокоился и стал рассуждать по-деловому:

— Что же оно теперь получилось: по ученой части ты не пошел, в писаря еще не возьмут, — мал. Значит, — в кабатчики! Но ты не жалея; наше дело не хуже других. Ежели его умеючи вести, то всегда в люди выбьешься. Я ведь с простых половых начал: посуду мыл, грязь подтирал, чаевые копеечки копил... а теперь собственное заведение имею.

На другой день отец выдал Виталию небольшие кожаные манжеты, клеенчатый передник и сказал:

— Отпускаю тебе в кредит по своей цене три бочки пива. В каждой бочке по двадцать ведер. Вот и решай задачку: надо так продать, чтоб не дороже моего было, соленый горошек оправдать и самому в выгоде остаться. В помощники получишь Ваську-полового, вдвоем и управляйтесь. Все, что заработаешь, — твое. Понял?

— А чего не понять? — буркнул Виталий. — Думаешь, не видел, как ты опивки в бочку сливал? И по кружкам сосчитать сумею, не бойся.

С первого же заработка Аверкин купил шоколадку и поспешил в скверик под окно Туси Бонич.

Больше часа он просидел в скверике, а Туся не показывалась. Виталий лишь заметил, как время от времени край занавески в ее окне отгибался. Девочка, видимо, наблюдала за ним.

Решив во что бы то ни стало выманить сладкоешку, Виталий вытащил из кармана шоколад и стал вертеть его в руках. Но это не помогло. Туся продолжала прятаться дома.

Обозлясь, Аверкин разорвал обертку с шоколада и на клочке бумаги крупно написал: «Если не выйдешь, — твоя мамаша все узнает».

Вскарабкавшись по водосточной трубе до бельэтажа, он стал ногой на карниз, поплевал на записку и прилепил ее на стекло Тусино окна.

Занавеска моментально раздвинулась. Показалось испуганное лицо девочки. Она жестами показывала, что сейчас выйдет, пусть только он снимет свой дурацкий листок.

Минут через пять Туся действительно появилась

в скверике, вышла на набережную и, оглядевшись, без зова заскочила в сторожку.

— Не смей больше приходить, — сказала она, с трудом сдерживая ярость. — И шоколада твоего не надо. Я знаю, за что тебя выгнали из гимназии.

«Значит, кто-то из старшекласников проговорился, — сообразил Виталий. — Ну, погоди ж, я им еще отомщу». Он понимал, что рассерженная Туся сейчас уйдет, что удержать ее может только решительный разговор, и он признался:

— Да, крал, но не для себя. Я тебе покупал шоколад.

— Неправда, ты лжешь! Как тебе не стыдно! — испуганно стала возражать она. — Я ведь не просила... ты сам зазывал.

Она вдруг прижала муфточку к глазам и заплакала.

— Не бойся; если ты будешь гулять со мной, я никому не скажу, — принялся уверять ее Виталий. — И шоколад возьми... Я сам заработал.

— Не нужно мне ничего... Отстань! Ты противный, я ненавижу тебя! — плача, выговаривала Туся.

Чтобы успокоить ее, Виталий сказал:

— Ну хорошо, перестань... Сегодня я дарю шоколад так... без фантов. Зато ты придешь в четверг в пять часов. Ладно?

Он отнял у девочки муфту и запихал в нее плитку шоколада.

— Не приду... Меня мама не пустит, — продолжала упрямыться она. — И в муфту ничего не клади, я выброшу.

— Если ты это сделаешь, я обозлюсь, а тогда мне все нипочем. Вот, ей-богу, приду к твоей матери или начальнице и расскажу, что из-за тебя меня выгнали из гимназии. Не капризничай, хуже будет.

В четверг, накупив дорогих папирос и пирожных, Аверкин забрался в сторожку. Там он сел на скамейку, заложил ногу на ногу, закурил и, выпуская через ноздри дым, стал посматривать в оконце.

Было уже не менее пяти часов, а Туся все не по-

являлась. Мимо проходили лишь старушки, прогуливающие собачек, да няньки с маленькими ребятами. И вот вдруг на панели показались гимназисты-старшеклассники. Одного из них Аверкин узнал. Это был Гошка Хилков, который схватил его тогда в раздевалке. Виталий отпрянул от оконца и, стоя в глубине будки, с бьющимся сердцем следил за гимназистами. Их было трое. Шли они, держа руки в карманах шинелей, и как-то настороженно оглядывались по сторонам.

Один из гимназистов перебежал к сторожке и заглянул в нее. Виталий мгновенно прижался к стенке. Гимназист, сделав вид, что не заметил его, захлопнул дверь и торжествующим шёпотом сообщил товарищам:

— Здесь он... Пойман! Идите скорей.

Расслышав его шёпот, Виталий почувствовал, как заныло под ложечкой и все тело покрылось липким потом. «Следили, — понял он. — Что теперь они со мной сделают?» Он торопливо вытащил из кармана перочинный ножик, раскрыл его, зажал в кулаке и руку спрятал за спину.

Гимназисты втроем ввалились в сторожку. Виталий не успел подготовиться к прыжку, как они закрыли дверь на засов.

— Ну, Мокруха, молись, — сказал Гошка Хилков. — Пришел твой последний час. — Гимназист сморщил нос и, поводя им, определил: — Преступник перед смертью курил. Обыскать его!

— Руки вверх! — скомандовал другой гимназист.

Аверкин хотел было ударить его перочинным ножом, но передумал: «Как же я выскочу? Пощады тогда не жди». Он воткнул лезвие ножа в стенку и поднял руки.

Гимназисты обшарили его карманы и все найденное выложили на скамейку.

— Ого! Папиросы «Зефир», — удивлялся Гошка Хилков. — У Мокрухи хоть губа и слюнявая, но не дура. А в этом свертке что? Господа, да он просто душка... пирожные эклер, наполеон. За это следует наказание убавить на пять горячих. Чтобы

Мокруха не очень расстраивался, предлагаю связать его и положить лицом к стене. Согласны?

— Согласны, — хором ответили гимназисты.

Они повалили Аверкина на грязный пол и, как он ни сопротивлялся, сняли с него ремни и, связав ими руки и ноги, бросили лицом к стене. Потом гимназисты разделили пирожные и, чавкая, стали лакомиться.

— Пища богов! — смакуя, похвалил Гошка.

Руки у Виталия были туго стянуты. Их резало ремнем. Пытаясь высвободиться, он извивался на полу и, плача от злости, требовал:

— Развяжите... Мне больно. Снимите ремни, говорю!.. Сами ворюги, жрут чужие пирожные, а других обвиняют. Я пожалуюсь, не думайте, что так пройдет...

Но его выкрики никак не действовали на гимназистов. Съев пирожные, они вытерли руки об аверкинскую шапку и закурили.

— Зря нервничаешь, Мокруха, — выпустив несколько колец дыма в воздух, сказал Хилков. — Жаловаться тебе некуда. Из гимназии прогонят, а в полицию — самого сцапают. Мы лакомимся за деньги, которые ты у нас украл. Так что тут все по закону, не подкопаешься. Вот покурим немного кальяну, отдохнем и начнем судить тебя. Палачом назначаю Меднова, прокурором — Антона Мержевецкого, а сам буду главным судьей. Прошу приступить к допросу.

Меднов, прозванный в гимназии за дикую силу «Медей-Печенегом», снял с себя ремень и, хлестнув им Аверкина, спросил:

— Преступник Мокруха, признавайся, — зачем сюда пришел? Кто твоя жертва?

— А вам какое дело? Не скажу! А за ремень — камнем еще получишь!

— Обвиняемый, не грубить! За грубость буду наказывать, — басом предупредил Хилков. — Прошу перед судом отвечать вежливо... и только одну правду.

Меднов еще раз ударил ремнем и потребовал:

— Говори, кому носишь пирожные и шоколад?

— Отстань, чёртов Печенег! — взвизгнул Виталий и связанными ногами лягнул Меднова.

— О! Это уже наглость, господа, — заключил «судья». — Накладываю штраф: отрубить ему две банки!

«Палач» с такой лихостью выполнил приказание Хилкова, что Виталию показалось, будто ему оторвали на животе два кусочка кожи.

— Ты, подлец, долго еще будешь преследовать Тусю Бонич? — спросил «прокурор».

«Ах, вот кто! Она, подлюга, прислала их сюда! — понял Виталий. — Поэтому и сама не пришла. Ну, ладно же, предательница, я отомщу тебе». В злости он стал наговаривать на Тусю: — Я не преследовал, она сама зазывала сюда и лезла целоваться.

— К тебе, к Мокрухе, лезла? — не поверил Хилков. Он переглянулся с Медей-Печенегом, и они, развеселясь, издевательски заржали. А «прокурор» побледнел.

— Да, ко мне, — твердил свое Виталий. — Но не дарма, она требовала, чтобы я ей шоколад носил.

— Лжешь, подлец! — не вытерпев, выкрикнул Мержевецкий и ударил Аверкина по щеке.

— Заткните поганую пасть... или я изувечу!

— Затыкай! — приказал Хилков «палачу». — Суду все понятно.

Медя-Печенег, зажав Виталию нос, запихал ему в рот скрученный шарф. «Судья» поднялся и объявил приговор:

— За воровство, наглость и вранье — приговариваю Мокруху к двадцати пяти горячим. При этом предупреждаю: если он еще раз появится в наших местах и будет приставать к девчонкам, — то изловить его, вора, подвесить головой вниз и нанести пятьдесят ударов палкой по голым пяткам. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Приступить к экзекуции.

«Палач» немедленно повернул связанного Аверкина лицом вниз. Один из гимназистов уселся на плечи, другой на ноги и спустил Виталию штаны...

Широкий и толстый ремень, имевший на конце медную петлю застёжки, бил больно. Ягодицы точно обжигало кипятком. Аверкин не мог шелохнуться. Он взмок от боли и захлебывался в крике, но его никто не слышал.

Когда гимназисты, развязав затекшие руки и ноги Виталия, отпустили его, он не смог подняться, а только охнул и опять ткнулся лицом в грязный затоптанный пол.

Мержевецкий, пихнув его ногой, предупредил:

— Если пожалуешься, — хуже будет! Запомни!

Гимназисты забрали папиросы и, выскочив из будки, захлопнули дверь.

Отлежавшись, Виталий в темноте побрел домой. В окне Туси Бонич сиял яркий свет. Она, наверное, торжествовала. Он отломил от водосточной трубы толстую сосульку, чтобы бросить ее в стекло, но передумал: «Сегодня мне не убежать. Еще успею отомстить. Никому из них пощады не будет».

Несколько дней он не мог сесть, спал только на правом боку и животе, но никому не жаловался. Накачивая из бочки пиво и разнося его по столикам, Виталий обдумывал, как лучше наказать гимназистов.

В «Красный кабачок» часто заходили парни с Емельяновки, пиратствовавшие в Гавани и на реке Екатерингофке. Они продавали кабатчику то, что им удавалось стащить с кораблей и барж, покупали вино и уходили хулиганить в Екатерингофский сад. Вот этих емельяновских пиратов Виталий и решил нанять для мщения. Рассказав их главарю — Мишке-Ершастому, — что нужно сделать с гимназистами, Аверкин спросил:

— Сколько за работу возьмете водки?

— За каждого гимназиста по бутылке, — не задумываясь, ответил Мишка-Ершастый. — Разделаем так, что родная мать не узнает.

— Идет, — согласился Виталий.

Вечером в темноте он наклеил на окно Туси Бонич крошечную записку: «В четверг в пять часов жду на старом месте В.». Ему все еще не верилось, что

девочка предала его. «Если старшекласники не придут, — значит, она не виновата», — думал он.

В четверг емельяновские парни, получив от Аверкина в задаток бутылку водки, устроили засаду в сторожке. А сам Виталий с папироской в зубах прошелся мимо гимназии и уселся на скамейке в скверике против окна Туси.

Ждал он недолго. Гимназисты с двух сторон подошли к скамейке и, усевшись с ним рядом, схватили за руки.

— Молчать и не сопротивляться, — приказал Медя-Печенег, — иначе тут же забьем кляп в рот!

— Отпустите, я больше не буду, — плаксивым голосом попросил Аверкин.

— Кто тебе позволил нарушать приговор суда?

— Я тогда не расслышал... простите.

— Тебе же сказано: приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

— Но я же нечаянно.

— Это мы сейчас выясним.

Продолжая крепко держать Аверкина за руки, гимназисты рывком подняли его. Виталий искоса взглянул на Тусино окно: занавеска была отогнута, — девочка наблюдала за ними. Чтобы не показаться трусом, Аверкин вскинул голову и сказал:

— Ведите, не боюсь! Плевал я на ваш суд.

И он первым шагнул вперед.

По пути Виталий думал: «Только бы раньше времени они не почувствовали опасности и не потащили в другое место». Он умышленно остановился и зартачился:

— Дальше я не пойду.

Но гимназисты не стали слушать Аверкина; дав пинка, силой потащили его в сторожку. А там на них накинудись емельяновские парни со свинчатками...

Драка была недолгой: через несколько минут окровавленные и оглушенные гимназисты лежали на полу.

— Чего еще устроить? — спросил Мишка-Ершастый.

— А вы их не поубивали ли? — спросил Аверкин.

— Не бойся! Чего этим бугаям сделается? Со-
мнели только.

— Тогда дайте им по двадцать пять горячих.
Пусть помнят, как других бить.

* * *

В субботу утром в «Красный кабачок» зашел око-
лоточный. Старый Аверкин, как всегда, налил боль-
шую стопку водки и сказал:

— Мое почтеньице Евсею Антонычу.

Околоточный припухшими глазами оглядел поме-
щение — нет ли постороннего народу — и, буркнув:
«Ваше здоровье», — опрокинул стопку в темную
пасть под рыжие усы. Затем крякнул, пожевал ква-
шенной капусты и сиплым басом произнес:

— Так что придется тебе, Фрол Семеныч, млад-
шего со мной отпустить. Пристав требует.

— Пристав? — растерянно переспросил кабат-
чик. — Да что мальчишка мог натворить? Он же все
время тут вертится.

— Не могу знать. Велено немедленно.

— Виталька! Собирайся к господину приставу! —
крикнул отец. А когда Виталий прошел за стойку, он
свирепым шёпотом спросил: — Ты чего там наделал?

— Это не я. Емельяновские гимназистов ремнем
отстегали.

— Гимназистов? Ремнем? .. Фу ты, господи! --
облегченно вздохнул кабатчик. — А мне бог весть
что подумалось.

Он торопливо завернул в тонкую оранжевую бу-
магу две бутылки дорогого коньяку и громко, чтобы
его слышал околоточный, произнес.

— Отнесешь господину приставу и скажешь, что
я низко кланяюсь.

Околоточный привел Виталия прямо в кабинет
пристава — тучного мужчины с крупнопористым
красным лицом.

— Так что младший Аверкин доставлен, — доло-
жил околоточный.

— Хорошо, можешь идти, — буркнул пристав и,

отвалившись на спинку кресла, хмурым взглядом смерил Виталия с ног до головы.

— Что ж это ты, молодой человек, натворил, а? — грозно шевельнув усами, спросил он. — Ночью из-за тебя людей поднимают.

Мальчик в ответ согнулся, как сгибался его отец перед знатными посетителями кабачка, и вкрадчиво произнес:

— Папаша велел вам кланяться и пожелать здоровья.

При этом он еще раз поклонился и отдал приставу пакет. Тот взял его и, услышав бульканье, несколько смягчившись, сказал:

— Жаль мне твоего папашу, но теперь ничего уж не сделаешь. Проходи за портьеры, там тебя ждет следователь.

В соседней комнате за столом сидел жидковолосый человек с очень бледным и неприятным лицом. Взглянув на Виталия, он отодвинул бумаги, которые читал, и отрывисто спросил:

— Аверкин?

— Ага.

Следователь жестом пригласил его сесть в кресло и устался на Виталия острыми зрачками блекло-зеленых глаз.

— Гимназисты Меднов, Хилков и Мержевецкий тебе знакомы?

Виталию стало не по себе.

— Да, — ответил он.

— Кого ты подговорил избить их?

— Я не подговаривал. . . Парни сами заступились за меня.

— Кто эти парни?

— Не знаю. Я их раньше не видел.

— Советую тебе вспомнить и назвать имена, иначе ты отсюда не уйдешь. . . увезут прямо в тюрьму. У одного из гимназистов сотрясение мозга. Он в больнице. . . дело может кончиться плохо. А двое других — дома с постелей не поднимаются. Нам известно, что во всем виноват ты.

— Я их не трогал. . . Они сами хотели меня бить.

— Но ты ведь цел? А гимназисты избиты. Учти, они все дворяне. Их отцы очень влиятельные люди. Я думал спасти тебя, но ты отпираешься. Придется взять под стражу.

Следователь протянул руку к кнопке звонка. Виталий взмолился:

— Дяденька, миленький, не надо под стражу!.. Я вам все расскажу.

— Прекрасно. Мне тоже не интересно сажать тебя за решетку. Ну-с, я слушаю... Кто они?

«Как же я выдам? Емельяновцы зарежут меня», — вдруг подумал Виталий и почувствовал такой страх, что у него заныло в желудке. Положение казалось безвыходным. Губы у Аверкина затряслись, и он заплакал.

Следователь неодобрительно покачал головой.

— Слезам теперь делу не поможешь, — заметил он. — Если ты боишься своих сообщников, то я могу пообещать: они ничего не будут знать о тебе. Понял?

— Но, если вы обманете, они засекут насмерть.

— Кто они?

— Емельяновские... Мишка-Ершастый, Вадька Косой, Гавря...

— Ага-а! Известные личности. Давно мы до них добираемся.

Следователь что-то записал в настольном блокноте и, опять уставясь на Аверкина, спросил:

— Ты их подкупил?

— Нет, я только угощал.

— Это одно и то же. Подстрекателей еще хуже наказывают.

— Но вы же обещали, — плаксиво напомнил Виталий.

— Да, да... Можешь не беспокоиться. Но спасти тебя может только одно... если ты станешь нашим агентом.

— Как это агентом? Я не понимаю.

— Ты книжки о сыщиках читал?

— Читал.

— Ну вот, будешь помощником сыщиков, а по-

том, может, сам станешь таким же, как Нат Пинкертон или Ник Картер.

— А я сумею?

— Сумеешь, дело не сложное, — заверил следователь. — К вам в «Красный кабачок» приходят всякие личности. Ты приглядывайся к ним, особенно к мастеровым. Прислушивайся, о чем они сговариваются и передавай нашим агентам. Заходить они к тебе будут часто. Узнаешь своего по кольцу: оно будет повернуто камнем кладони. Только об этом никто не должен знать, даже твой отец. Понял?

Виталий кивнул и, понизив голос, спросил:

— А вы мне револьвер дадите?

Следователь нахмурился.

— Для чего тебе он?

— А если гнаться за кем или задерживать?

— Этого тебе не придется делать. Ты должен быть незаметным. Понимаешь? Невидимкой. Иначе мы бы взрослого завербовали, а тебя в тюрьму отправили. Но взрослый быстрее попадется, тебя же, мальчишку, мало кто заподозрит. Ты должен делать вид, что разговоры посетителей тебя вовсе не интересуют. Позевывай да по сторонам смотри, а сам — ушки на макушке и слушай. Никаких слежек без моего разрешения! И оружия не носить. Оно выдаст тебя.

— Значит, я и полицейскому не могу сказать: «Именем закона, арестуйте вот этого», — да?

— Не можешь. Я же объяснил: ты должен быть самым обычным мальчишкой. Если что срочное, — сообщай агенту, его не будет, — околоточному, но так, чтобы никто не заметил.

* * *

«Красный кабачок» находился недалеко от кладбища, там, где кончался город. Это место было выбрано не случайно. Кабатчик знал, что после похорон к нему будут компаниями заходить «помянуть усопших». Въезжающие в город также заглянут в

первый кабачок, и выезжающие забегут на прощание «прокинуть» стопочку.

Кроме того, кабачок привлекал к себе всех тех, кто остерегался встреч с полицией. Сюда же после полочки скрывались от жен и загулявшие мастера-вые.

В «Красном кабачке» можно было «на пропой души» заложить инструмент, пиджак, нательный крест и обручальное кольцо. Старый Аверкин ничем не брезговал.

Как-то зашел в кабачок небритый, длинноносый мужчина в помятом котелке и потрепанном пальто. Он сел в уголок за маленький круглый столик и попросил пару пива. Виталий и прежде замечал этого посетителя, принимая его за спившегося мастера, и не спешил выполнить просьбу. «На чай с такого много не получишь, подождет», — решил Аверкин.

Длинноносый не выказывал нетерпения, он рассеянно поглядывал по сторонам и ждал. Но, когда Виталий поставил перед ним две кружки пенящегося пива, посетитель раскрыл свой кулак и, показав кольцо, повернутое голубым камнем к ладони, негромко спросил:

— Какие новости?

Виталий в нескольких словах сообщил о парнях с Волюнки, которые вчера пили водку и хвастались тем, что они ловко очистили чей-то склад.

Длинноносый поморщился. Сообщение ему явно не нравилось. Виталий тогда рассказал о сезонниках, поломавших кресты на кладбище и унесших бронзового ангела.

— Не то, — вновь сморщась, сказал переодетый агент, — жуликов, конечно, учитывай, но помни — это не главное, пусть их другие ловят. А наше с тобой занятие — следить вон за такими, как те, — он бровью повел на столик, где, сблизив головы, сидели мастера, и о чем-то негромко разговаривали. — Эта дичь поважней. Подберись-ка и послушай, о чем они шепчутся.

Отправив пологого в погреб за новой бочкой

пива, Виталий принялся сметать салфеткой крошки со стульев и, как бы невзначай, приблизился к мастеровым. Убирая посуду на соседнем столике, он прислушивался. Рабочие говорили о каком-то мастере, которого собирались выкатить из цеха на тачке. Из дальнейших разговоров Виталий понял, что в кабачке сошлись путиловцы. Они тянули маленькими глотками пиво и сговаривались, как под видом поминок провести в воскресенье на кладбище совещание. Когда они стали договариваться о часе и пароле, рябоватый мастеровой вдруг с опаской оглянулся: не подслушивает ли кто? Увидев сына кабатчика, старательно вытиравшего клеенчатую скатерть на соседнем столике, он, видно, решил, что мальчишке не интересны их разговоры, и предложил:

— Лучше всего во время обедни собраться. Меньше гуляющих будет.

Рабочие попросили еще по кружке пива и стали разговаривать громче, посмеиваясь над курчавым парнем, принесшим за пазухой голубя. Голубь был рыжеватый, с шишкой над клювом.

Путиловцы долго не засиделись: сперва ушел рябой, затем голубятник, а за ними — остальные.

Виталий, рассчитываясь с переодетым агентом охраны, коротко рассказал, о чем сговаривались рабочие. Тот подмигнул ему и похвалил:

— Молодец, чисто работаешь, — и тут же похвастался. — А нюх-то у меня прямо собачий. Не зря нас легавыми зовут, за версту дичь чувствую. Теперь они от меня не уйдут.

И, действительно, в воскресенье полицейские устроили на кладбище облаву. Виталий видел, как они вывели под конвоем на Петергофское шоссе недавних посетителей кабачка и еще каких-то мастеровых, одетых по-праздничному.

«Не подслушай я, им бы никого не поймать», — горделиво подумал о себе Аверкин и пожалел, что не может похвастаться перед заставскими мальчишками.

В ночь на первое мая на постоялом дворе «Красного кабачка» конная полиция устроила засаду.

Отец Виталия, конечно, злился на непрощенных гостей, но разыгрывал радушного хозяина: в кабачке немедленно были закрыты ставни и створки окованных железом дверей, как это делалось, когда наезжали гулять до утра богатые купцы, полицейским была выставлена водка, закуски.

Пристав Пестов занял боковую комнату. Сняв саблю и мундир, он всю ночь просидел за столиком, потягивая маленькими рюмочками коньяк и закусывая ломтиками лимона.

Утром, когда плохо выспавшийся Аверкин спустился вниз, то застал пристава на том же месте. Лицо Пестова опухло и стало бурым, а глаза налились кровью. Увидев Виталия, он окликнул его:

— Эй ты, послушай! Как тебя там... — И, помавив пальцем, сказал: — Сходи на разведку. Разнюхай, где они сегодня собираются и дай знать мне. Понял? На все даю сорок минут.

Виталию накануне удалось подслушать, что где-то у Коровьего моста будет стоять человек и указывать путиловцам, куда нужно идти на маевку. Аверкин оделся по-праздничному, насыпал в карманы подсолнухов и пошел к Коровьему мосту.

Утро было солнечным. Ручьи в придорожных канавах бурлили и пенились. На подсыхающей дороге с громким чириканьем прыгали воробьи. Пешеходов виднелось немного, лишь к кладбищу брели старухи.

На Коровьем мосту Аверкин никого не застал, но у изгиба речки он заметил Фильку Рыкунова. Этот коренастый парнишка занимался странным делом: он стоял на камне и длинным прутом хлестал по воде, разбивая плывущую рыжеватую пену и мелкие льдинки. Филькино занятие больше подходило для пятилетних ребятишек, поэтому Аверкин не без издевательства спросил:

— Филь! Ты никак масло сбиваешь? Не помочь ли тебе?

— Лучше батьке своему помоги пьяных раздевать, а то ему одному не управиться, — послышалось в ответ.

— А ты видел, что он раздевал?

— Ладно, проваливай, куда шел.

Филька прежде так грубо не разговаривал с Виталием. Не он ли тот человек, который должен указывать, куда идти на маевку? Аверкин нарочно остановился посередине моста, облокотился на перила и стал лугзгать подсолнухи, сплевывая шелуху в воду.

Филька некоторое время неприязненно поглядывал на него, а потом вдруг потребовал.

— Перестань плевать в воду, а то камнем турну!

— А ну, попробуй!

Рыкунов отбросил прут в сторону и решительно взбежал на мост. Виталий даже не изменил позы. Он знал, что Филька слабей его и поэтому продолжал щелкать семечки.

— Сейчас же уходи вон отсюда! — сжав кулаки, настаивал Филька.

— Чего? — как бы не расслышав, переспросил Виталий. — Подсолнухов просишь? Не будет, нищим сегодня не подаем.

И тут случилось неожиданное. Филька налетел на Аверкина, сшиб его с ног и принялся молотить кулаками, не давая подняться. Виталию все же удалось вывернуться и взять верх. Схватив противника за волосы, он уселся на него верхом и стал тыкать лицом в грязь.

— Вот... вот тебе! Будешь еще драться! ?

Но Филька словно взбесился. Плача от боли, он вдруг выгнулся, сбросил с себя Аверкина и ухватился за его волосы. Пиная друг друга коленками, противники покатались по набухшим и склизким доскам моста... Они дрались с такой яростью, что не замечали ни луж, ни дорожной весенней грязи, ни крови, которая текла у обоих из носов.

Путиловский подмастерье — Филька Рыкунов — ни на минуту не забывал о том, что скоро начнут собираться на маевку заводские товарищи, что к этому времени необходимо прогнать сына кабатчика и быть одному у моста, поэтому он дрался, как одержимый, не давая Виталию передышки.

Аверкин изнывал от боли и усталости. Ему вдруг стало страшно: «Не сошел ли Филька с ума?»

— Отстань, отстань, говорю! — взвизгнув, закричал он. И, отбившись ногами, припустился бежать к дому.

Вбежав в «Красный кабачок» он, плача, свалился на пол.

— Что с тобой? — встревожился отец.

И пристав свирепо задвигал усами:

— Кто это тебя так?

— Филька Рыкунов с Чугунного переулка. Они его поставили на Коровьевом мосту, чтобы он никого не пропускал на маевку.

Пристав, видимо решив, что рабочие уже собрались, быстро надел мундир, нацепил саблю искомандовал:

— По коням!

Полицейские вскочили на коней, выехали в распахнутые ворота на улицу и во весь опор поскакали к Коровьеву мосту. Но кроме Фильки, обмывавшего у реки разбитый нос, никого они там не нашли.

Обозленный пристав велел схватить парнишку и под конвоем тащить в Чугунный переулок. В домике Рыкуновых полицейские перерыли все вещи, подняли половицы, обстучали стены и, ничего подозрительного не найдя, арестовали Фильку и его отца.

Днем Аверкины открыли «Красный кабачок». Но что-то случилось с заставскими жителями: никто из них не зашел даже побаловаться пивом, хотя день был жарким. И в следующие дни кабачок пустовал.

— Все из-за тебя, — сердясь, сказал отец Виталию. — Ну, чего ты сунулся помогать приставу? Пусть бы он своих пьяниц посылал. А теперь люди обозлились, думают, что мы с полицией снюхались. Так и до беды не далеко. Придется тебе опять к мамаше перебираться, а мне гитаристов нанимать да цыган, чтоб народ песнями приманить.

Длинноносый агент, забежавший в кабачок узнать о подслушанных новостях, даже присвистнул, увидев пустующие столики:

— Пестовская работа? — спросил он.

— Да, — ответил Виталий. — Отец велит мне к матери перебираться.

— Правильно делает. Уходить тебе надо, иначе прибьют. Этот дубина Пестов не только с маевкой глупостей наделал, но и тебя раскрыл. Ему уже влетело от охранного отделения и еще влетит. Я сегодня же доложу по начальству, тебя перекинут.

За пять лет Виталий сменил много мест. Он был официантом на Васильевском острове в кабачке художников, посещал воскресную школу рабочих за Невской заставой, «учился» в Коммерческом училище, работал на заводах Нобеля и Парвиайнена, нанимался статистом в театры. И все для одной цели — разнюхать существование подпольных кружков и навести жандармов на след революционеров.

Служба в охранке избавила Виталия от солдатчины и окопной жизни, но и в столице ему было легче, — он ежедневно рисковал своей шкурой.

* * *

«Как же я не доглядел и так глупо попался. И главное — кому?! — злился на себя Аверкин, ворочаясь на мерзлых опилках в деревянном сарае. — Откуда они знают детскую кличку? Неужели меня еще помнят за Нарвской заставой? Ведь этим парням тогда, наверное, было не более двенадцати лет. Впрочем, шут с ними! Надо скорей выпутываться из западни. Позор, если в охранке узнают, что я попал в руки каких-то щенков. Но что же они намерены со мной делать? Неужели бросили и убежали? Надо попробовать развязаться».

Набрав полную грудь воздуха, сыщик напряг мускулы, стараясь хоть немного ослабить путы, и вдруг услышал треск разрываемой материи. «Пуговицы отдираются или пальто ползет по швам», — сообразил он. Сжав зубы, Аверкин еще больше напряжился, растопыривая локти. Разрываемое сукно затрещало сильнее... И вскоре Аверкин почувствовал приток свежего воздуха.

Пальто треснуло в нескольких местах и пуговицы были выдраны с «мясом».

Развязав окоченевшие ноги, Аверкин разулся и,

стиснув зубы, растирал ступни до тех пор, пока не закололо в кончиках пальцев. Потом он опять обулся и, стараясь ступать бесшумно, подошел к двери и толкнул ее. Дверь оказалась запертой. Сыщик прислушался: не стережет ли кто его?

Вокруг было тихо, только слева донесся далекий гудок паровоза.

«Как же выбраться отсюда?» — Аверкин огляделся. Слабый свет проникал откуда-то сверху.

По гряде поленьев сыщик вскарабкался на сеновал и там увидел небольшое полукруглое окно, выходившее на крышу. Он открыл его и, с трудом протискавшись, выполз на заснеженную крышу.

Сарай был невысоким. Его обступили деревья. Соскользнув как на салазках вниз, Аверкин прыгнул в сугроб и, увязая чуть ли не по пояс в снегу, выбрался на дорожку.

В парке сквозь ветви деревьев светила луна. Сыщик вытащил из карманчика часы и взглянул на циферблат. Стрелки показывали второй час ночи.

Глава шестая

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Утро было морозным и ясным. Заводские трубы не дымили, не пачкали неба, так как по примеру путиловцев загасили топки в кочегарках химики, кабельщики, резинщики, металлисты и текстильщики.

Вася Кокорев не выспался: он очень поздно вернулся с Выборгской стороны, а чуть свет Дема его разбудил.

— Ну как, проводил?

— До самых дверей. Даже окно свое показала.

— А обо мне она не говорила? — поинтересовался Дема.

— Как же! Ну, говорит, и силища у вашего друга, как котенка сыщика поднял. Мы условились встретиться сегодня на Литейном часов в пять. Она обещала подружку захватить для тебя.

— Почему это для меня?

— Ну, пусть будет для меня. Не станем же мы с тобой из-за девочек ссориться?

— Верно, — согласился Дема. — Идем ребят собирать, Савелий Матвеевич велел. Будем женский митинг охранять.

Они вместе обошли знакомые дворы на Чугунной улице и собрали девять человек самых отчаянных и задиристых парней. Вооружившись кто железной тростью, кто гаечным ключом, они всей ватагой вышли на Петергофское шоссе.

По пустырям и переулкам уже двигались шумные вереницы рабочих. Они шли к площади у Нарвских ворот с песнями и выкриками.

— Смотрите, и тетки какие-то без знамен топают, — не без удивления сказал Дема, показывая на толпу домашних хозяек, размахивающих пустыми кошелками и корзинками.

Это шли намерзшиеся за ночь жительницы деревни Волынка, зря простоявшие с вечера у продуктовой лавки. Они были злыми и шагали с таким видом, точно собирались разнести по пути все магазины и хлебопекарни.

Городовой, стоявший на углу, видимо, заметил приближавшихся разъяренных женщин, обеспокоенно стал оглядываться по сторонам, а затем, подхватив болтавшуюся на боку шашку, рысцой поспешил в чей-то двор.

— Тикает!

— Теток испугался! — засмеялись парни.

— Ату его!.. Бей корзинками! — крикнул клепальщик с верфи и, заложив два пальца в рот, оглушительно свистнул.

— Перестаньте хулиганить! — строго сказал Кокорев. — Попусту не задевайте городских.

У площади парни разделились на две партии: одни с Васей остались недалеко от ворот, а другие отправились к трактиру, где могли засесть полицейские.

Площадь заполнялась демонстрантами. Пришли женщины с очень бледными лицами. Ботинки у них

были испятнаны, а на юбках темнели, словно дробью пробитые, дырки.

— С «Химика», — определил Вася. — Это от кислоты у них так. А вон те громкоголосые девушки — определенно с тряпичной фабрики, а чуть дальше от них — текстильщицы. — Опрятных текстильщиц нетрудно было узнать по белым пушинкам, прилипшим к одежде.

В этой огромной толпе женщины осмелели и открыто начали высказывать то, что накопело у каждой.

— Хуже женской доли нет! — выкрикивала работница с заостренным лицом и глубоко запавшими глазами. — Или работай, или в очереди стой. Мы недосыпаем, живем в холоде. Такая жизнь не краше могилы.

Солдатка поддержала ее:

— наших мужей на фронте бьют и калечат, а мы здесь как проклятые маемся. Вот ночь простояла у пекарни. А что детям несу? Слезы да злость свою... Мужчины, а вы-то чего молчите?! На что надеетесь? Довольно терпеть!..

* * *

Катя проснулась с таким чувством легкости на душе, какое бывает, когда ждешь радостных событий. «Что же случилось? — не могла понять девушка. — Почему так хорошо? Неужели оттого, что он проводил к самому дому и вновь захотел встретиться?..»

Кого же она захватит с собой? Ведь близких подруг у нее нет. Правда, на заводе Катя знала многих девушек, но все они только знакомы, не больше. Ни с одной она нигде не бывала и не делилась своими секретами. Может, Наташу позвать?

Наташа Ершина — невысокая кареглазая девушка с забавной челкой над покатым лбом, удивлявшая всех своим низким грудным голосом, занималась в подполье «технической» работой. Она выдавала листовки, печатала на машинке для гек-

тографа прокламации, отправляла секретные письма и на память знала адреса явочных квартир. С нею Катя могла откровенничать, потому что Наташе известны были ее тайные дела. Не раз они вместе выполняли срочные поручения и поздно ночью расходились по домам.

Недавно Ершина сказала в шутку:

— Быть нам с тобой вековухами. Мы так законспирировались, что не только парней, но и всех педруг растеряли.

«Позову ее», — решила Катя. Соскочив с постели, она быстро оделась, схватила полотенце и побежала на кухню мыться.

Шипящая струя воды била из крана с такой силой, что брызги разлетались во все стороны. «Значит, заводы бастуют, — определила Катя. — Иначе напор воды был бы слабей».

Ополоснув лицо, шею, девушка поставила на плиту чайник и вернулась в комнату.

Стоя перед зеркальцем, она придирчиво вглядывалась в свое лицо. От холодной воды оно немного зарумянилось и казалось свежим, но под глазами кожа слегка набухла и приобрела синеватый оттенок. Такие синяки появлялись на ее лице после каждой ночи, проведенной в сыром подвале, и исчезали только днем на свежем воздухе.

Прежде, когда был на свободе отец и Катя жила в деревянном доме у Поклонной горы, она не любила ходить к бабушке в гости. В подвале всегда было полутемно, пахло затхлостью и прачечной. Родственники жили не дружно, они часто ссорились на кухне из-за дров, места на огромной плите, лоханей для стирки. Успокаивала их всегда бабушка. Высокая и строгая, она выходила на кухню и грозно спрашивала:

— Это еще к чему? Мало вас нужда треплет? Сладкой жизни поделить не можете? Я вот сейчас утихомирю палкой! Кто здесь зачинщик? А ну, выходи, остынь на ветерке.

И она выталкивала скандалистку на улицу. Ей никто не перечил, старую бабушку слушались.

Обычно после шумной свары, бабушка забирала ребяташек в свою комнату и поучала:

— Не озлобляйтесь, как ваши родители, добра от этого не будет. Проклятая жизнь их издергала. Здоровья-то прежнего ни у кого не осталось. Говорила я вашему деду «не бери подвала заплесневелого, в нем крысам да паукам жить, а не людям». А он все свое: «Осушу, — говорит, — досками сосновыми обошью. Они дух другой дадут. Хозяин за пустяк эти каменные стены отдает, только требует, чтоб в сухости держал. Тут мы всех своих поселить сможем». Вот и поселил! Съедает подвал нашу жизнь. Сам не долго жил: ревматизмом скрючило и водянкой задушило. Вам молодым убежать отсюда нужно, уходить куда можно, хоть в няньки, хоть в ученики, только не живите в этом погребе. Видите, какие у Катюши щечки румяные? Это потому, что она на солнышке выросла. И ножки у нее прямые, не подвальные. Не знается она ни с «серым», ни со «склизней».

— А кто такие «серый» и «склизня»? — спросила Катя.

— Домовые, — приглушенным голосом сказала бабушка. — Они под полом и в темных щелях живут. Одежду себе из паутины ткут и ночью к людям выбирают. Лягут кому-нибудь на грудь, опутают ноги и руки так, что не шевельнешься, и присосутся, кровь пьют. Оттого мы все тут такие зеленые, чахлые и стареем быстро.

Катя вглядывалась в обитателей подвала и замечала, что ее двоюродные сестренки и братишки действительно похожи на большеголовых старичков и старушек, ковыляющих на кривых ножках. Лица у ребят, как и у взрослых, были землисто-серыми, точно из них в самом деле высосали кровь.

И вот Катя сама попала в подвальные жители. После ареста отца бабушка приютила их в своей комнате. Окно выходило в тесный двор, зажатый со всех сторон высокими кирпичными стенами. Солнце никогда не проникало сюда, и в форточку не врывался свежий ветер. В сырых и заплесневелых углах комнаты по стенам ползали противные мокрицы.

Первые ночи Катя не могла уснуть: ей нечем было дышать. А когда она забывалась на несколько минут, то казалось, что на нее наваливается какая-то липко-влажная глыба, такая тяжелая, что невозможно было шевельнуть ни рукой, ни ногой.

По утрам Катя поднималась изломанной, невыспавшейся. Есть ей не хотелось. Она через силу выпивала стакан чаю и шла на работу.

Однажды тетя Феня, узнав, почему Катя такая вялая, предложила:

— Переходи ко мне жить. И до завода не далеко, и воздух чистый. Сирень в окно лезет.

Катя поговорила с матерью. Та сначала обиделась:

— Тебе что зазорно в подвале жить? Образованной сделалась.

Но потом мать одумалась и сама стала уговаривать:

— Не слушай ты меня, глупую. Раз зовет — побудь хоть месяц в Озерках, а то тут чахоткой еще заболеешь.

Тетя Феня жила в домике среди зелени: у крыльца росли две высоких черемухи, а вокруг — кусты сирени и жасмина.

Этот домик был когда-то заброшенной банькой. Баньку присмотрел муж тети Фени — вальцовщик, потерявший на заводе руку. Товарищи помогли ему высудить у заводчика деньги за увечье и купить баньку с участком земли. Общими усилиями они перестроили ее, сделали жильем и местом собраний нелегального кружка.

Муж тети Фени умер весной. Одной ей было скучно жить в домике, стоявшем на отшибе. Она очень обрадовалась, когда к ней пришла с узелком Катя.

Вместе они ходили на работу, по очереди покупали продукты, стряпали обед, а вечерами тетя Феня вязала либо штопала, а Катя читала ей вслух.

Изредка в домике ненадолго поселялся кто-либо из большевиков, скрывавшихся от полиции. В такие дни тетя Феня говорила Кате:

— Иди поживи у матери.

На второй год войны в домик тети Фени неожиданно нагрянули жандармы, когда в нем скрывался человек, убежавший из ссылки. Они арестовали и жильца и тетю Феню.

Кате об этом рассказала дворничиха соседней дачи. Окна домика были накрест заколочены досками, а на дверях висел неровный кружок сургуча, с отпечатанным на нем двуглавым орлом.

Катя, решив поселиться здесь с матерью, хотела потребовать, чтобы полиция сняла печать, но Гурьянов отсоветовал:

— Жить тут нельзя, дом попал под наблюдение, за тобой будут следить. Еще чего доброго, выдашь кого-нибудь из комитета. Живи лучше с родными. Там меньше подозрений.

— Проклятый подвал! — горестно произнесла девушка. — Когда из него вырвусь?

Она, наверное, не скоро отошла бы от зеркальца, если бы не услышала стука в стекло. Со двора в окно заглядывала Наташа Ершина.

— Вот легка на помине! — открыв форточку, сказала Катя. — Заходи, попьем чаю.

— Некогда. И ты собирайся быстрее, дело есть.

— Ну, хоть на минутку.

Наташа спустилась в подвал.

— Нам с тобой поручение, — сказала она. — Пройти вдоль Сампсониевского и узнать, все ли фабрики бастуют.

В это утро Выборгская сторона была неузнаваемо шумной. У закрытых булочных, хлебопекарен и продуктовых магазинов толпились домохозяйки. Городовые с трудом сдерживали разъяренных женщин.

Сампсониевский проспект был заполнен народом. Бастующие подходили к работающим предприятиям, устраивали у проходных митинги и требовали:

— Кончай работу! Все на улицу!

Наташе с Катей то и дело приходилось проталкиваться сквозь толпу.

— Такого еще не было! — сказала Ершина.

Девушки поспешили к трактиру «Долина», но из райкомовцев они застали только дежурного, сидевшего у телефона.

— Все пошли к народу, — сказал он. — Будут прорываться в центр. Нарвцы уже вышли... идут к Невскому.

Катя с Наташей решили пробиться к Литейному мосту, но едва они завернули за угол, как попали в толпу, которую теснили конные полицейские.

Откормленные, рослые лошади, направляемые на толпящихся людей, двигались как-то боком, били копытами землю и, мотая мордами, роняли во все стороны пену.

Один из прижатых к забору мужчин хлестнул коня по крупу. Конь взвился на дыбы. Осаживая его, полицейский сбил с ног кого-то из демонстрантов. Послышались стоны и ругань пострадавших. Кто-то уцепился за ногу конника, пытаясь стащить его на землю...

На помощь полицейскому ринулись другие конники. И у забора завязалась драка.

— Пошли в обход, — предложила Наташа. — Здесь нас с тобой задавят.

Они с трудом вырвались из круговорота, через пролом пробрались в парк, прошли вдоль клиник Медицинской академии, прячась за деревьями от полицейских, и вскоре очутились на набережной Невы.

Во всю ширину заснеженная река была усеяна темными фигурами людей, перебежавших по льду на другой берег.

Девушки тоже спустились по откосу на лед и, прикрывая лица от колкого ветра, побежали по тропинке, петлявшей среди торосов.

* * *

Аверкин добрался домой почти под утро. Он долго не мог уснуть. А когда забылся на некоторое время, его разбудили свистки и шум на улице.

Сыщик босиком подбежал к окну и, увидев горо-

довых, разгонявших у магазина возбужденных женщин, с неприязнью подумал: «Вот ведь олухи, каких-то теток без шума разогнать не умеют». Но, вспомнив, что сегодня международный женский день, стал торопливо собираться.

Надев на себя малоприметное серое полупальто, простую шапку-ушанку, сыщик вышел через соседний проходной двор на Загородный проспект и подзвал извозчика, стоявшего на углу.

— На Выборгскую! — усевшись в сани, приказал он. — Полным ходом.

Пока они ехали по Загородному, лошадь бежала хорошо, но ближе к Невскому извозчику то и дело приходилось покрикивать: «Э-ге-п... поберегись!» Люди, шагавшие по мостовой, расступались неохотно.

Скоро пешеходов стало столько, что невозможно было пробиться дальше. Расплатившись с извозчиком у Владимирского клуба, Аверкин пешком добрался до Невского и растерянно остановился на углу. Ему еще не приходилось видеть, чтобы рабочие так открыто несли красные флаги и безбоязненно требовали:

— Мира! Хлеба! Долой войну!

Нахлобучив на лоб шапку, Аверкин проскользнул на Литейный проспект. Здесь поток демонстрантов был не таким густым, — его разбивали заслоны полицейских, теснивших пешеходов в переулки.

Не желая показывать значок охранки, сыщик, лавируя, стал обходить полицейских, как это делали многие. Вдруг он увидел впереди двух рослых юношей, перебежавших на другую сторону проспекта. «Они... вчерашние!» — изумился Аверкин.

— Теперь-то от меня не уйдете, — бормотал он, устремляясь за ними.

За путиловцами нетрудно было следить: высокий и широкоплечий Рыкунов выделялся в толпе.

У Сергиевской улицы стояла вереница трамваев. Около них толпился народ. Сыщик хотел было позвать на помощь полицейских, но передумал: «Надо схватить на менее людной улице».

Притаясь на углу, он увидел, что путиловцы остановились у садика собора. Они кого-то поджидали, потому что, закурив, все время поглядывали в сторону Литейного моста.

* * *

Литейный проспект был заполнен толпами народа. У остановленных трамваев образовался круговорот. Там городские стремились схватить знаменосцев, а демонстранты отбивали их.

— Не ввязаться ли и нам? — спросил Дема у Васи.

— Подожди, успеешь еще в участок попасть.

Нетерпеливо поглядывая по сторонам, юноши выкурили по две папиросы; Вася полез было в карман за третьей, но в это время в садике появилась невысокая девушка. Она подошла к ограде и низким, грудным голосом сказала:

— Не поворачивайтесь ко мне... стойте как стояли. Я Катина подруга. Мы вас давно заметили, но не подходили потому, что за вами следит вчерашний сыщик. Он торчал на том углу, а сейчас перебежал и разговаривает с полицейскими. Видите, у трамвая с разбитым стеклом?

— Ага, действительно... Мокруха там, — поднявшись на носки, подтвердил Дема. — Жаль, я его вчера не пристукнул.

— В общем, не ждите нас, смешайтесь с толпой и уходите. Встретимся в воскресенье у Кати.

Парни пригнулись, перебежали на мостовую и, протолкнувшись поглубже в толпу, скрылись за трамваями.

Аверкин, заметив, что путиловские парни вдруг исчезли, кинулся их разыскивать; он даже взбежал на паперть, надеясь с возвышения разглядеть в толпе приметную фигуру Рыкунова, но нигде больше их не видел.

Понаблюдав еще некоторое время за толпившимися демонстрантами, Аверкин прошел в здание Окружного суда и по телефону передал донесение

в охранку о том, что творится на Невском и Литейном. В ответ он получил приказание к девяти часам быть у оперативного дежурного.

Времени еще оставалось много. Из Окружного суда Аверкин заехал на службу к брату. Его тревожило происходящее на улицах и хотелось узнать, что об этом думают в Министерстве внутренних дел.

Всеволод был бледен и озабочен.

— Очень хорошо, что ты зашел, — сказал он и, подойдя к двери, дважды повернул ключ в замке. — Для нас с тобой наступает очень острое и опасное время. Можно взлететь высоко и провалиться в татарары. Мне кажется, что мы сейчас работаем не на того хозяина, — при этом Всеволод понизил голос. — Самодержавию приходит конец. Николай Второй неспособен вести войну. Это всем ясно. Недовольство охватило не только простой народ, но и высшее общество. Готовится дворцовый переворот. Это я знаю из допросов по распутинскому делу. В заговоре замешаны очень крупные и влиятельные люди. Их поддерживают союзники — Англия и Франция, так как боятся, что царь заключит с Германией сепаратный мир и Россия выбудет из войны. Казалось, что заговорщики вот-вот придут к власти. А сегодня страх перед революцией заставил их просить войска для подавления беспорядков. Но разве теперь остановишь выпущенных духов? Сводки невеселые: в столице забастовало больше половины заводов. Надо быть готовыми ко всему. Сегодня ночью и завтра пройдут массовые аресты. Нам с тобой подвернулся случай послужить будущим хозяевам. Я сейчас дам тебе адреса некоторых думских деятелей. . . Правда, им ничего особенного не грозит, но ты от моего имени предупреди их, чтобы они два—три дня провели вне дома. Я думаю, нам это потом зачтется.

— Но как же я сделаю? Меня к оперативному дежурному вызывают, — возразил Виталий.

— Не беспокойся, с твоим начальством я договорюсь по телефону. Есть дела поважней. При всякой власти могут полететь многие головы. Чужие жизни меня не очень беспокоят, а вот свою — хотелось бы

сохранить. Для нас с тобой и еще кой для кого очень важно, чтобы архивы охраны и министерства исчезли навсегда. Одна группа для уничтожения их подготовлена. Но мы должны страховаться. Ты подберешь несколько человек и, если по каким-либо причинам охранка и здание судебных установлений не сгорят, то вы их подожжете сами... да так, чтобы ни одна бумажка не уцелела.

— А если нас поймают?

— Значит, надо действовать хитрее, поджигать не обязательно самим. Разве трудно подбить возбужденную толпу? Важно, чтоб рядом был керосин, бензин и другое горючее. Все это ты продумаешь до завтрашнего утра... самое позднее до обеда. И согласишься мне. Хорошо?

— А сколько на это отпущено денег?

— Сотни по две получите. Только действуйте решительно. Если где-нибудь спасут хоть одну папку, — гроша ломаного не дадим.

Глава седьмая

ФИЛИПП РЫКУНОВ

На крейсере «Аврора», ремонтировавшемся у стенки Франко-русского судостроительного завода, рабочие чуть ли не каждый день видели на шканцах широкоскулого коренастого матроса, стоявшего с полной выкладкой под ружьем.

— За что его так часто наказывают? — спрашивали они у моряков.

— По дури собственной «рябчиков стреляет», — отвечали фельдфебели. — Строптив больно!

А матросы вполголоса объясняли:

— Старший офицер Огранович невзлюбил, готов со света сжить.

На крейсере была офицерская собачонка, прозванная матросами «Балалайкой». Эту пучеглазую паршивку матросы ненавидели за ее подлые повадки: собачонка всюду гадила, во время тревог

норовила вцепиться зубами в ногу бегущего, а если ее отталкивали, то поднимала такой отчаянный визг, что старший офицер взбеленным выскакивал на палубу и допытывался: «Какой подлец ударил?» — а дознавшись, наказывал, оставляя виновных без увольнения на берег.

Собачонка была блошливой. Вымоет ее вестовой, вычесет, а она, глядишь, часа через два опять повизгивает и лапой так скребет, точно на балалайке играет. Огранович, конечно, злится, матроса винит:

— Разгильдяйски моешь!.. Вычесываешь плохо!

Однажды сигнальщик Рыкунов возьми да посоветуй:

— Керосином натри, да так, чтобы щетинки сухой не осталось, тогда блохи сами повыскакивают.

Вестовому осточертело возиться с «Балалайкой», он взял да и окунул ее с головой в лохань с керосином, в которой промывали заржавленные части механизмов, подержал так с минуту и выпустил. Собачонка сперва отряхнулась, отфыркалась, а потом как завизжит и — драля в офицерскую каюту.

Вечером после поверки Огранович заходит к себе в каюту, чувствует, керосином пахнет. Он носом туда и сюда, заглянул под койку, а там... собачонка сдохшая лежит.

Вестовой, конечно, пошел гальюны мыть, а его советчику — Фильке Рыкунову — житья не стало, — за каждый пустяк «фитиля» дают.

— А вы что — заступиться за товарища не можете? — спрашивали рабочие.

— Попробуй у нас — живо под суд угодишь! — оправдывались авроровцы.

— Эх вы, храбрецы! Суда испугались, — с укором говорили судостроители. — Мы-то думали, матросы народ отчаянный, дружный, а они начальства боятся. Чем же ваша жизнь слаще тюрьмы?

Служба на крейсере действительно была нелегкой. Матросов месяцами не отпускали на берег и за каждую провинность сажали в карцер на хлеб и воду или ставили под ружье на шканцах. Любой боцман мог ткнуть дудкой в зубы и огреть линьком.

Старший офицер хорошо знал, что у Филиппа Рыкунова родители живут в Петрограде, что матрос ни разу не побывал дома, но увольнительной ему не давал. Ограновичу казалось, что Рыкунов с недостаточным почтением приветствует его. При встречах он заставлял сигнальщика по нескольку раз подходить к нему, вскидывать руку к бескозырке и вытягиваться в струнку. Тот, не имея права ослушаться офицера, проделывал все это с умышленной медлительностью.

— Научить этого босяка подходить и поворачиваться, — выйдя из терпения, приказывал офицер фельдфебелю. — А потом на шканцы под ружье!

Рыжеусый фельдфебель Щенников рад был случаю выслужиться, а заодно — поиздеваться над строптивым сигнальщиком.

— Ну что ж, давай на полубак, займемся строевой подготовочкой, — говорил он и подмигивал кому-нибудь из писарей: «Выходите, мол, поглядеть, как я питерского гонять буду».

На полубаке он останавливался и, чтобы посмешить зрителей, начинал с шутовских команд:

— Один матрос в три шеренги становись! И никуда не разбегайся!..

Молодые матросы после такой команды всегда терялись, начинали суетливо делать нелепые движения, а зрители давились со смеху. Рыкунов же с презрением смотрел на усатого фельдфебеля и не двигался с места.

— Так, — хрипел Щенников, — у тебя, значит, слабина в подходах и поворотах? Эфто мы быстро исправим... Шаго-ом марш! Дать ножку! — командовал он. — Кру-у-гом!.. Нале-ву... Напра-ву...

Молодых матросов фельдфебель обычно заставлял делать повороты до тех пор, пока те не падали от головокружения, но с Рыкуновым этого не получилось. Он поворачивался не спеша, словно обдумывая команду, и с подчеркнутой четкостью.

Фельдфебеля раздражали его медлительность и спокойствие, он начинал орать и сквернословить:

— Ты что ж... акулья требуха, босяцкая

морда!.. В карцер захотел? А ну, ходчей! На-ле-ву... Прямо!.. Кру-у-гом! Чего пятку тянешь... За разгильдяйство два наряда вне очереди!

Рыкунов почти ежедневно чистил и мыл галюны и стоял под ружьем на шканцах. А это было не легко. Попробуй, постой хотя бы час навытяжку, когда у тебя за плечами висит ранец с тридцатью фунтами песку! Молодые матросы после четырех часов стояния под ружьем падали в обморок, а сильный и закаленный балтийскими ветрами Рыкунов переносил наказание довольно легко.

Огранович любил поиздеваться над матросом, он не раз высывался из рубки вахтенного и не без ехидства спрашивал одно и то же:

— Это кто там? Опять Рыкунов на своем любимом месте? Ну-ну, ему не вредно «рябчиков пострелять». Строптивым полезно мозги проветривать... умней после этого становятся.

Матросу, стоявшему под ружьем, разговаривать и шевелиться не разрешалось, но сигнальщик однажды обернулся и четко произнес:

— А вы и здесь, ваше благородие, ума не наберетесь.

Офицер хотел было отхлестать по щекам дерзкого матроса, но одумался: сигнальщик, стоявший с винтовкой, был грозен.

— Вахтенный, запишите, чтобы этого мерзавца ежедневно, утром и вечером, до конца месяца ставили под ружье, — приказал он.

Из офицеров только штурман сочувственно отнесся к матросу. В пятницу, когда Огранович на сутки уволился, штурман остался на корабле исполнять обязанности старшего офицера. Увидев сигнальщика, готовившегося отбывать наказание, он спросил:

— Рыкунов, желаешь проведать родителей?

— Очень, ваше благородие.

— Ступай к писарю и скажи, что я приказал дать увольнительную до вечерней поверки. Только смотри не подводи меня, — предупредил штурман.

— Есть не подводить!

Обрадованный матрос ринулся в кубрик, вытащил из рундучка еще не ношенные брюки-клеш и принялся наглаживать их.

— Это куда? — удивился фельдфебель.

— Мне сегодня разрешено уволиться.

— А вот я сейчас узнаю, как разрешено, — пригрозил Шенников. — За вранье еще часов восемь получишь.

Он ушел из кубрика со свирепым видом, а через некоторое время вернулся присмирившим.

— Ладно, отправляйся, — буркнул фельдфебель, — только не забудь бутылку водки принести, иначе не попадешь больше на берег. Понял?

Рыкунов знал, что многие матросы, желая попасть на берег, угощали водкой фельдфебелей и давали им деньги.

— Как не понять, — ответил он.

Пять лет матрос не бывал дома. Его тянуло повидать мать и брата, но с отцом встречаться не хотелось. Он не мог забыть его побоев после майской схватки с Виталием Аверкиным и ареста.

Отца тогда из «кутузки» выручили вагранщик Сизов и церковный сторож Артемьянов, связанный с союзом Михаила Архангела. Они уверяли пристава, что Рыкунов не повинен в сыновьих делах, что парнишка и так будет наказан самым строгим отцовским судом.

Вернувшись из «кутузки» домой, отец распил со своими поручителями две бутылки настойки и призвал Фильку к допросу:

— Говори, как на духу... кто тебя подбил на богопротивное дело?

— Никто! Виталька сам пристал...

— Врешь! С забастовщиками, наверное, спутался? Рассказывай, — кто они?

— Не знаю я никаких забастовщиков...

Артемьянов снял с божницы небольшую деревянную иконку и, поднеся ее к Фильке, предложил:

— Целуй Николая-Чудотворца... И побожись.

— Не буду я целовать... чудотворцев не бывает.

— Чего? Чудотворцев не бывает? — ужасаясь,

шепотом переспросил церковный сторож. — Может, ты и в бога не веришь?

— Не верю, — ну и что?

— Господи, да он же антихрист! За это убить мало.

— Мало, — пьяно подтвердил вагранщик Сизов. — Я бы шуру с него спустил.

Опьяневший отец схватил толстый заскорузлый ремень, на котором правил бритву, и принялся хлестать им Фильку по лицу, по голове, по плечам... Увертливый парень старался отскочить вправо, зная, что с этой стороны единственный глаз отца не сразу уловит его, а потом схватился за ремень и повис на нем.

— Подмогите! — задыхаясь, обратился отец к собутыльникам. — Не управлюсь один.

Они втроем навалились на Фильку: один зажал коленями голову; второй — ноги, а разъяренный отец изо всей силы стегал ремнем.

Мать, услышав приглушенный крик сына, кинулась к соседям.

— Ой, милые... Ой, родные, помогите! Мой ирод Фильку убивает.

Прибежавший Савелий Матвеевич отнял от истязателей в кровь избитого парня и увел к себе.

К вечеру у Фильки поднялся жар. Лицо горело от ссадин. Спина вздулась и все тело ныло, словно изломанное. Он всю ночь бредил, а Лемеховы возились с ним, как с родным сыном. Они прикладывали компрессы к рубцам и кровоподтекам, чтобы понизить жар, и поили морсом.

Филька отлеживался у Лемеховых почти неделю и домой больше не вернулся. Савелий Матвеевич предложил:

— Оставляйся у нас. Куда ты теперь денешься? С верфи тебя, конечно, прогнали. А на новую работу не скоро устроишься.

— Ничего, проживу, — ответил Филька.

Еще в постели он надумал уйти к рыбакам, с которыми познакомился на взморье. Это были веселые и бесшабашные парни, не признававшие ни

бога, ни царя, ни полиции. В любую погоду они выходили в залив на своих просмоленных лодках, ставили переметы, а утром снимали улов и несли продавать на базар.

Рыбаки охотно приняли Фильку в свою артель. Рыкунов больше двух лет жил вольно, не признавая никакой власти над собой.

Все лето рыбаки обитали в шалашах, тут же на взморье. Заработанные деньги тратили легко и весело, откладывая лишь пятую долю на одежду, снасти и зимнюю жизнь. Осенью они брали в аренду у рыбака-чухонца амбар, складывали в него просушенные снасти, перебирались в город и поселялись в «Шанхае» — огромном доходном доме с дешевыми комнатами.

В «Шанхае» они вязали новые снасти и артелью нанимались скалывать лед и сбрасывать снег с самых крутых и высоких крыш. За такую работу платили втрое.

Перед войной Филиппа призвали на флот. Он принес Савелию Матвеевичу две бутылки водки, свежих, только что пойманных судаков и попросил позвать мать с братом. С отцом ему не хотелось прощаться.

«Пойду к Савелию Матвеевичу, — решил матрос. — А там ясно будет, что делать».

Кузнец, увидев возмужавшего Филиппа, обрадовался:

— А ну, покажись... покажись. В плечах как будто раздался, а мяса лишнего не нарастил и осунулся вроде. Что — не легка служба?

— Не сахар, — вздохнул моряк.

Лемехов усадил его за стол, сам сел напротив и предложил:

— Рассказывай, как на море воюете.

Пока они за графинчиком водки разговаривали меж собой, жена Савелия Матвеевича сбегала к Рыкуновым и привела мать Филиппа. Та, увидев возмужавшего и потемневшего от морских ветров сына,

расплакалась. Матрос ласково прижал ее к груди, поцеловал и спросил:

— Как отец?

— Такой же ирод. . . еще злей стал. Теперь Дему тиранит, безбожником да фулюганом ругает. А твои письма до одного пожег. Его все Артемьянов расстраивает. Водка-то дорогая, так этот леший денатурат приучил пить.

Младшего брата Филиппу так и не удалось повидать.

На «Аврору» он возвращался навеселе. Поднявшись по трапу, Рыкунов ловко отдал честь Андреевскому флагу, отметился у вахтенного и пошел в свой кубрик. У тамбура его встретил Шенников.

— Ну, принес водки? — спросил он.

— Нет у меня для тебя никакой водки, — отмахнулся Рыкунов.

— Так ты что. . . обманывать? Обещал, а теперь отказываешься? Сам всю выжрал?

Схватив матроса за грудь, фельдфебель сильно встряхнул его и, почувствовав под пальцами хруст бумаги, потребовал.

— А ну покажи, что в бушлате прячешь?

— Ничего я не прячу, отстань!

При этом Рыкунов так толкнул фельдфебеля, что тот отлетел к срезу бочки и растянулся на палубе. Мешкать нельзя было ни секунды. Филипп вскочил в тамбур, спустился по трапу вниз и, увидев знакомого машиниста, сунул ему в руки листовки, полученные от Савелия Матвеевича.

— Спрячь, за мной рыжеусый гонится.

— Есть спрятать, — ответил машинист. — А ты вон по тому трапу уходи.

Филипп поднялся по другому трапу на верхнюю палубу, прошел в свой кубрик, напихав за бушлат газет, которые берег для закурки, сел на рундучок перевести дух. В это время запела труба горниста и тонко засвистели дудки вахтенных, вызывавшие матросов на вечернюю поверку.

Вместе с гурьбой матросов Филипп выбежал на верхнюю палубу и стал в строй во вторую шеренгу.

Ему думалось, что здесь он будет незаметен. Но вскоре появился посыльный и выкрикнул:

— Матрос Рыкунов... в рубку, к старшему лейтенанту!

В рубке сидел старший лейтенант с молодым мичманом и стоял навытяжку Щенников:

— Показывай, что у тебя в бушлате, — приказал офицер.

Филипп сбросил бушлат и вывернул карманы. Старший лейтенант взял измятую газету, просмотрел ее и, не найдя ничего запретного, спросил у Щенникова:

— Ты про это говорил?

— Никак нет, ваше благородие, — поспешил ответить фельдфебель. — Энта бумага мятая, а у него хрусткая была. Видно, спрятать успел. Надо в кубрике пошарить.

Офицер поморщился и сказал мичману:

— Сходите в кубрик. Пусть он при вас осмотрит рундучки.

Когда они ушли, старший лейтенант спросил у Филиппа:

— Ты где был?

— У родителей.

— Пьянствовал?

— Так точно, ваше благородие, — бойко ответил Рыкунов. За пьянство на корабле не наказывали.

— Листовок ни от кого не получал?

Филипп сделал вид, что не понимает офицера.

Обыск в кубрике ничего не дал. Вернувшийся со Щенниковым мичман доложил, что запретной литературы в рундучках не обнаружено.

— В строй! — приказал старший лейтенант.

Рыкунов козырнул, круто повернулся и бегом отправился к своей шеренге. Ему разрешили стать на левый фланг. Вскоре рядом с ним появился кипевший от злости Щенников.

— Ну, теперь ты у меня покрутишься! — ощерясь, прошипел фельдфебель.

На другой день Рыкунова остановил на палубе худощавый минный машинист — Шура Белыйшев.

— Где ты листовки добыл? — вполголоса спросил он.

Филипп не решился сказать правду.

— На Фонтанке... У моста нашел, — соврал он.

Машинист понимающе улыбнулся, подмигнул Рыкунову и сказал:

— Если еще найдешь, передавай нам... не ошибешься.

Глава восьмая

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

За Нарвской заставой бастовали все заводы. Бросили работу и солдаты, присланные с фронта на «Путиловец». Они помитинговали до полудня, потом ушли строем на обед и больше не вернулись.

Весть о том, что солдаты покинули завод, облетела все улицы Нарвской заставы. На другой день рабочие с утра стали собираться у главной проходной «Путиловца». Они стучали кулаками в ворота и требовали:

— Откройте!

Но им никто не отвечал. Стало ясно, что добром на завод не пройдешь. Один из комитетчиков обратился к собравшимся:

— Эй, кто там покрепче, давай сюда, к воротам!

Дема с Васей и еще несколько рослых парней протискались вперед. По команде они толкнули ворота... Доски затрещали.

— А ну, еще нажмем! И-и... раз! И-и... два!...

От дружного напора створки ворот сорвались с петель и рухнули.

Необычайно белый, запорошенный свежим снегом двор и покрытые инеем стены бездействующих мастерских потрясли путиловцев. Они застыли в оцепенении перед поваленными воротами. Им еще не доводилось видеть свой завод таким безмолвным. Они привыкли к гулу трансмиссий, к частому уханью парового молота, к грохоту клепальщиков, к дыханию и вспышкам мартеновских печей, к свисту и шипению

пара. Без этого рабочего шума и гула завод им казался мертвым.

Кто оживит его? Кто вдохнет в него жизнь? Ведь здесь же работали деды и отцы, здесь прошла юность! Завод хоть и выжимал из них пот и старил, но он одновременно был школой жизни и кормильцем. В его мастерских, в общем труде они объединялись, чувствовали свою силу. Это завод сплотил их и создал славу путиловцев. Как же они будут без него?

— Заморозили, гады, цеха, — сдавленным голосом сказал стоявший рядом с Васей пожилой рабочий.

И вдруг кто-то высоким голосом крикнул:

— Снимай охрану!

Этот призыв прокатился по двору, заметался среди заиндеветших мастерских и, отозвавшись эхом, прозвучал, как боевой сигнал к действию.

— Долой генерал-директора! Сами будем управлять заводом!

— Гони охрану и хозяев!

Путиловцы рванулись с места и помчались за убегавшими охранниками. Они их настигали в узких проходных, ловили в цехах и, толкая в шею, гнали к зданию конторы, где уже хозяйничал стачечный комитет.

В этот день рабочие захватили все мастерские завода и выставили свою охрану.

* * *

Выдав Кате пачку прокламаций, Наташа сказала:

— Будь осторожна. Вчера по демонстрантам стреляли. Облавы были на многих улицах и всю ночь ходили с обысками. Арестован почти весь состав Петербургского комитета. Центральный комитет поручил действовать нам от его имени.

Спрятав прокламации под пальто на груди, Катя пошла к Финляндскому вокзалу. Улицы в этот день казались безлюдными. Лишь на углу Боткинской де-

вушка заметила жиденскую толпу и приблизилась к ней. Какой-то железнодорожник в очках водил пальцем по листку, наклеенному на заборе и почти по складам читал вслух:

— Подни-май-тесь все! Орга... организуйтесь для борьбы! Устраивайте комитеты...

«Наша листовка, — поняла Катя. — Кто же успел ее наклеить?»

Слова железнодорожник произносил невнятно. Женщина в солдатском ватнике не утерпела и сказала:

— Неужто пограмотней здесь никого нет?

Алешина хотела занять место железнодорожника, но одумалась: «Если схватят, попадусь со всей пачкой. Не буду ввязываться».

Листовку взялся читать какой-то парнишка в форме ученика реального училища:

«Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить.

На фронте — кровь, увечье, смерть. Набор за набором, поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню.

Нельзя молчать!

Отдавать братьев и детей на бойню, а самим издыхать от холода и голода, молчать без конца — это трусость, бессмысленная, подлая.

Все равно не спасешься. Не тюрьма — так шrapнель, не шrapнель — так болезнь или смерть от голодовки и истощения...»

— Правильно! — крикнул сутулый грузчик, подпоясанный красным кушаком. — Все как есть правильно!

Но на него тут же зашикали:

— Не мешай, тоже оратор нашелся. Читай, мальчик!

Катя пошла дальше. На другом углу женщина читала такую же листовку в очереди у булочной:

«... Царский двор, банкиры и попы загребают золото. Стая хищных бездельников пирует на народных костях, пьет народную кровь. А мы страдаем.

Мы гибнем. Голодаем. Надрываемся на работе. Умираем в траншеях. Нельзя молчать.

Все на борьбу. На улицу! За себя, за детей и братьев! . . .»

Листовки уже ходили по рукам. Товарищи успели опередить Катю.

Девушка отправилась на вокзал. У касс прохаживались жандармы.

«Здесь рискованно», — сообразила она и вышла на перрон к поезду, идущему в Гельсингфорс.

У одного из вагонов третьего класса стояли матросы. Катя пригляделась к ним: кого же выбрать? Решилась подойти к круглолицему моряку с Георгиевским крестом. Он ей показался серьезней других.

Она сложила две листовки треугольником, как посылали в то время письма на фронт, быстро сунула их в руку моряка и, сказав: «Прочтете в вагоне», пошла дальше.

Недоумевая, балтиец развернул треугольник. Поняв, что это листовки, он моментально сунул их в карман и кинулся догонять девушку.

Он настиг ее в другом конце перрона.

— Сестренка! — окликнул моряк. — Одну минутку. . .

Катя испугалась: «Сейчас схватит и потащит в жандармское отделение».

Она остановилась и, напустив на себя неприступный вид, строго спросила:

— Что вам угодно?

Моряк смутился.

— Это ведь вы сейчас подходили ко мне? . .

— Нет, я вас не знаю.

— Да вы не бойтесь, — вполголоса начал убеждать он ее. — Может, у вас еще найдутся такие листовки? . . Дайте, пожалуйста. Тут у нас ребята едут на разные корабли. На всех не хватит. . .

По светлым глазам и открытому, энергичному лицу чувствовалось, что моряк не лжет и не собирается выдавать ее.

— Хорошо, — сказала Катя, — только пройдем немного подальше.

По пути она свернула в трубку дюжины две листовок и передала моряку. Тот сунул их в карман, крепко сжал ее руку и спросил:

— Как вас зовут?

— Катя.

— А меня Иустин... Иустин Тарутин, — отрекомендовался он. — Передайте своим, что на матросов они могут надеяться... не подведем.

* * *

Иустин Тарутин провожал в Гельсингфорс на эскадру молодых минеров. Заодно ему хотелось разведать, что творится в столице. С вокзала в центр города он направился пешком.

У моста через Неву его остановил казачий патруль. Чубатый фельдфебель, взглянув на увольнительную, сказал:

— По городу не очень-то разгуливай, попадешь в комендатуру. Есть строгий приказ всех направлять в казармы.

— Так мне же в Кронштадт надо.

— А-а... в Кронштадт? Ну, тогда проходи.

На Литейном проспекте путь к Невскому преградили конные полицейские. Не давая пешеходам скапливаться в одном месте, они теснили всех в боковые переулки. Тарутин свернул на Бассейную улицу. Здесь народу было не меньше, моряку приходилось лавировать: то идти по панели, то проталкиваться через толпу по мостовой.

На Знаменской улице он свернул вправо, чтобы выйти на Невский. Неожиданно впереди послышалась частая стрельба, а минуты через три Тарутин увидел бегущих навстречу растрепанных и задыхающихся людей. Моряк остановил парня, потерявшего шапку, и спросил:

— Что там случилось?

— Солдаты... из винтовок прямо по народу... А на нас конники... Сабли наголо... так и рубят! Весь снег в крови... Не ходи, моряк!

Тарутин быстрее зашагал к площади.

У Знаменской церкви, прислонив винтовку к ограде, стоял белообрый солдат. Он вытирал папашой бледное лицо и, словно помешанный, сам с собой разговаривал:

— Ну и пусть... пусть заарестуют. Не боюсь! Все равно пропадать. По народу мы не стреляем, а в городовиков завсегда. Неча с саблями гоняться! Я хотел убечь, а теперь останусь. Вон она, винтовка, берите... вяжите мне руки...

На затоптанном и окровавленном снегу площади виднелись сраженные пулями демонстранты и подбитые лошади. Тарутин подошел к солдатам Волинского полка, стоявшим в неровном строю у памятника Александру III. Пехотинцы были возбуждены. Они все курили. Иустин заметил, что руки у многих дрожат.

— Что у вас тут вышло? — спросил Тарутин.

— Чо вышло? А то, что по народу было велено, — быстро затараторил пехотинец со щербинкой в передних зубах. — А мы чо? Мы не чо. Нам штабс-капитан кричит: «Залп»! А мы в белый свет, как в копеечку...

— Не поймешь ты ничего у этого чекалы, — перебил товарища бородатый волынец и не спеша рассказал о случившемся.

Учебной роте Волинского полка еще с утра выдали боевые патроны и привели на площадь к Николаевскому вокзалу. А когда здесь скопились демонстранты, солдатам приказали зарядить винтовки и стрелять.

— Залп! Залп! — кричал штабс-капитан.

Солдаты дали несколько залпов. Видя, что из демонстрантов никто не падает, штабс-капитан подбежал к пулемету и сам начал обстреливать толпу.

Люди заметались по площади, не зная, куда укрыться. В это время широко распахнулись вокзальные ворота, из-под арки вылетели с саблями наголо конные жандармы и стали преследовать бегущих.

И вот тут солдаты Павловского полка, видя, как

конники рубят беззащитных демонстрантов, дали залп по жандармам.

— Теперь павловцев самих взяли в кольцо. Винтовки отнимают, видно, судить будут, — заключил бородач.

Тарутин лишь к концу дня попал на Балтийский вокзал.

В поезде, идущем в Ораниенбаум, народу было немного. Иустин сел к окну. Увидев на перроне флотский патруль, он с опаской подумал: «Только бы не обыскали».

Матрос снял толстокожий флотский ботинок и, как бы нащупывая гвоздь, мешавший ходить, уложил на место стельки согнутые пополам листовки. Переобувшись, он решил: «Сразу в казарму не пойду, сперва загляну в чайную на Козьем болоте, там ребята ждут вестей из Питера».

По пути Иустин вспомнил, что он давно не получал писем из дому: «Как они там теперь?»

Тарутины жили бедно. Отец летом работал в поле, а зимой был извозчиком в Туле. Зарабатывал он мало, восьмерых детей прокормить не мог. В четырнадцать лет Иустин поступил на Оружейный завод в ученики слесаря.

Жизнь была невеселой: просыпался чуть свет, пешком отмерял четыре версты до города, весь день трудился на заводе у тисков и поздно вечером возвращался в деревню. Порой он так уставал, что не ужиная, едва добравшись до постели, падал и засыпал.

Иустину хотелось как-то изменить это однообразное существование. Он стал прислушиваться к разговорам рабочих, ругавших заводские порядки, тайком читал запретные книжки и передавал другим.

Однажды вечером, когда он возвращался с работы домой, его встретила соседка и предупредила:

— Иустя, не ходи домой, там тебя стражник ждет.

Не чувствуя за собой никакой вины, Иустин подошел к своей избе и заглянул в освещенное окно. В горнице сидел, развалясь, толстый стражник и курил. Напротив, у плетня, была привязана его лошадь. Свет из окна освещал седло и притороченную к нему небольшую винтовку.

«Карабин!»—сообразил Иустин. Парнишке давно хотелось раздобыть себе оружие. Не долго раздумывая, он подкрался к лошади, выгреб из сумки патроны, отвязал карабин и спрятал все под камни у погребка.

«Теперь пусть стражник ищет, а я не сознаюсь», — решил он и смело вошел в дом.

Увидев на пороге невысокого чумазого парнишку, стражник обозлился и в сердцах сказал:

— Тыфу ты, пропасть! Я думал, человек придет, а тут сопля. Тоже люцинер! Пороть тебя некому. Только людям беспокойству устраиваешь. Собирайся к становаму!

— Дали бы хоть шей похлевать, — робко попросила мать. — Ведь с утра без горячего мается.

— Некогда мне с вами возжаться да глядеть, как вы щи хлебаете! — грубо ответил полицейский и, толкнув юношу в спину, сказал: — Пошли!

Почувствовав, что от стражника разит водкой, Иустин с опаской подумал: «Сейчас подойдет к коню и хватится, а карабина-то и нет».

На счастье, стражник не заметил пропажи. Взгромоздясь на лошадь, он строго сказал:

— Пойдешь у стремени. Только смотри — не вздумай тикать, живого места не оставлю!

Мать догнала сына за воротами. Она сунула ему в руки узелок и, плача, поцеловала.

Стражник пригнал его в соседнюю деревню, где находился полицейский стан. Там юношу заперли в «холодную» и только на другое утро повели на допрос.

— Ты от кого запрещенные книжки получал? — спросил пристав.

«Вот оно что! Значит, меня из-за книжек арестовали», — сообразил Иустин.

— Ни от кого книг не получал. К чему они мне? — сказал он.

— А это чья пакость?! — закричал пристав. — Кто ее дал Савину?

Он показал тоненькую брошюрку под названием «С одного козла двух шкур не дерут». В ней говорилось об издевательствах мастеров, которые штрафами и взятками сдирают вторую шкуру с рабочего, так как первая достается фабриканту. Иустин действительно передавал ее двоюродному брату.

— От меня он ее получил, — признался юноша. — Сам я не курящий, а ему сгодится, с десяти лет курит.

— Где взял?

— На улице нашел.

— Врешь!

И пристав ударил его по щеке. Иустин обозлился.

— Если будешь драться, — ничего не скажу.

Полицейский ударил еще раз и заорал:

— Я тебя научу, щенок, разговаривать! От кого получил? Говори!

Стиснув зубы, юноша молчал. Он готов был кинуться на полицейского и вцепиться в его дряблую шею. Пристав, видимо, почувствовал это; он отступил за широкий письменный стол и сипло произнес:

— Так вот ты из каковских! В молчанку играть? Обученный, значит? У нас на таких кандалы надевают.

В тот же день он отправил Иустина в Тулу, да не просто, а под усиленным конвоем: два стражника с саблями наголо ехали справа и слева.

«Ух, с каким почетом! Слово знаменитого разбойника ведут, — подумал Иустин и гордо вскинул голову. — Пусть все видят, что я их не боюсь».

В полицейском управлении его посадили в отдельную камеру.

Старичок-сторож, поставив на стол кувшин с водой, спросил:

— Как харчиться будешь? Есть у тебя, паря, деньги?

— Нет, ни копейки не осталось.

— Тогда плохо твое дело. У нас здесь не кормят.

Все же старик принес немного заплесневелых сухарей. Больше двух суток ничего иного у Тарутина не было.

На третий день Иустин услышал песню, доносившуюся из коридора. Густым басом кто-то выкрикивал:

«На бой кровавый, святой и правый
Марш, марш вперед, рабочий народ!»

Вскоре в камеру втолкнули кряжистого мастерового, в разодранной рубашке, сквозь прорехи которой виднелась полосатая морская тельняшка. Иустин знал его. Это был лекальщик завода Антон Ермаков.

Сев на нары, Ермаков запел новую песню:

«Улица веселая,
Времячко тяжелое...»

При этом он пьяно притоптывал и щелкал пальцами. Увидев сидящего в углу Иустина, лекальщик вдруг умолк и спросил:

— А ты кто?

— Я, дядя Антон, арестованный.

— А кто тебе сказал, что меня Антоном зовут?

— Солодухин. Я его подручный.

— Правильно, Солодухин мой друг. Много с ним гуляно. Хочешь, я тебя матросским песням научу? — вдруг спросил он.

Иустин был рад всякому развлечению в этой полутемной камере.

— Научите, — попросил он.

— Ишь какой прыткий: «научите!» А ты знаешь, что за эти песни в тюрьму попасть можно?

— Так мы уже в тюрьме.

— Верно, — оглядев камеру, удивился Ермаков. — А ты, паренек, с перцем, — отметил он. — Хочешь, балгийскую спою? — И, не дождавшись ответа, запел:

«Грохочет Балтийское море...
В угрюмых утесах у скал.
Как лев разъяренный в пещере,
Рычит набегающий вал.
И с плачем другой, подоспевши,
О каменный бьется уступ,
Где грузно лежит посиневший,
Холодный, безжизненный труп.
Недвижно лицо молодое,
Недвижен гранитный утес,
Замучен за дело святое
Был этот отважный матрос.
Не в грозном бою с супостатом,
Не в чуждой далекой стране,
Убит он своим же собратом,
Казнен на родном корабле.
Погиб он за правое дело,
За правду святую и честь.
Снесите же, волны, народу,
Отчизне последнюю весть.
Снесите глухой деревнюшке
Последний рыдающий стон,
И матери, бедной старушке,
От павшего сына поклон.
Плывет полумесяц багровый
И кровью в пучине дрожит.
О, где же тот мститель суровый,
Который за смерть отомстит?!»

Ермаков вытер ладонью слезы, положил тяжелую руку на плечо Иустину и сказал:

— Будут на военную службу брать, — просись в матросы. Таких товарищей, как на море, нигде не найдешь. Но не пей, Иустин: не только полиция, а и друзья презирать будут. Это точно, верь мне, на своей шкуре испытал.

От получки у Ермакова осталось рубля четыре. Он покупал хлеб, воблу, рубец и подкармливал юношу. Когда Иустина вызвали на второй допрос, старый матрос посоветовал:

— Придуряйся, ничего не говори, отказывайся от всего.

Иустин так и поступил: он делал вид, что не понимает жандармского офицера, и нес всякий вздор. Тот бился, бился с ним, потом обозлился, вызвал рослого полицейского и сказал:

— Тащи этого остолопа на улицу и дай под*зад, чтобы раз пять перевернулся.

В деревне Иустин узнал, что стражники целый день искали винтовку и на огороде и у соседей, но не нашли. Юноша решился вытащить карабин из-под камней только через неделю. Он счистил с него ржавчину, смазал маслом, завернул в тряпки и перепрятал под крышу сарая.

Вскоре карабин ему понадобился. Невдалеке от деревни находилось имение тульского головы Любомудрова. Летом его управляющий нанимал девчат метать стога и жать рожь. Многие из них оставались ночевать в поле. И вот в разгар сенокоса, поздно вечером Иустин нагнал на дороге заплаканную дочку соседки, Марфиньку.

— Кто тебя обидел? — спросил он.

— Володька помещицкий, — ответила она. — Все пристаёт, а сегодня — хватъ за плечо и тащит. Я, чтоб отстал, в руку зубами вцепилась... Он за это: «Уходи прочь, — говорит, — и больше на работу не являйся».

— Ладно, не плачь, Марфинька, я его проучу, — пообещал Иустин.

В эту же ночь он перенес свой карабин в поле и спрятал под кустом у помещичьей межи.

В субботу, пораньше закончив работу, не заходя домой, Иустин засел во ржи у проселочной дзроги.

Сидел он долго, уже зашло солнце, и на небе угасали красные полосы. Наконец, показалась легкая бричка. В ней ехал с поля, насвистывая, долговязый студент — сын помещика. Он был в форменной фуражке и белой рубахе.

Иустин поднялся и крикнул:

— Стой!

Но студент не остановил бричку, а испуганно вскочил и принялся нахлестывать коня. Иустин прицелился и нажал на спусковой крючок карабина. Сверкнул огонь... прогремел выстрел. Конь от испуга рванулся и понёсся, как шальной.

«Промазал», — понял Иустин и дважды выстрелил вдогонку.

На следующий день в имение понаехало много стражников и жандармов. Началось следствие. Студенту, видимо, от страха померещилось, что из ржи вышел огромный и бородатый детина с ружьем, а может, он это придумал, чтобы не прослыть трусом. Во всяком случае безусый Тарутин у полиции подозрений не вызвал. Одна только Марфинька догадывалась, кто стрелял в студента.

В другое воскресенье, когда Иустин вечером пришел на гулянку, она отвела его в сторону и шепотом спросила:

— Это ты стрелял в помещичьего Володьку?

— Я. Жаль вот — промазал.

— А не боишься? Ведь нас обоих могут в тюрьму посадить.

— А тебя-то за что?

— Ну как же... если бы я не пожаловалась... Ты ведь за меня мстил, да?

— Да.

— Иустинчик, значит, ты... — у нее не хватило духу сказать «любишь меня», но он это понял и вместо ответа привлек к себе Марфиньку и поцеловал.

С этого воскресенья они по вечерам стали гулять вместе. Девушка любила его за бесшабашность и отчаянные поступки и в то же время страшилась их.

— Иустинчик, остепенись, не путайся ты с забастовщиками, — не раз просила она. — Иначе отец не примет твоих сватов.

Отец Марфиньки и слышать не хотел о свадьбе.

— Лучше пусть в девках останется, чем за голодранца выходить, — говорил он. — Такие из тюрем не выходят.

Когда Иустина призвали в армию, он сам попросился во флот.

«Питерские поотчаянней будут, — вспомнилась ему девушка, передавшая листовки. — Не побоялась к незнакомому подойти. А вдруг бы на «шкуру» нарвалась? Схватил бы он ее и в кутузку. Не зря же

она сделала строгое лицо, «я, мол, вас не знаю». Почему она ни к кому другому, а именно ко мне подошла? Значит, чем-то я доверие вызвал. Имя у нее хорошее: Катя, Катюша. Эх, дурень, адреса не спросил».

Доехав до Ораниенбаума, Тарутин поспешил в порт и там пристроился к артиллеристам, которые переправлялись в Кронштадт по льду на лошадях, запряженных в огромные сани.

Глава девятая

НА КРЕЙСЕРЕ „АВРОРА“

Судостроители забастовали. Франко-русский завод опустел. Наступила непривычная тишина, нарушаемая лишь звоном склянок «Авроры».

Без рабочих ремонтируемый корабль имел какой-то заброшенный и растерзанный вид. С его высоких бортов свисали пустые беседки клепальщиков. Листы стальной брони во многих местах остались развороченными, в зияющих дырах виднелись поржавленные шпангоуты.

Командир «Авроры» капитан первого ранга Никольский, не желая, чтобы матросы узнали о беспорядках, начавшихся в столице, отдал строгий приказ: никого в город не отпускать. Но разве утаишь такие события от матросов? Вестовые подслушивали разговоры офицеров в кают-компаниях и сообщали товарищам. Выстрелы в городе слышали и вахтенные, стоявшие на мостике и у трапов.

Трюмные машинисты, гальванеры, кочегары и электрики с утра перетирали и смазывали детали разобранных машин. Прибегавшие к ним матросы строевой команды шепотом передавали:

— Все заводы остановились. Рабочие ходят по улицам с флагами. За Нарвской заставой бьют городских.

К концу дня в машинное отделение бегом спустился возбужденный плотник Липатов.

— Где Бельшев? — спросил он.

— А что стряслось? — заинтересовались машинисты.

— Совсем осатанели. Крейсер в тюрьму превращают... Семеновцы рабочих арестовали, притащили на корабль и в карцер посадили. Нас и так презирают, жандармами зовут... а тут еще это.

У авроровцев в самом деле была не добрая слава на флоте. Полтора года назад, когда команда «Рюрика» отказалась конвоировать взбунтовавшихся матросов линкора «Гангут», адмирал приказал это сделать авроровцам. Офицеры, боясь отказа, в конвой отобрали новичков, только что прибывших служить на корабль, и те опозорили команду.

— Постой, не горячись, — остановил плотника Шура Бельшев и на ухо шепнул: — Сзови своих ребят понадежней, а я своих. Сойдемся ровно в пять в туннеле у главного гребного вала...

В назначенный час матросы собрались в длинном и узком туннеле, освещенном огарком свечи. Усевшись на корточки, стали обдумывать: как быть?

Бельшев с обычной для него неторопливостью сказал:

— Протестовать, конечно, нужно, но этого мало. Чтобы оправдаться перед народом и флотом, мы должны первыми присоединиться к рабочим. У меня есть предложение: сегодня, когда нас соберут на вечернюю молитву, погасим свет и навалимся на офицеров. В первую очередь на Никольского и Ограновича.

Предложение машиниста не вызвало споров. К Бельшеву на корабле относились с уважением. Тут же условились, что сигналом к бунту послужат слова молитвы: «и благослови достояние твое»; электрики мгновенно перережут электрические провода, а остальные, наметив себе офицеров, нападут на них в темноте.

— Полундра! — вдруг крикнул в туннель наблюдатель.

Собравшиеся быстро загасили свечу, в темноте

перебежали к запасному ходу и разошлись по своим местам.

Но о сговоре начальство узнало: на корабле нашелся предатель, который донес старшему офицеру о готовящемся восстании.

Перед молитвой в кубриках неожиданно появились вооруженные офицеры с кондукторами. Они оглядели жилые помещения, нет ли в них оружия, и предупредили матросов, что всякие бесчинства на корабле будут караться по законам военного времени — расстрелом.

Едва офицеры удалились, как по кубрикам разнеслась весть:

— Семеновцы уводят с корабля арестованных.

Матросы, не сговариваясь, ринулись из кубриков наверх. Они опрокинули боцманматов и унтеров, стоявших у трапов, и выбежали на открытую палубу.

Увидев на берегу рабочих, окруженных конвоем, кочегары и машинисты закричали:

— Ура, петроградцы!

— Скажите всем, мы с вами!

— Разойдись! Марш по кубрикам! — послышался с мостика в рупор грубый голос командира крейсера.

Но никто не слушал его. Матросы бросились к широкому трапу, спущенному на берег. Но здесь их остановил Огранович.

— Назад! — тряся бородой, рявкнул он и вскинул вверх руку с револьвером.

За спиной Ограновича стояли вооруженные офицеры.

— Не бойся... За мной! — крикнул, вырвавшись вперед, Рыкунов.

За ним устремились несколько кочегаров и мичманов.

На юте сверкнул огонек. Рыкунову показалось, что ему по ногам ударили чем-то горячим. Он не удержался и упал. Над ним загревели частые выстрелы.

Матросы отхлынули назад и начали пятиться к тамбурам. По ним стреляли свои офицеры и семе-

новцы, скопившиеся на берегу. Пули щелкали по железу надстроек, по броне, взвизгивали в воздухе, впивались в дерево. . . Матросы заматались, не зная, куда укрыться. Они гурьбой скатывались в люки, прятались за дымовые трубы, за броню пушек, спускались за борт на торосистый лед.

Рыкунова кто-то втащил в тамбур и крикнул:

— Тащи, братва, его вниз! Мы сюда никого не пустим.

Стрельба вскоре прекратилась.

Матросы, собравшиеся в нижних помещениях, кипели от негодования.

— Ночью надо всех их передушить.

— Чего ждать ночи, вооружайся сейчас! Становись к трапам с ломami, лопатами! Не давай спускаться, а то зачинщиков начнут искать.

Но никто из офицеров не решился показаться в нижних помещениях. Они боялись своих матросов.

На некоторое время на корабле все затихло. Матросы прислушивались к тому, что делается наверху, а офицеры настороженно поглядывали на тамбуры.

У Рыкунова была прострелена левая нога выше колена.

— Не по кости, через неделю ходить будешь, — перевязывая, заверил его кочегар.

Приближалась вечерняя поверка. И вдруг, как ни в чем не бывало, по приказанию командира крейсера, заиграла труба горниста, созывавшая всех наверх.

— Строиться по ротам!

Матросы медленно выходили на верхнюю палубу и строились вдоль борта. Рулевые помогли подняться по трапу Рыкунову и, став рядом с ним в строй, поддерживали с двух сторон.

Никогда еще так мрачно не проходила вечерняя поверка. С Невы надвигалась мгла. Моряки, по привычке подравняв шеренги, стояли молча. Но по их лицам, учащенному дыханию и поблескивающим в сумерках глазам чувствовалось, какую ненависть

они питают к офицерам. Если бы не дула пулеметов, направленные с мостиков на шеренги, матросы растерзали бы золотопогонников.

Молитвы в этот вечер не было, ее отменил Никольский. Он понимал, что после стрельбы нельзя собирать команду в тесном и закрытом помещении корабельной церкви, где не выставишь пулеметов.

Офицеры, знавшие о матросском сговоре, старались как можно дольше продержат их на ветру и холоде.

Фельдфебели почти в каждой роте недосчитывались двух—трех человек.

— Где они? — допытывались кондукторы.

Матросы молчали, хотя хорошо знали, что их товарищи убежали в город по льду.

Когда совсем стемнело, из своего тамбура вышел командир корабля. Сопровождаемый вахтенным офицером, он пошел вдоль рядов. Зеленоватый луч электрического фонарика заскользил по насупленным лицам матросов.

«Сейчас ткнут в меня пальцем и скажут: „Выйти из строя!”» — подумал Филипп Рыкунов.

Но Никольский никого из матросов не трогал. Он знал, что творится в городе, и боялся наступающей ночи.

— Проверить кубрики и отсеки! — приказал он. Капитан первого ранга полагал, что не вышли на поверку раненые.

Офицеры с фельдфебелями прошли по кубрикам, заглянули во все закоулки корабля и, не найдя никого, вернулись.

Это еще больше омрачило командира крейсера.

— Отбой! — буркнул он и пошел в свою каюту писать донесение.

— Разойдись! — раздалась команда. — Вязать койки!

Матросы разобрали свернутые валиками подвесные брезентовые койки и разошлись по кубрикам готовиться ко сну.

Рыкунов, опасаясь, что ночью его арестуют, попросил товарищей отнести койку к механикам. Там

народ был дружный, но и среди машинистов нашлись люди, напуганные стрельбой.

— Вот и нашумелись, — сказал рябой гальванер. — Рабочим не помогли и себе навредили.

— Заныл уже, — едва сдерживая боль, возмутился сигнальщик. — Поджилки трясутся, что ли?

— Ишь, храбрый нашелся. Попрыгаешь теперь на одной ноге, если за решетку не попадешь.

— А ну, не разводи пену, без тебя тошно! — прикрикнул на гальванера сосед по койке. — Заладил свое: «навредили», а нам о другом думать надо.

— Верно, — поддержал его Бельшев. — Теперь хода назад уже не дашь, только вперед! Держись крепче друг за дружку и не теряйся.

Повесив на крючья койку, он не лег спать, а пошел договариваться с вожаками других команд, как действовать завтра.

* * *

Следующий день был воскресным. После побудки, вязки коек и умывания, засвистели боцманские дудки и послышались голоса унтеров:

— На молитву!

Утром полагалось читать только «отче наш», в этой молитве не было слов «и благослови достояние твое», все же корабельный священник, стоявший в полном облачении у походного алтаря, с тревогой вглядывался в лица матросов, заполнявших тесное, с низким подволоком помещение, пропахшее ладаном и воском.

Кочегары, комендоры, рулевые, сигнальщики и машинисты не крестясь переступали комингс церковной палубы.

Позже всех, держа перед собой фуражки, вперед протискивались офицеры и мичманы. И тотчас раздалась команда.

— Расступись!

Матросы нехотя потеснились, образуя узкий проход к алтарю. Командир крейсера с пожелтевшим лицом прошел на свое место.

Священник начал богослужение. «Отче наш» полагалось петь хором, но сегодня слышались только простуженные басы боцманов да фельдфебелей. Матросы молчали, а офицеры стояли настороженно, каждый из них держал правую руку у расстегнутой кобуры с револьвером.

Молитва прошла спокойно. Священник торжествовал: «Ага, одумались бунтовщики. Вечерняя стрельба на пользу пошла».

И на лице Никольского разгладились резкие складки, но глаза оставались злыми. Они как бы говорили: «Я вам не забуду вчерашнего, вы еще поплатитесь за бунт».

Ему не нравилось и сегодняшнее поведение матросов на молитве. В наказание, несмотря на воскресный день, командир крейсера приказал устроить на корабле большую приборку.

После завтрака матросов заставили драить песком палубы, убирать каюты, мыть ванне и галюны.

Это было им наруку: с ведрами, щетками, шлангами матросы могли пройти к пулеметам, офицерским каютам, хранилищам оружия. Теперь только следовало договориться о сигнале, чтобы всем действовать одновременно.

Вожаки команд, делая вид, что разносят песок, мыло и ведра с едким раствором каустика, всюду шептали одно и то же: «Как услышите «ура», захватывайте оружие и бейте офицеров».

Сигнальщик Рыкунов на большую уборку не вышел. Это заметил Щенников.

— Где Рыкунов? — допытывался он у матросов. А те либо отмалчивались, либо говорили: «не знаем», «не видели».

— Он у меня сейчас пробкой наверх вылетит!

Фельдфебель пошел по помещениям других рот и нашел сигнальщика в кубрике кочегаров. Рыкунов здесь был не один. Перед открытыми иллюминаторами сидели еще два матроса: один с забинтованной головой, другой — с повязкой на левой руке.

— А вы чего тут прохлаждаетесь?! — заорал на матросов фельдфебель. — Марш по командам!

— Не ори, шкура! — огрызнулся кочегар с повязанной рукой.

— Что-о!? Ты с кем это так говоришь? — накинулся на него Щенников. — За решетку хочешь? Я вас, бунтовщиков, насквозь вижу. Зачинщики собрались, да? Опять матросов мутить? Вот я сейчас доложу старшему офицеру...

Фельдфебель, сверкнув глазами, повернулся и направился к выходу.

— Не выпускайте его! — сказал Рыкунов товарищам. — Эта шкура продаст нас.

Кочегар схватил со стола медный чайник, в два прыжка нагнал Щенникова и ударил его по загривку. От неожиданности фельдфебель качнулся и упал на четвереньки... Уползая к двери, он завопил:

— Дежурный!.. На помощь, спасите!..

Но на его крик никто не прибежал, потому что в эту минуту заводские ворота распахнулись и во двор ворвались с красными знаменами судостроители и солдаты Кексгольмского полка.

— Ура авроровцам! — закричали они.

— Урррааа! — раздалось в ответ по всем палубам и отсекам крейсера.

Кондукторы с унтерами немедленно развернули пулеметы, но матросы накинулись на них со всех сторон, смяли и посбрасывали с надстроек.

Вестовые схватили Ограновича. Старший офицер яростно отбивался от них, стараясь вырваться. Но не тут-то было. Ему скрутили руки за спину и пинками погнали к трапу, спущенному на берег.

Остальные офицеры, застигнутые врасплох, не сопротивлялись. Они отдавали оружие и послушно шли за матросами на ют. Только командира крейсера никто не успел схватить. Он выскочил из кормового тамбура с браунингом. В ярости Никольский, наверное, открыл бы стрельбу, если бы кто-то из машинистов ногой не вышиб из его руки пистолет.

С обезоруженного капитана первого ранга содрали погоны и потащили на берег в угольную яму. Туда же приволокли и цеплявшегося за ноги Ограновича.

Суд над ними был коротким: матросы вскинули винтовки и дали два залпа.

— Так и с вами будет, если пойдете против народа, — сказал кочегар офицерам, стоявшим на юте.

Сигнальщики привязали к фалам грот-мачты красный флаг.

Трепещущим пламенем он взлетел вверх и известил всех, что восставшие матросы победили.

Глава десятая

ГОРЯЧЕ ДНИ

Два грузовика, до отказа набитые путиловцами, выкатили на Петергофское шоссе и помчались к центру города. Они миновали Нарвские ворота, проскочили мост на Обводном канале и понеслись вдоль набережной Фонтанки.

У Александровского рынка шла стрельба. Рабочие вместе с солдатами осаждали полицейский участок.

Первая машина остановилась. С нее спрыгнул Дема Рыкунов и еще несколько человек. Кокорев видел, как они побежали к мосту. Он хотел тоже спрыгнуть, на мостовую, но кто-то отдал команду:

— Не задерживаться. Здесь сами справятся.

Машины покатили дальше.

* * *

Дема подбежал к угловому дому, где толпились человек двадцать.

— Не высывайся, парень! — предупредил эго солдат в лохматой папахе. — Мигом подобьют. Надо в обход. Кто со мной?

Рыкунов и еще несколько парней двинулись в обход за солдатом. Они прошли в какой-то тупичок, помогая один другому, вскарабкались на деревянный сарай и поднялись по железной лестнице на крышу четырехэтажного дома.

Дома здесь стояли вплотную. По крышам не трудно было пробраться к полицейскому участку. Но снег, лежащий на кровлях, оказался рыхлым. Ноги то увязали в нем, то скользили по скату. Дема несколько раз падал плашмя и хватался за выступы, чтобы не скатиться вниз, на панель. Все же он не отставал от солдата, также перепрыгивал с одного обрывистого края крыши на другой, на четвереньках карабкался выше, пригнувшись, пробегал по отлогим местам и для передышки задерживался у дымовых труб.

К дому, где был полицейский участок, добралось лишь пять человек. Отставших заметили люди, скрывавшиеся за стенами рыночных лабазов. Они что-то начали кричать.

— Вот ведь недоумки, выдадут нас, — рассердился солдат.

Он вышиб прикладом полукруглую раму слухового окна и все, кто был на крыше, проникли на чердак.

— Прячьтесь за стояки труб, — приказал солдат. — И не высовывайтесь, пока я не подам команды.

Поманив за собой Дему, он пошел на разведку к выходной двери.

Полицейские сообразили, что им грозит опасность с соседних крыш. Когда разведчики вышли на каменную площадку, то увидели трех городских, тащивших по лестнице наверх пулемет.

— Укройся здесь, — шепотом сказал солдат Деме. — Как только я выстрелю по переднему, ты бей заднего. Третьего вдвоем скрутим.

Дема присел за высоким ящиком, стоявшим у входа, а солдат прижался к стене в темном углу.

Городовые поднимались медленно. Но вот показались их шапки. Дема крепче сжал в руке кувалду и затаил дыхание.

На чердак сперва заглянул сизоносый околоточный. Видя, что здесь все спокойно, он крикнул на площадку:

— Давайте живей... вон к тому окну!

Пятясь задом, городовые, пыхтя, втащили пулемет. Все они были вооружены револьверами.

«Теперь-то я добуду себе оружие», — подумал Дема.

Как только раздался выстрел, он выбежал и ударил кувалдой по согнутой спине ближайшего городского, а затем навалился на его соседа.

Городовой оказался сильным и вертким, он извивался по полу, пытаясь зубами вцепиться Деме в руку. Солдат оглушил его прикладом. Городовой сразу обмяк и ткнулся носом в слежавшиеся опилки.

Дема вытащил у него из кобуры наган и сорвал с него красный шнурок. Ему хотелось добыть револьвер и для Васи, но оружие успели посрезать парни, прятвавшиеся за стояками.

Вооружившись наганами, они стали осторожно спускаться вниз.

Во втором этаже обе створки дверей были распахнуты. Из коридора в нос бил резкий запах прохловых газов. В глубине помещения гроыхали выстрелы. Городовые стреляли и в первом этаже.

— Двое останьтесь на площадке, остальные — за мной! — скомандовал солдат.

В длинном коридоре стояли раскрытые ящики с патронами и гранатами-лимонками. Солдат взял две гранаты и пошел вперед. Дема держал наган на взводе.

В большой комнате, уставленной письменными столами, находилось шесть городских. Они стреляли из окон.

Солдат бросил одну за другой «лимонки» и присел за дверью у стенки.

От взрывов посыпалась штукатурка. Коридор заполнился известковой пылью. В его дальнем конце заматались полицейские.

Низкорослый городской выскочил из соседней комнаты и закричал:

— Нас окружили, спускайтесь вниз!

Дема сшиб его с ног и дал несколько выстрелов в конец коридора.

Потом они с солдатом заскочили в крайнюю ком-

нату. Там два городских притаились за пулеметом, выставленным в окне.

— Руки вверх! — грозно крикнул солдат.

Городовые обернулись и, увидев направленное на них дуло винтовки, подняли руки.

Дема подбежал к пулемету, столкнул его на улицу и, высунувшись из окна, замахал шапкой.

Снизу донеслось «ура».

Вскоре все коридоры заполнились народом. Восставшие ловили полицейских, разбивали шкафы, выбрасывали из столов бумаги, топтали и рвали царские портреты.

— Ну, хлопцы, нам тут больше делать нечего, — сказал солдат. — Пошли дальше.

Дема подхватил валявшуюся на полу винтовку, наполнил карманы патронами и выбежал на улицу.

* * *

Вася Кокорев попал к Александро-Невской лавре, где железнодорожники вместе с солдатами громили полицейский участок. Здесь ему пришлось пустить в ход свою кувалду, чтобы сбить царский герб — медного двуглавого орла, красовавшегося над входом.

Потом он побывал и на Забалканском проспекте и на Гороховой улице, и у пылавшей после штурма Литовской тюрьмы, но нигде не мог добыть себе винтовки. Только поздно вечером у Поцелуева моста Кокорев увидел небольшую толпу у грузовой машины. Издали ему показалось, что солдаты раздают грузчикам подковы. Но когда Вася подошел ближе, понял, что это не подковы, а небольшие плоские пистолеты.

— Браунинг, — сказал студент, разглядывавший полученный пистолет.

Кокорев немедленно подбежал к машине и протянул обе руки.

— Мне дайте... для путиловцев, — попросил он.

Солдат ему подал три браунинга и пачку патронов.

Засунув увесистые пистолеты за ремень, а патроны — в карман куртки, Вася еще раз подошел к грузовику и выставил перед другим солдатом снятую с головы шапку. Тот всыпал в нее горсть патронов и бросил небольшой браунинг.

Добыв столько оружия, Кокорев решил вернуться к себе за Нарвскую заставу.

Трамваи не ходили. В темных улицах слышалась беспорядочная стрельба, колыхались багровые отсветы пожарниц.

На всякий случай Вася зарядил один из пистолетов и, держа его в руке, пошел к Никольскому рынку.

У Английского проспекта навстречу выскочили два конника.

— Стой! Куда идешь? — крикнул первый.

Это были городовые. Вася разглядел их круглые шапки и башлыки. Он хотел шмыгнуть в узкий переулочек, но конники поскакали ему наперерез. Тогда Кокорев вскинул руку и нажал на спусковой крючок браунинга...

Один за другим прогремели семь выстрелов. Вспышки ослепили молодого путиловца. Он не ожидал, что его пистолет без задержки выпустит столько пуль.

Напуганные городовые повернули коней и во весь опор поскакали в сторону.

«Вот это оружие! — подумал потрясенный Василий. — Ну, теперь не подходи к нашим ребятам!»

* * *

Впервые за все годы борьбы большевики сходились на партийное собрание, не таясь, не пробираясь глухими переулками, не пряча лиц в поднятые воротники и под низко надвинутые на глаза кепки. Они шли открыто и смело переступали порог, не рискуя наткнуться на засаду.

Путиловские большевики собирались в самом людном месте — в проходной конторе завода. У входа за столиком сидели два старых подпольщика;

одних они пропускали молча, а других останавливали и спрашивали:

— Большевик?

— Большевик, — отвечал входивший, называл свою фамилию и партийную кличку.

Путиловцы усаживались на стулья, стоявшие у голых конторских столов, расстегивали куртки, полушубки, утирали лбы, вытаскивали кисеты и закуривали. От некоторых пахло порохом и дымом; совсем еще недавно они сражались на улицах. Их обветренные лица потемнели, обросли бородами, — в дни боев некогда было бриться, — а глаза горячо светились, в них не успело остыть возбуждение рукопашных схваток и бурных митингов на площадях.

Недавних бойцов встречали веселыми взглядами:

— Жив, Семеныч? А я думал, что тебя тот толстый городской насмерть пристукнул.

— Кишка тонка! — отшучивался пострадавший. — Но ты вовремя его по затылку огрел. Если по честному признаться, так до сих пор шею не могу повернуть. Вот ведь боров!

— Сергей, куда ж красота твоя подевалась? Половина уса обгорела, жена любить не будет.

— Да ну их, этих гаванских! Мы надумали дымом полицейских выкурить. А какой-то чужак бензину плеснул... Сам подпалился и меня зацепило. Без усов теперь придется ходить.

Путиловцы балагурили и при этом курили так, что махорочный дым волнами колыхался под потолком.

Стрелка конторских часов показывала уже седьмой час, а большевиков собралось немного.

— Что-то маловато наших.

— Да-а, не очень много осталось, — заметил старый литейщик. — Потеряли многих, в одном тринадцатом году человек пятьдесят в тюрьму попало. Потом — кого на фронт, кого в ссылку...

— А другого на кладбище, — перебил его глуховатый котельщик. — Помните Георгия Шкапина? Ну,

того, что стихи писал? Так он в военном госпитале в позапрошлом году скончался.

— Где теперь Митя Апельсинчик? Тоже приметный парень был — румяный, веселый. Ему жандарм из револьвера в ногу угодил. И нам с тобой, Антон, чуть тогда не попало. Не забыл собрания за прудом на Резерве?

— Как же! Еще старика Костюкова взяли, а мы с тобой по Корабельной во все лопатки удирали.

И пошли воспоминания. Где только не встречались путиловцы! Боясь собираться в домах, чтобы не попасть в засаду, они сходились под открытым небом у деревни Волынка, на Лаутровой даче, на водопаде речки Лиговки, в Паташевском и Шереметьевском лесах. Ни слежка, ни аресты, ни ссылка не могли остановить их.

В контору вошел Савелий Матвеевич. Он привел Васю Кокорева и Дему Рыкунова.

— Большевиками желают быть, — сказал он. — Разрешите им присутствовать на собрании? Ручаюсь за обоих.

— Хорошее пополнение! — разглядывая парней, отметил один из стариков. — Спасибо, Савелий Матвеевич. Только вот... не молоды ли?

— Да вроде созрели. На деле проверены. Ум, как говорится, бороды не ждет.

Глава одиннадцатая

В МОРСКОЙ КРЕПОСТИ

Виталий Аверкин со своей группой действовал осторожно и хитро, как советовал брат. Тайные агенты не вышибали дверей и не взламывали решетки на окнах, они только выкриками подогревали озлобленную толпу, доставали ломы, топоры, горючее.

Врываясь в помещения вместе с толпой, сообщники Аверкина находили заранее приготовленные бутылки с бензином, разбивали их о стеллажи, о

стены, да так, чтобы горячее попало на папки с делами. Пламя в несколько минут охватывало все этажи. Люди едва успевали выскакать на улицу.

К зданию судебных установлений с грохотом и звоном примчались пожарники в медных касках, но толпа не дала им загасить пожар.

На другой день утром Виталий получил от брата пухлый конверт с деньгами. Всеволод был доволен.

— Чисто сделано, — похвалил он. — Многие газеты сваливают вину на обезумевшую толпу. Наш шеф поручает то же самое проделать в Кронштадте. Если местные агенты растеряются и замешкаются, ваше дело — любыми путями, вплоть до взрыва, уничтожить архивы охранного отделения. Выезжать надо немедленно. На сборы полчаса.

Собрать агентов было нетрудно, они все сидели в соседнем трактире и ждали обещанных денег. Виталий выдал им по сто рублей, а все остальное оставил себе.

В фырчавшем казенном автомобиле они доехали по приморской дороге до Лисьего Носа, а оттуда по льду, мимо фортов, переправились в Кронштадт.

В крепости внешне все было спокойно: матросы и солдаты строем возвращались с занятий в казармы, на перекрестках стояли усатые городовые и никто их не трогал. Но в отделении охраны все были настороже: от агентов то и дело поступали тревожные донесения.

На острове Котлин уже бастовали рабочие Пароходного завода. Забастовщики утром пришли к генерал-губернатору крепости адмиралу Вирену и потребовали введения новых порядков в Кронштадте. Адмирал накричал на судостроителей и приказал им завтра утром собраться на Якорной площади.

«С забастовщиками адмиралу справиться, конечно, будет нетрудно, — думал Аверкин. — Но как он удержит солдат и матросов, возбужденных слухами, проникающими из Питера?»

Один из осведомителей охраны донес, что вчера вечером в чайной на Козьем болоте матросы сговаривались с солдатами о совместном вооруженном

выступлении. На какой день они его назначили, осведомитель не знал.

Аверкин помог кронштадтским агентам расставить бутылки с горючим в таких местах, чтобы пламя одновременно охватило здание со всех сторон, и ждал новых донесений агентуры, разосланной по всему городу.

Перед ужином стало известно, что адмирал Вирен собирал у себя старших офицеров и, выяснив, что кронштадтский гарнизон не надежен, приказал вооружить моряков-новобранцев. Эти парни, призванные поздней осенью на флот со всех концов России, еще не плавали на кораблях и не успели сплотиться, как старослужащие. Молодых матросов в экипаже держали строго: с первых же дней всех наголо остригли, ленточки на бескозырки не выдавали и за ворота даже по воскресеньям без строя не выпускали. Целые дни парней гоняли по плацу, обучая поворачиваться, ходить шеренгой, перестраиваться и отдавать честь высшим чинам. Оторванные от всего, что творилось в стране, запуганные свирепым режимом флотского экипажа и строгостями военного времени, молодые матросы боялись фельдфебелей и были послушны офицерам. Батальоны новобранцев годились для подавления волнений.

Уже начало темнеть. Поужинав, Аверкин досадовал: «Зря нас прислали в Кронштадт. В крепости не будет того, что в Петрограде. Стоит только адмиралу зыкнуть, как все здесь уляжется. Архивы надо просто подпалить, будто произошел обычный пожар. Он хотел было узнать у помощника начальника отделения, где можно устроиться на ночлег, а тот вдруг сказал ему:

— Выходите на улицу. Только что на вечерней проверке взбунтовались две роты учебно-минного отряда. Сейчас они расхватывают винтовки. Надо быть готовыми ко всему, потому что взбунтовался и Первый пехотный полк. Это, конечно, не без сговора, так как солдаты идут с оркестром к казармам учебно-минного отряда.

— Значит, пора? — спросил Аверкин.

— Н-нет, немножко повременим. Пусть выяснится, как поведут себя новобранцы.

Аверкин вышел на улицу. На углу стояли его сообщники, переодетые в матросскую форму. Они курили и вслушивались в явственно разносившуюся в морозном воздухе «Марьсельезу».

— Это оркестр Крепостного полка играет, — сказал один из агентов. — Идут к Первому Балтийскому экипажу.

— Может, уже пора? — спросил другой.

— Подождем. Лучше сходи разнюхай, как там... кто возьмет верх.

Отослав агента, Аверкин прислонился к фонарному столбу и продолжал вслушиваться.

Музыка оборвалась так же неожиданно, как и возникла. На какое-то время в Кронштадте все затихло. Потом послышались глухие удары по железу, гомон многих голосов и разрозненные выстрелы...

«Началось, — решил Аверкин. Он ждал частых залпов, но вместо стрельбы вдруг донеслось далекое «ура». — И новобранцы не спасли!»

Сыщик просигналил своим сообщникам, чтобы те готовились к поджогу.

Вернувшийся от казарм Первого Балтийского экипажа запыхавшийся агент рассказал:

— Все к чертям!... Новобранцам еще патроны раздавали, когда матросы ворота взломали... Офицеры принялись стрелять из окон канцелярии... Но тут выбежали во двор штрафники из переходящей роты, они закричали: «Мы с вами!» И все пошло кувырком.

Слушая агента, Аверкин заметил, как из здания охранки, словно крысы с тонущего корабля, стали выбегать на улицу сотрудники и скрываться во мгле.

Сыщик засунул два пальца в рот и, свистнув, со злобным озорством крикнул:

— Круши!... Подпаливай крысиное гнездо!

— Бей, не жалей! — подхватил его крик стоявший рядом агент и запустил камнем в окно.

Стекла со звоном посыпались на панель.

Агенты разбивали о стены бутылки с горючим,

поджигали паклю и втыкали ее в отдушины. Вскоре заплясали, запрыгали яркие языки огня... Здание запылало.

Убедясь, что такого пожара никто уже не загасит, Аверкин поглубже нахлобучил на глаза шапку и пошел к Петровскому парку.

К гавани, к вмерзшим в лед кораблям направлялись и восставшие. С ними шли уже два духовых оркестра. Гулко грохотали барабаны.

Моряки, служившие на кораблях, услышав в столь поздний час «Марсельезу», с криками «ура» стали покидать палубы тральщиков, миноносцев, крейсеров. Одни выбегали на пирсы, а другие прямо по льду устремлялись к берегу.

У Петровского парка произошло небывалое: солдаты и матросы, обычно враждовавшие между собой в дни увольнений, обнимались, поздравляли друг друга с победой. Сюда же стали сбегаться и рабочие паровозного завода.

— Пошли в манеж! — зычным голосом предложил невысокий человек в кожаной тужурке. — На митинг!

— На митинг! — подхватили матросы.

Аверкин вместе с ликующей толпой устремился к зданию морского манежа. По старой привычке его тянуло поглядеть: кто же будет верховодить восставшими. Ведь в Петрограде, наверное, спросят, что было в Кронштадте. А какой же он сыщик, если не сумеет увидеть самого главного!

В манеже столько набилось народу, что Аверкину не удалось протолкаться к возвышению, на которое поднимались ораторы. Он с трудом улавливал то, что они говорили.

— В Питере полиция перебита. И с царем будет покончено! — выкрикивал судостроитель в кожанке. — Вирен установил в подвале собора пулеметы, он хочет расправиться с нами на Якорной площади. Надо схватить его за глотку. Долой царскую собаку! Есть манифест выбирать Советы... Установим свою — рабочую, матросскую и солдатскую — власть. Кронштадт поддержит революцию!..

Потом, взмахивая шапкой и проглатывая слова, быстро заговорил белобрысый пехотинец. Из всей его бурной речи Аверкин разобрал лишь несколько фраз:

— Невмоготу... домой... За шкирку коменданта Куроша... Зверь-зверем... Кончать войну!..

Пехотинца сменил матрос в расстегнутом бушлате.

— Чего мы здесь стоим да митингуем, когда действовать надо? — загрохотал он густым басом. — Арестовать коменданта и Вирена, пока они не опомнились!..

— Верно! Пошли вылавливать царских псов! — поддержали матроса судостроители. — Тащи всех на Якорную площадь!..

Толпа двинулась к выходу. Людской поток подхватил и вынес на улицу и Аверкина.

— Кто к тюрьме?! Там наши товарищи томятся... Их надо выпустить! — кричал у входа бородатый матрос.

— За мной давай!.. К Вирену! — призывал другой.

— К Курошу!.. В комендатуру! — раздавались во тьме голоса.

Аверкин пошел с толпой, устремившейся к дому генерал-губернатора.

Улица, на которой жил Вирен, была хорошо освещена. У адмиральской парадной стоял городской. Увидев неожиданно появившуюся толпу, блюститель порядка поспешил навстречу.

— Стой! Куда?! — закричал он. — Здесь не положено ходить толпами. Осади назад!.. Разойдись!..

Кто-то из солдат ударил городского прикладом в грудь. Он ахнул и свалился под ноги. Толпа подошла к дому генерал-губернатора.

— Эй, где ты там, адмирал! Выходи... Не прячься!..

Минут через пять из парадной вышел взбешенный Вирен. Он был без шинели, в одном кителе, так как не собирався долго разговаривать с бунтов-

щиками. Заметив, что в толпе много солдат и матросов, адмирал побагровел и возмущенно рывкнул:

— Смир-рна!

Он был уверен, что «низшие чины» сейчас же вытянутся в струнку. Но грозная команда вызвала лишь смех.

Какой-то пожилой рабочий снял шапку, поклонился адмиралу и с наигранным смирением сказал:

— Покорнейше просим прощения, ваше превосходительство. Вы ведь велели завтра прийти на Якорную площадь? Вот оно «завтра» и наступило! Рановато, правда, да ничего не поделаешь, — невтерпеж: желательно послушать вас. Вы, кажется, нам встречу готовили? Так не будем ждать утра, пошли! Чего волынку тянуть.

От этих слов лицо Вирена стало мертвенно-бледным. Озираясь по сторонам, он ждал хоть какой-нибудь поддержки, но всюду натыкался на злобные взгляды. Поняв, что пощады не будет, грозный адмирал вдруг весь как-то съежился и стал жалким.

— Господа, граждане, я ведь за демократию... в душе всегда любил простой народ, — заговорил он изменившимся голосом. — Но мне по чину полагается быть строгим. Я готов служить революции...

— А для чего пулеметы на площади выставил? — оборвал его рабочий. — В любви, что ли, хотел объясниться? Свинцом погладить? Не юли! Знаем, как вы любите простой народ.

— Честное дворянское слово... Я готов установить новые порядки.

— Поздно, брат. Днем нужно было устанавливать. Пошли на Якорную площадь, народ ждет.

— Разрешите мне шинель надеть и... предупредить жену.

Аверкин понимал Вирена: тот стремился любыми путями вырваться из толпы и хоть на короткое время укрыться в доме. Генерал-губернатор еще надеялся на комендантские части. Его жена, конечно, успела позвонить вице-адмиралу Курошу.

— Не простудитесь, ваше превосходительство, —

заверил матрос в расстегнутом бушлате. — Жарко будет.

— И женку неча зря тревожить, — вставил солдат. — Пушдай генеральская шинелька ей на память останется. Пошли!

На Якорной площади, несмотря на то, что ночь была на исходе, собралось много народу. Сюда пришли и выпущенные из тюрьмы арестанты. Вирена поставили перед ними.

— Судите!

— Что будем делать с главным псом? — сняв шапку, спросил у толпы по-тюремному обритый матрос.

— Смерть горлопану!..

— На штыки его! — раздались голоса.

С Вирена сорвали золотые погоны с черными орлами и повели к краю глубокого рва. Аверкин хотел было проскочить следом, но возбужденные матросы оттеснили его.

Сыщику удалось лишь протолкнуться к возвышению у памятника адмиралу Макарову, но оттуда не слышно было, что говорят судьи, перечислявшие все преступления адмирала перед народом. Потом гулко загрохотали барабаны. Аверкин, решив, что сейчас грянет залп, невольно заткнул уши и зажмурился. Он так и не разобрал, были ли выстрелы, но когда открыл глаза, то увидел, как матросы на штыках подняли обвисшее тело адмирала и бросили в ров.

Содрогнувшись, сыщик подумал: «А ведь и меня могут так же на штыки... Надо скорее уезжать из Кронштадта, пока они не выставили свои кордоны». Его уже не интересовала судьба других, приведенных матросами на площадь, офицеров. Пробиваясь острым плечом, он перешел мостик и поспешил к Петровскому парку. Там под деревьями его ждали агенты.

— Где шофер? — спросил Аверкин.

— На углу Николаевской.

— Поехали! Мешкать больше нельзя, схватить могут.

НАКИПЬ РЕВОЛЮЦИИ

За Нарвской заставой никогда прежде, даже в дни получек, престольных праздников и забастовок, на улицах не было таклюдно и шумно, как в первые дни революции.

На домах колыхались флаги. По улицам, как в масляницу, звеня бубенцами, разъезжали финские санки — «вейки», — с развевающимися на дугах ленточками. Всюду слышался смех, музыка. В одном месте играл граммофон, вынесенный на улицу, в другом — гармоника, в третьем — шарманка. Солдаты маршировали по Петергофскому шоссе с барабанами и духовыми оркестрами.

Заборы, столбы и стены домов пестрели от множества воззваний, призывов, извещений и деклараций.

Весть о том, что царь Николай II отрекся от престола, взбудоражила все население Петрограда. Никому не сиделось дома, всех тянуло на улицу, в ликующую толпу.

У чайных и трактиров, у заводских проходных, а то просто под фонарными столбами возникали митинги, на которых безвестные ораторы выкрикивали восторженные слова о свободе и равенстве. Площадь у Нарвских ворот превратилась в районное вече. На трибуны, сколоченные из досок, беспрестанно поднимались ораторы разных групп, партий.

Одним хотелось республики с двумя палатами, как в Англии, другим — просто парламента с множеством партий, третьим — конституционного правительства, четвертым — рабочей власти.

— Долой всякие правительства! — кричали анархисты. — Они обуза и кандалы для свободного человека. Анархия сохранит нам свободу!

За Нарвской заставой по ночам опасно было показываться на улице. Полицейских не стало, а милиция еще не организовалась. Распоясались не только хулиганы, но и рабочие парни колобродили

всю ночь, задевали прохожих и горланили под гармошку песни.

— Свобода! — кричали они. — Что желаем, то и делаем!

Появились громилы и грабители. Они собирались в шайки, определяли, какие улицы находятся под их «контролем», вламывались в дома и брали все, что понравится. Некоторые даже заводили свои «порядки», облагали боязливых мещан данью, за водку и деньги выдавали ночные пропуска — обычные куски картона. Если у человека такого пропуска не оказывалось, то его на своей же улице могли избить, раздеть и голышом отпустить домой. В темных переулках почти каждую ночь слышались крики о помощи, стрельба, звон разбитых окон.

Вновь принятым в партию молодым путиловцам райком поручил открыть в бывшем трактире клуб рабочей молодежи. Комендантом клуба назначили двадцатитрехлетнего инвалида войны — однорукого Бориса Тулупина.

Тулупин повел парней осматривать помещение.

Дом оказался двухэтажным. Нижнее зало и комнаты были захламлены. Буфетную стойку, столы и стулья покрывала густая пыль. Обои пахли плесенью.

— Ежели уборку устроить да свежими обоями оклеить, то для читальни и библиотеки самое подходящее место, — сказал комендант.

Верхний этаж был менее запущен: в большой гостиной стояли диваны, кресла, а в отдельных кабинетах даже уцелели зеркала и аляповатые картины на запятнанных стенах. Тулупин определил:

— В этих комнатах кружки разместим. В гостиной лекции устраивать будем. А если потанцевать захочется, то можно и внизу и наверху.

Парни тут же договорились, кто станет чинить мебель и менять обои, кто соберет девушек, чтобы вымыть полы и окна, кто будет следить за тем, чтобы в клуб не попадали пьяные и хулиганы.

Наводить порядки взялись Дема Рыкунов и Вася Кокорев. Собрав парней, живущих в Чугунном переулке, они объяснили им, что придется делать в клубе.

— Оружие нам дадут? — поинтересовался Ваня Лютиков, худошавый жилистый парнишка, работавший клепальщиком на Путиловской верфи. — А то п-потом домой не п-пройдешь.

— Это верно, — поддержал его рыжеватый Шурьгин из паровозной мастерской. — Какие-то типы появились на Огородном. Вчера мою мамашу оставили, водки требовали.

— Не только водки... Ч-часы и д-деньги отнимают, — вставил словоохотливый Лютиков. — Вчера у с-соседки обручальное кольцо с-сняли... ч-чуть палец не вывернули.

— Турнуть их надо, — решительно предложил Дема.

— Попробуй. У них шп-шпалеры и бомбы. Все они из ш-шайки Ваньки Быка.

Ванька Бык стал знаменитостью за Нарвской заставой. Этот рослый пьяница и сквернослов прежде работал носакон на Гутуевском лесном складе. Но ему надоела тяжелая работа, и он перешел на легкие хлеба босяка: два — три дня добывал деньги, не брезгуя ничем, а неделю — пьянствовал и дебоширил.

В первые дни революции, собрав таких же босяков, каким был сам, Ванька Бык помогал рабочим громить полицейские участки. А потом, раздобыв своей банде военную форму и лошадей, якобы по приказу новых властей явился в управление Путиловских заводов, арестовал директора — генерала Дубницкого, — его помощников и под конвоем отправил в Таврический дворец. По пути босяки ограбили «арестованных» и голыми бросили в Обводный канал.

Жители окраины видели, как Ванька Бык возвращался на коне. Бросив поводья, он держал в руках генеральские сапоги и, бахвалясь, хлопал голенищем о голенище.

Вообразив себя героем революции, он решил, что

теперь все дозволено. По наводке своих собутыльников, самолично делал обыски в богатых домах, забирал ценные вещи и пропивал их.

Около Ваньки Быка вертелось много всякого сброда. Даже незнакомые ему любители легкой наживы надевали на себя солдатские шинели и действовали от его имени.

— А мы и Ваньку Быка не испугаемся, — сказал Дема. — Приходите к восьми часам, пойдем в обход.

В назначенное время парни собрались около Кокоревского дома. Дема и Вася взяли себе из хранившегося у них оружия по винтовке и браунингу, остальное роздали.

Все вместе они дошли до Новопроложенной улицы и послали на разведку Ваню Лютикова. Тот вернулся минут через десять и прерывистым голосом сообщил:

— Уж-же приехали... Лошадей к столбу привязали. Двое в ш-шинелях, третий — в простой одежде. При мне тетку остановили, документы потребовали.

— Как же нам их турнуть? — задумался Дема. — Вот что... ты, Вася, с кем-нибудь шагай прямо к ним и заводи разговор, — предложил он. — Я с двумя пойду в обход, а остальные — незаметно подкрадывайтесь... Только раньше времени не показываться. Я свистну, когда понадобится.

Отдав винтовку парням, Вася поставил браунинг на боевой взвод, запихал его за ремень, застегнул куртку и вместе с Лютиковым не спеша пошел к Огородному переулку.

Едва они миновали первые дома, как от крыльца бакалейной лавчонки послышался пропитой бас:

— Чуваков! Заснул, что ли? .. Проверь — какие там ходят в запрещенное время?

От забора отделился долговязый детина в короткой шинели без хлястика. Он приблизился к парням почти вплотную, тусклым электрическим фонариком осветил их лица и, распространяя запах денатурата, громко доложил:

— Так что... Шмендрики какие-то!

— Дай по шеям, чтоб не шлялись здесь! — донеслось от крыльца, где рдели, то разгораясь, то затухая, два папиросных огонька.

Прежде чем выполнить приказание, детина спросил:

— Папиросы есть?

— Есть, да не про вашу ч-честь, — ответил Лютиков.

— Чего? — изумился детина, не ожидавший от щуплого паренька такого ответа. — А ну, выворачивай карманы! — рявкнул он.

— У меня в кармане в-вот такая б-блеха на аркане, — невозмутимо продолжал Лютиков, вытаскивая браунинг. — Она к-кусается.

Детина, опасливо глядя на пистолет, отступил к забору.

— Не балуй! — дрогнувшим голосом сказал он и, не поворачивая головы, крикнул своим: — Они тут со шпалером!

— Что там еще!? — недовольно произнес бас.

Вася, увидев, что с крыльца прыгнули два человека, тоже вытащил пистолет и предупредил:

— Не приближаться!

Подошедшие остановились рядом с детиной.

— Сейчас как грохну гранатой, пыль от них останется, — с наигранной бойкостью сказал молчавший до этого грабитель в длинной кавалерийской шинели.

— А ну, посвети: что тут за субчики? — басом приказал второй, одетый в кожанку.

Мутный луч фонарика вновь заскользил по путиловским парням. Убедившись, что в руках у них не пугачи, а увесистые браунинги, грабитель воскликнул дружелюбно:

— Никак на своих напоролись?! Просим пардону. Но вот этот и те переулочки — наши. Заявочка по всей форме; и Ваньке Быку и всей шатии известно, что мы тут буржуя перетряхиваем.

— Какого буржуя? Где вы тут буржуев нашли? — спросил Вася.

— В общем находим и реквизируем по закону:

грабим только награбленное. А вас просим другую улицу поискать, иначе не ручаюсь... помощнички у меня шибко нервные.

— А ну, убирайтесь отсюда, да поживей!

— Кто вы такие, чтоб приказывать?!

— Рабочий патруль.

— Новые городовые, что ли?

— Кто бы мы ни были, а грабить не позволим.

— Чего?.. А ну, дай, я их шугну гранатой. —

Грабитель в длинной шинели отвел руку, словно собираясь что-то бросить, и выкрикнул: — Тикай, пока не кинул!

В то же мгновение позади послышался строгий голос:

— Не шевелиться! Стреляем без предупреждения.

Это был Дема со своими ребятами. Из темноты показались и другие. Поняв, что бежать некуда, грабитель изменил тон:

— Не бойтесь, я шутю!

— Зато мы не шутим, — сказал Дема и, подойдя вплотную, потребовал: — Покажи, что у тебя?

В руке у грабителя оказалась пустая бутылка из-под денатурата. Отдавая ее Рыкунову, он сказал:

— Не сумлевайся, молоко от бешеной коровы было.

— Выкладывайте все, что награбили.

— Да мы всегда делились... не жадные. Только бы Ванька Бык не обиделся. Ему с нас доля полагается. Если кому жить охота, лучше не впутывайся.

— Не пугай, не страшно. И вашего Ваньку Быка в оборот возьмем. Обыщите их, — сказал Дема своим парням.

Грабители словно по уговору отступили назад и прижались к забору.

— Не подходи! Кровь пустим, — пригрозил бастистый. В руке у него появился револьвер. — Сами все выкинем, но вы помните... встретимся еще на узкой дорожке.

И он начал выбрасывать из карманов на снег отнятое у прохожих. Другие тоже вывернули карманы.

— Ну, а теперь забирай коней — и марш отсюда! — приказал Дема. — И предупредите всех ваших: если еще кого на воровстве поймает, — худо будет!

Грабители торопливо отвязали коней и, вскочив на них, пригрозили:

— Это вам не забудется!

И ускакали по Петергофскому шоссе.

Глава тридцатая

ПИСЬМА

В воскресенье Катя Алешина весь день просидела дома с раскрытой книжкой и вслушивалась, не раздастся ли стук в окно.

«Забыли, наверное? — думалось ей. — А может, стесняются, стоят где-нибудь на улице и ждут».

Накинув на голову платок и надев пальто, она вышла за ворота. Улица была пустынной.

«Их, наверное, через мост не пустили, — решила Катя. — Неужели не догадались по льду пройти? Впрочем, почему они должны рваться сюда, рискуя жизнью? Только потому, что я их жду? Наташа права, — сегодня парням не до свиданий. Да и кому захочется такую даль идти пешком! Трамвай, кажется, совсем не ходят...»

И все же она ждала, надеясь, что Вася Кокорев пробьется к ней через все преграды.

«Они, наверное, сражаются с полицией, — принялась она убеждать себя. — Но когда же мы теперь встретимся? Он может прийти и не застать меня дома. Надо назначить новый день. Но как? Очень просто — написать письмо, не признаваясь, конечно, ни в чем. Но, куда послать? Я же не знаю адреса! .. Прямо на завод, — решила Катя. — Они говорили, что работают в кузнице».

Она вернулась домой и написала несколько строк:

«Вася и Дема! Нас снедает любопытство: как

вам удалось улизнуть от долговязого? Если пожелаете рассказать, то в четверг и в воскресенье после семи вечера я буду дома.

Желаю Вам успехов,
жму руки. Катя».

Она в тот же вечер отправила письмо. А позже спохватилась: «Зачем же я это сделала? Не покажусь ли навязчивой? Ой, как нехорошо получилось. Ну и пусть! — рассердилась девушка. — Если он про меня дурное подумает, — не нужен мне такой, обойдусь и без него».

Все же в четверг она пришла домой раньше обычного и до десяти часов ждала. Парни не пришли. Катя огорчилась: «Больше ни слова не напишу. Я и так поставила себя в унижительное положение».

От обиды девушке хотелось плакать, но она, стиснув зубы, приказала себе: «Не смей, не распускаться!»

Чтобы больше не думать о Кокореве, Катя достала из комода письмо отца, которое не раз перечитывала, когда бывало трудно.

«Отсюда, милая, не убежишь, — писал отец. — В одну сторону — тайга на сотни верст, в другую — куда ни кинешь глазом — бесконечная, безлюдная тундра. Скоро выпадет снег и начнется долгая ночь. Но мы сейчас рады холодам. Они избавили нас от комаров и гнуса, которых в здешних местах — тучи. От проклятой мошкеры нет спасения ни под сеткой, ни в домах, ни около дымокурных горшков, в которых сжигают лежалые листья и навоз. Мошкеры злей волков!

А морозы здесь крепкие — доходят до шестидесяти градусов. Попробуй согрейся, когда у тебя нет толстенный дом, а холодная пристройка, и вместо большой печи — склепанная из старой жести печурка. Сколько в нее не накладывай дров — тепла не будет, все выдует.

Многих ссыльных страшит зима. Население вокруг бедное — у местных жителей ничего не заработаешь и не купишь. Устраивайся, как сумеешь, почти

все добывай сам. Я уже наловчился изготавливать охотничьи и рыболовные снасти. В прошлую зиму в прорубях наловил столько рыбы, что нам на трсих ее хватило до весны.

На охоту и заготовку дров времени уходит много, но я все же успеваю учиться. Товарищи, которые пограмотней, помогают мне. А как ты, моя доченька? Поступила ли в воскресную школу?

Не поддавайся нужде, обязательно учись! И береги свое здоровье. Выберитесь вы куда-нибудь из этого проклятого подвала. Как жалко, что мне здесь негде заработать копейки.

Ходят слухи, что ссыльных стали забирать в солдаты. Неважны, значит, дела у Николки, если от нас защиты ждет. Мы ему, конечно, поможем — как же! С винтовкой в руках легче разговаривать.

Не унывай, дочка, держись, скоро увидимся!»

— Хорошо, отец, — вслух сказала Катя, — буду такой же, как ты. Я дождусь тебя!

* * *

Только две недели молчал гудок Путиловского завода. И вот рано утром вновь загудел, призывая рабочих к стапелям, печам, станкам, верстакам и горнам.

— Слава тебе, господи! — перекрестилась Степанида Игнатьевна и принялась тормошить внука: — Вставай, Васек, вставай! Наш гудит!

Пока Вася мылся, бабушка поставила на стол стакан дымящегося чаю и положила рядом кусок белой солдатской галеты и сбереженный для такого торжественного утра осколочек сахара.

— Другие хоть отдохнули за эти дни, — наблюдая, как внук пьет чай «вприкуску», сказала Игнатьевна. — А ведь тебя с Демой дома не удержишь. Люди спят, а вы до утра колобродите.

— Мы же не по гулянкам ходим.

— Да лучше бы веселились, чем с посадскими связываться. А то лежишь здесь и тревожишься, как бы ножом кто не пырнул.

Вася налил второй стакан чаю, но допить не успел: с улицы послышался знакомый стук в стену.

— Вон дружку твоему не терпится! Хоть бы поесть-то спокойно дал.

Вася не стал слушать воркотню бабушки. Отодвинув недопитый чай, он схватил шапку, куртку и, на ходу одеваясь, выскочил на улицу.

Дема ждал его с хмурым видом.

— С отцом поругался, — сказал он. — В драку лезет. Не смей, говорит, против Ваньки Быка. Еще чего доброго дом из-за тебя спалят.

— И бабка моя ворчит. Не обращай внимания.

— Она у тебя по-иному. А ему церковники в уши жужжат. Если отец узнает, что я в партию вступил — изувечит. Видно, мне придется, как Фильке, из дому уходить.

В мастерской было холодно и неудобно. Савелий Матвеевич сидел на корточках у наковальни и подсчитывал заготовки.

— Раздувайте горн, — велел он парням. — Живые деньги валяются. Старый заказ еще не сдан, восьми поковок не хватает. До обеда закончим.

Дема с Васей принесли древесного угля, коксу и принялись раздувать горн. Вскоре железные болванки, уложенные полукругом, стали нагреваться.

Большинство рабочих слонялись по цеху без дела. Работу им мог дать лишь мастер, а он почему-то не появлялся.

— Вот ведь шкура, — сказал пожилой кузнец. — Простому человеку никогда не сочувствует. О своей корысти только думает. На работу нанимаешься — взятку давай. Заказ хочешь выгодней получить — тоже сунь. И в именины подарок неси, иначе страдаешься, рубливки в день не заработаешь.

— На тачке вывезти такого! Нечего на него смотреть!

Когда появился мастер, возмущенные рабочие вылили на взяточника ведро мазута, толкнули в тачку и вывезли за ворота.

Мастера в старокузнечном цеху заменил шестидесятилетний Никифор Белолед. Ему взялся помо-

гать Савелий Матвеевич. Они оба прошли в конторку и не спеша вместе с учетчиком стали разбираться в накопившихся бумагах.

Минут через двадцать—тридцать к парням, заманчивавшим заказ, подбежал мальчишка-разносчик и крикнул:

— Кокорева в конторку!

Полагая, что Савелий Матвеевич сейчас заставит писать какие-нибудь наряды, Вася снял рукавицы и нехотя поплелся.

В конторке Савелий Матвеевич, взяв со стола конверт, строго взглянул поверх очков на Кокорева и спросил:

— Кто же это тебе на завод пишет?

— Не знаю... никогда не писали.

Неумело распечатав конверт, юноша развернул письмо и, увидев на нем Катину подпись, смущенно покраснел.

— Это с Выборгской, — сказал он. — Мы на митинге у них выступали.

— Благодарят, что ли? — поинтересовался Савелий Матвеевич. — А ну, покажи.

Вася еще больше смутился.

— Да нет, одна девушка... она нас на конфетную фабрику водила.

Савелий Матвеевич укоризненно покачал головой.

— Хороши! Едут по серьезному делу, а в голове только свое: как бы девушек захороводить.

Вечером парни поехали на Выборгскую сторону. Кокорев быстро отыскал Катин дом; вдвоем они вошли во двор, но постучать в подвальное окно не решались.

— А вдруг не она здесь живет? — высказал сомнение Дема.

— Как не она? Я хорошо помню, — возразил Вася.

— Ну, если помнишь, стучи.

— А может, действительно не она? — стал сомневаться и Кокорев. — Давай лучше войдем в квартиру, будто по делу, и письмо оставим.

— Ну что ж, пиши.

Пристроившись у высокой поленницы березовых плах, Вася принялся писать записку, а Дема со скучающим видом разглядывал двор.

За этим занятием их и застала Катя Алешина. Узнав парней, она растерянно остановилась и почувствовала, как жарко запылали щеки.

— Вы?! Вы как здесь очутились? — спросила она.

Парни тоже смутились.

— Мы пригласить вас хотели, — смущенно сказал Дема. — У нас в воскресенье клуб открывается. Придете?

— Спасибо, — поблагодарила девушка. — Но вы, может, подождете минутку? Я только с завода... вымыться не успела. Побудьте здесь; мы вместе к Наташе сходим.

Она сбежала по ступенькам вниз и скрылась за дверью.

Бросив на кровать пальто, Катя помчалась на кухню и, вернувшись с застрявшими бусинками воды на волосах, стала торопливо переодеваться.

— Куда ты, шальная? — спросила бабушка. — Все-то у вас спешка. Супу хоть поешь.

— Некогда, бабуля; потом.

Проворно натянув на себя праздничное шерстяное платье, хорошие чулки и туфли, Катя подбежала к зеркалу.

— Что-то ты посвежела нынче, разрумянилась. Лектриса прямо! — любясь внучкой, заметила бабушка. — Чего без нужды глазки в зеркало совать, женихов-то ведь нет?

— Найдутся, — весело заявила девушка. — Сами придут!

На бегу она чмокнула бабушку в щеку.

— Шальная... впрямь шальная!...

На улице Катя подхватила Васю и Дему под руки и зашагала с ними к райкому.

В другой день она, наверное, оставила бы парней у входа, а сама пошла бы к Наташе, но сегодня она осмелела и предложила:

— Идите первыми и официально пригласите на вечер. Ее величают Натальей Федоровной.

Вася и Дема прошли в комнату, где сидела Ершина. На столе у нее была груда брошюр, увязанных в пачки. Девушка писала на пакетах адреса.

— Вам кого? — спросила она, не узнавая путловцев.

— Мы к вам, — поклонившись, сказал Рыкунов. — Пришли пригласить вас на открытие Нарвского клуба.

— Это, наверное, не меня, вы ошиблись... Вам Женю Егорову?

— Нет, в точности вас, Наталия Федоровна.

— Ой, узнала! Думаю, где же я их видела? Вы ведь Катины знакомые?

Минут через десять Наташа освободилась. Запирая ящики стола и машинку, она сказала:

— Подождите меня у входа. Я мигом.

Вечер был мягким, безветренным. Падали редкие сухие снежинки. В сиянии уличного фонаря они роились, как ночные бабочки.

Вскоре на улицу выбежала Наташа. Несмотря на то, что девушка была в ботинках с высокими каблуками, она оказалась Деме по плечо. Васе подумалось, что Ершина не понравится его рослому другу. Но он ошибся, — резвость Наташи была по душе Рыкунову. Заспорив о чем-то, Наташа запустила в Дему снежком и бросилась бежать. Он помчался вдогонку, пытаясь поймать ее, но Ершина так ловко увертывалась, что он то и дело попадал в сугробы.

Вася с Катей молча шагали рядом.

— Если бы я не написала письма, вы бы сами не собрались прийти? — вдруг спросила девушка. — Да?

— Нет, я очень хотел, — возразил Вася. — Но с того воскресенья такое началось, что мы даже выспаться не успевали.

— А потом?

— Одному неудобно, а Дему насильно не потащишь.

— Почему же без него неудобно?

— Мы привыкли всюду бывать вместе.

— Но не всю жизнь вы будете только с Демой ходить! Впрочем, я вам завидую, — призналась Катя. — У меня не было такой подруги. Всем пришлось делиться только с отцом, потому что мать хоть и любит меня, но не понимает, а он был как товарищ, самый близкий... Мы даже уроки вместе готовили...

Она вспомнила, как помогала отцу учиться, как арестовали его.

— Вчера я получила радостную весть: отец уже на свободе. Правда, он попал на фронт, рискует в окопах жизнью, но может в любой день приехать.

— А я своего отца едва помню, — глядя во тьму, сказал юноша. — Лишь недавно узнал, что он был в боевой дружине. После пятого года отца поставили на тропе охранять маевку. Какой-то подлец выдал их. Конные городовые и казаки, побросав коней на шоссе, начали оцеплять лес. Отец их заметил, но поздно. Чтобы задержать казаков и предупредить своих об опасности, он укрылся за валуном и стал стрелять из «смитвессона». Наши заводские, услышав стрельбу, сразу же по кустам, по болоту — и домой. Думали, и он уйдет. А отец отстреливался до последнего патрона. Казаки так обозлились, что засекли его шашками. Полиция даже мертвого не отдала матери. Товарищи отца собрались на тропе и провели траурный митинг. Валун тот у них как бы памятником стал: каждый день на нем то цветы, то красные ленты появлялись. И полиция ничего не могла сделать. Посбрасывает, потопчет цветы, а они через день опять рдеют.

— И вы даже не знаете, где он похоронен?

— Нет. И валуна лесного мы с Демой в позапрошлом году не нашли. Его, видно, взорвали или разбили: вокруг валялись обломки. Мы их собрали в одно место, поставили шест с красным флажком и поклялись не оставлять друг друга в беде.

— А третий может к вам присоединиться? — спросила Катя.

— Смотря кто будет этот третий.
— Если это буду я?
— Да, — стиснув ее руку, ответил Вася. — Вас примем.

Девушка вдруг смутилась.

— Идем догонять их! — предложила она и побежала.

Они настигли Наташу с Демой и вчетвером дошли по Петроградской стороне до Троицкого моста. Там Ершина остановилась.

— На сегодня довольно, — сказала она. — Завтра всем рано вставать. Где же вы нас в воскресенье встретите?

— Ну, хотя бы у Нарвских ворот, — предложил Дема.

— Хорошо. Ждите в восемь.

Вася и Дема хотели проводить девушек домой, но те запротестовали.

— Вам и так далеко. Мы сами доберемся, вдвоем нам не страшно.

Глава четырнадцатая **ДОЛОЙ С ГОРИЗОНТА ЖИЗНИ**

В «Красном кабачке» гулял Ванька Бык со своей шатией. Вскоре сюда ввалилась новая ватага. Чумазый босяк в длинной кавалерийской шинели, выпив прямо у стойки стакан самогона, сдернул с головы шапку и обратился ко всем:

— Граждане, братишечки! Житья не стало, дышать невозможно. Да что ж это за жизнь распроклятая! — Босяк хлопнул шапкой об пол и каким-то слезливым, бабьим голосом начал жаловаться: — С Огородного турнули, с Ушаковской гонят... и на Нарвскую не сунься! Какая ж это свобода? Для того мы городских били, чтобы новые появились? Сегодня опять на нас напали. Чуваков чинно-благородно в ихний клуб хотел пройти, а ему у дверей говорят: «Стоп, пьяным нельзя». А какой он пьяный? Даже

не выпимши — каких-то два — три стакана. Я, конечно, заступаться. Так нас обоих схватили под руки, довели до угла, а там — коленкой под зад и грозятся: «Если еще явитесь, — в кутузку запрем». Да что ж это делается! Куда ты, Ваня, смотришь? Почему забижать своих даешь? Как городских бить, и босяки гожи! А гулять без нас?..

Из-за стола поднялся кряжистый Ванька Бык. Маленькие глаза его налились кровью и на толстой, сливающейся с плечами шее надулись жилы.

— Кто тебя не пустил? — грозно спросил он и так рванул ворот, что отскочившие пуговицы запрыгали по полу. — Кто такие?

— Да все те же, которые добычу на Огородном отняли.

— А ты пугнуть не мог? Сказал бы, что я велю.

— Говорено. А им хоть бы хны, — не боятся тебя. Мы, говорят, и Ваньку Быка утихомирим.

— Врешь!

— Вот те крест. Чувакова спроси.

— Верно, — отозвался тот. — Турнуть грозились.

— Ладно, будет языком трепать, — оборвал его Ванька Бык. — А ну, кто со мной в клуб догуливать?

Поднялось человек восемь. Роняя стулья, они ушли во двор к оседланным коням. В трактире остались только очень пьяные.

* * *

В Нарвский клуб молодежи съезжались гости. От обилия света и грохота духового оркестра входящие сразу веселели. Сдав пальто в гардероб, одни шли к буфету, а другие — в верхний зал занимать места.

Рыкунова и Кокорева часто вызывали к выходу. Там появлялись то скандальные безбилетники, то пьяные, которых нужно было утихомирить или выпроводить. Катя с Наташей скучали одни.

— Неудобно как-то получается, — сказал Вася. — Пригласили девушек, а сами бегаем.

— Верно, — согласился Дема. — Давай вот что делаем: ты занимай их, а я буду с нашими ребятами. А потом сменимся.

Они так и решили: Дема вышел со своими парнями на улицу, а Вася провел девушек наверх и усадил.

Торжественное заседание было коротким. Ораторы поздравили нарвцев с новым клубом, оркестр сыграл туш, и сразу же начался концерт.

Черноглазая курсистка с чувством декламировала отрывки из поэм Пушкина, Некрасова, а под конец прочла стихотворение путиловского поэта Георгия Шкапина, написанное им в тюрьме.

Шкапина знали многие путиловцы; он работал на заводе котельным разметчиком, поэтому курсистке долго хлопали.

Потом выступили две певицы из хора Екатерингофского сада. Они дуэтом спели «Чайку» и «Умер бедняга в больнице военной». Песня вызвала у солдаток слезы.

Вася заметил, что и у Кати глаза повлажнели: «Вспомнила отца». Он сочувственно сжал девушке руку. Она не отняла ее, а доверчиво оставила в его ладони.

После концерта начались танцы и игры. Пожилые люди стали расходиться.

— Где же ваш Дема? — поинтересовалась Наташа. — Пригласил, а сам исчез.

— Он дежурит сегодня. Но я его сейчас пришло, — пообещал Вася. — Потанцуйте пока без нас.

Он спустился вниз и, разыскав Рыкунова, сказал:

— Наташа там скучает. Иди, я подежурю.

Дема хотел уже было передать ему красную нарукавную повязку, но, сообразив, что теперь Катя останется одна, передумал.

— А может, вместе погуляем? — спросил он. — Наверное, уже никто ломиться не будет. А если случится что, ребята и без нас управятся.

— Конечно, — с готовностью согласился Вася.

Отдав Демину тужурку и шапку в гардеробную,

юноши поднялись в верхний зал. Оркестр играл «тустеп». Катя танцевала с Наташей.

После «тустепа» затеяли игру «два мало — три много». Наташа, догоняя замешкавшегося Дему, с таким усердием хлестала по его широким плечам, что юноша невольно подумал: «Не сердится ли она на меня?» Позже, когда они оказались в одной паре, он спросил:

— Наташа, за что вы меня так отстегали?

Девушка лукаво ответила:

— Чтобы не пропадали надолго.

Начался новый, веселый и шумный танец «ойра-ойра». Дема с Васей не раз видели, как танцуют его, поэтому они пригласили девушек. Танец оказался не трудным, они быстро с ним освоились.

И вот в самый разгар веселья снизу вдруг послышался женский визг.

Вскоре на лестнице показался растерянный дежурный и жестами подозвал Дему и Васю.

— Там Ванька Бык... Лютикова по голове ударили и ворвались сюда, — сообщил он. — Сейчас они уселись в буфете и требуют лимонаду. Видно, водку с собой принесли.

— Сколько их?

— Семеро.

— Справимся, — сказал Дема. — Надо только как-нибудь девчат выпустить на улицу.

Наверх поднялся и встревоженный Борис Тулупин.

— Надо без скандала закрыть вечер, — сказал он. — А то наш клуб с первого дня дурную славу получит. Потом сюда и калачом людей не заманишь. Пусть дежурный скажет в буфете, чтобы им лимонад подали. А я прощальный вальс закажу. Начнем выпускать гостей с черного хода. Вы только парней предупредите.

— Ладно, — согласился Дема. — Я сейчас пойду ребят собирать, а ты, Вася, проводи Наташу с Катей до трамвая и быстрее назад.

Они так и сделали. Оркестр заиграл «Осенний сон». Пары закружились в плавном вальсе.

Вася Кокорев сходил в гардеробную, оделся и принес девушкам пальто. Через запасный ход они спустились во двор, прошли под арку ворот и очутились в темном переулке.

Чтобы не провалиться в яму и не наткнуться на что-нибудь в темноте, они шли, держась за руки. Впереди у забора девушки вдруг заметили какие-то колышущиеся тени.

— Что это там? — придерживая Васю, испуганно спросила Наташа. Катя тоже остановилась и прижалась к нему.

Напрягая зрение, Кокорев стал вглядываться во мглу. Уловив едва слышное позвякивание уздечки и характерное пофыркивание, он сказал:

— Не бойтесь, это лошади к забору привязаны.

Проводив девушек до трамвайного кольца, Вася спросил:

— Когда мы снова увидимся?

— Приходите с Демой в субботу прямо ко мне, — предложила Катя.

— А я постараюсь билеты куда-нибудь добыть, — пообещала Наташа, проходя в вагон.

Катя на секунду задержалась на площадке и шепнула:

— Если Дема не сможет, приезжай один.

— Приеду, — ответил он.

Когда Кокорев вернулся в клуб, в гардеробной уже одевались последние пары. И вдруг Ванька Бык это заметил. Он вскочил, откинул стул в сторону и, подойдя к двери, спросил:

— А куда это все барышни уходят? Мне танцевать желательно. А ну, где там оркестр?! Играй «барыню», я за все заплачу!

К Ваньке подошел Дема Рыкунов и твердо сказал:

— Клуб уже закрывается... оркестр играть кончил. Вам тоже пора уходить.

— Чего? А ты здесь кто такой?! — уставив пьяные глаза на путиловца, заорал громила. — Нынешний городской, да?! Так мы били вас и будем бить. Чуваков! Этот тебя не пустил? Дай ему по зубам.

Клуб уже покидали музыканты. Оттолкнув Рыкунова, Ванька Бык ринулся к двери и преградил им путь:

— Стой, не пушу! Играйте по моему заказу! Скидывай пальтухи, говорю, и струмент вытаскивай. А ну, принимай по одному! — крикнул он своим босякам и, хватая музыкантов, начал швырять их в другой конец зала.

Дема Рыкунов подал сигнал ребятам, желая прекратить безобразие, но Тулупин остановил его:

— погоди, пусть девчата уйдут, — сказал он. — С Ванькой Быком надо раз и навсегда кончить.

Выпустив оставшихся гостей через черный ход, путиловцы сошлись наверху и стали обдумывать, как обезвредить громил.

— Я бы их разделил, — предложил Кокорев. — За углом стоят оседланные лошади. Если кто-нибудь крикнет, что коней угоняют, громилы повыскакивают на улицу. Их там по одному схватить можно.

— Верно, молодец, — похвалил комендант. — Иди расставь ребят на улице, а мы здесь навалимся. Надо сделать так, чтобы они оружие не успели вытащить.

Вася Кокорев, отобрав нужных ему ребят, вывел их черным ходом на улицу и спросил:

— Кто умеет верхом ездить?

— Я... Я, — отозвалось несколько голосов.

— Мне двух хватит. Вот ты... и ты, — указал он на самых ловких парней. — Отвяжите коней и во весь опор гоните мимо клуба. — Ты, — ткнул он пальцем в низкорослого паренька, — вбежишь в клуб и крикнешь: «Коней угоняют, скорей на улицу!» Когда они побегут, — ножку подставляй, пусть кубарем вылетают. А вы, — обратился Кокорев к остальным, — глушите чем попало и руки скручивайте...

Из клуба на улицу стали доноситься нестройные звуки оркестра и грохот тяжелых сапог. Пьяная вагата принудила музыкантов играть «барыню».

Ваньке Быку приглянулась молодая буфетчица. Отплясывая перед буфетной стойкой, он после каждого коленца топал ногой и делал пригласительный

жест: «Выходи-де в круг, красавица!» Буфетчица, не зная, как ей быть, испуганно поглядывала на путиловцев. А те, прихлопывая в ладоши, постепенно охватывали танцующих тесным полукругом.

Неожиданно с улицы вбежал парнишка. Оставив дверь открытой, он пронзительным голосом выкрикнул:

— Коней угоняют!

Оркестр, словно поперхнувшись, умолк. С улицы донесся цокот копыт.

— Лови... Стреляй по ним! — завопил Ванька Бык.

Путиловцы расступились, пропустили трех громил на улицу и, вновь сомкнув полукруг, навалились на Ваньку Быка, на его сообщников и принялись вязать их.

* * *

Рано утром молодые путиловцы привели Ваньку Быка на свой завод и поставили к забору на «дворянскую панель». Эта панель так называлась потому, что по ней прежде ходили только заводское начальство и служащие конторы.

Рабочие разглядывали громилу и говорили:

— Попался, наконец... давно по тебе веревка плакала!

У «дворянской панели» скопилась немалая толпа пострадавших от банды Ваньки Быка.

— Порезал, бандюга, моего брата, — злобно говорил котельщик. — И соседа до полусмерти избил...

— Милые мои, это он... он, проклятый, Танюшку искалечил! — плача, выговаривала солдатка. — Не отпускайте, казните самой лютой смертью...

— Да, таким свобода во вред, — говорили многие. — Проходу от них не стало. Для острастки одного или двух повесить бы следовало!

Когда появились во дворе члены Нарвского Исполкома, все расступилось перед ними, а Ванька Бык, хмуро выслушивавший проклятия, вдруг вскинул голову и нагло спросил:

— В чем дело, товарищи? По какому такому праву меня на всенародный облай выставили?

— А по такому... что ты бандит и супостат жизни человеческой, — сказал старый литейщик.

— А не будь меня, так генерал Дубницкий до сих пор бы на вашей шее сидел. А кто городских бил? Кто революцию делал?!

— Ты себя к героям революции не причисляй. Тебе бы только погромить... рад любому случаю. Как накипь дурная, покрутился около революции и отошел шлаком. Такие, как ты, — хуже буржуя! Свободу опоганиваете.

— Эва! Значит, меня долой!? — ища поддержки, обиженно заговорил Ванька Бык. — Значит, я не я? Откинутый вроде? И свободы мне нет?

— Нет тебе ни свободы, ни прощения, — отозвался кто-то из толпы.

— Довольно на него время тратить, пора на работу, — сказал представитель Исполкома. — Поднимите руки... Кто за то, чтоб долой его с горизонта жизни?

Поднялось много рук.

— Та-ак, ясно, — оглядев толпу, сказал старый литейщик. — Будем требовать смертной казни.

Два рослых путиловца, схватив громилу за связанные руки, потащили к воротам, а он, отбиваясь, завопил:

— Братцы, да что же это?! Пощадите!..

Но сочувствия он ни у кого не вызвал.

Глава пятнадцатая

ВСТРЕЧАЙТЕ ЛЕНИНА

В конце марта из ссылки вернулась тетя Феня. Поздно вечером она пришла к Алешиным усталая и разочарованная.

— Как мы все рвались сюда! — сказала она Кате. — Многие на крышах ехали. Нас в теплушку набилось человек пятьдесят. Думали, что здесь

встретят с флагами и музыкой, а нас довели до тупика на товарной станции и говорят: «А ну, освобождайте вагоны!» Пошли мы по каким-то закоулкам, вышли на Лиговку. Гляжу — очереди длинные у пекарен, люди худые, ободранные детишки у прохожих хлеба просят. Но вот выходим на Невский и... глазам не верим. Свету много, витрины от хрусталя искрятся. Публика расфранченная. Автомобили, лихачи. В ресторанах музыка, офицерье сидит, женщины холеные... Как будто нет голодных и калек. Да была ли революция?

— Мы такие же вопросы задаем друг другу, — ответила Катя. — Почти все идет по-старому.

На ночь тетя Феня осталась в подвале. Катя уложила ее на свою постель, а сама легла с матерью.

Утром гостя с трудом поднялась. Она чувствовала себя разбитой.

— Здесь у вас не сон, а одно мученье, — сказала она. — Сам воздух душит, словно в тюремной камере.

День был воскресным. Выпив чашку чаю, тетя Феня немного взбодрилась и предложила Кате:

— Поедем со мной в Озерки. Если избушка цела, то вчетвером в ней поселимся.

Из ссылки тетя Феня приехала в валенках и нагольном полушубке, а в городе была оттепель. Катя отдала ей свои ботинки, а сама надела старенькие русские сапоги, оставшиеся у бабушки от деда. В Озерках к домику нельзя было подступиться. За зиму вокруг намело сугробы.

Проваливаясь чуть ли не по пояс в снег, Катя добралась до крыльца. Ни замка, ни сургучной печати. Дверь была чуть приоткрыта и висела на одной петле.

Переступив заснеженный порог, девушка из темных сенцов попала на кухню. Здесь было светло, но в окне не осталось ни одного целого стекла: осколки поблескивали на захламленном полу. Плиты кто-то разорил: чугунный верх снял, а кирпичи разворошил.

И в соседней комнате гулял ветер, колыхавший

обрывки заиндевевших обоев. Даже половицы были выдраны.

Тетя Феня, пробравшись к дому по Катиному следу, ахнула и прослезилась.

— Какие же мерзавцы это сделали?! Знают же, что не буржуи жили... все своим трудом нажито. И корысти-то на грош! Куда я теперь денусь?

— Живите у нас, — предложила Катя.

— Да ведь и у вас в подвале не житье. Надо нам подыскать что-то другое.

Дома их ждало письмо от отца. Оно пришло с Западного фронта. Дмитрий Андреевич поздравлял с революцией, сообщал, что он выбран в полковой комитет, и обещал скорую встречу.

* * *

Наступила пасха — старый церковный праздник. На пустырях и площадях столицы появились ларьки и палатки торговцев, ярко размалеванные карусели, шумные балаганы циркачей, заунывные шарманки продавцов «счастья».

Звонили колокола церквей, на домах висели красные флаги. Хмельные домовладельцы, чиновники и купцы, нацепив на себя пышные красные банты, целовались, поздравляли друг друга с «Христовым воскресением» и свободой.

А солдат и рабочих не радовал приближавшийся праздник. Одним предстояло отправляться на фронт, в окопы, а другим — работать на прежних хозяев.

В былые времена даже бедняки к «Христову воскресению» пекли куличи, готовили студни, творожные пасхи, красили яйца, но в этот раз в рабочих семьях праздник был скудным. Яйца и творог спекулянты продавали по неслыханным ценам, а белая мука совсем исчезла с рынка.

Катина бабушка, достав из сундука праздничный дедов пиджак и рубашку с васильками, вышитыми на воротнике, сходила на рынок, продала их и на вырученные деньги купила десяток яиц, немного

сахару и масла. Вытряхнув из всех мешочков муку, какая была в доме, она испекла два куличика: один себе, другой внукам.

Всю пасхальную ночь мать и бабушка простояли в церкви. Они вернулись домой на рассвете и разбудили Катю, чтобы разговеться с ней — съесть по куску кулича и по яйцу, окропленным «святой водой».

— Я не говею, — сказала Катя. — Мы не верим в бога.

— В кого же вы верите? — спросила бабушка.

— В свободу... в счастье на земле!

— Много вам дала ваша свобода! — ворчливо сказала мать. — У людей праздник, а мы, как нищие. Хоть ты бога не гневи, садись с бабушкой.

Чтобы не спорить с матерью, Катя села за стол, съела половину принесенного из церкви яичка и выпила чаю с куличом.

К обеду пришла тетя Феня. Она принесла пряников и бутылку красного вина. Забежала и Наташа. Обед был праздничным. Раскрасневшиеся от вина девушки смеялись без всякой причины, а потом спели с тетей Феней ее любимые песни о бедной швейке, о чайке, убитой охотником, и о сибирском бродяге.

В окно кто-то робко постучал. Катя отодвинула занавеску и в сгущавшихся сумерках разглядела улыбающиеся физиономии Демы и Васи. Открыв форточку, она сказала им:

— Подождите минутку, мы сейчас выйдем.

— Кто такие? — спросила тетя Феня.

— Путиловские ребята.

— Ого! Издалека пришли. Значит, не на шутку вы им приглянулись.

Чуть припудрив не в меру раскрасневшиеся щеки, девушки оделись и выбежали на улицу.

— Куда же мы пойдем? — спросила Наташа.

— Куда угодно, — ответили парни.

— Тогда на ярмарку, там весело, — сказала Катя.

Взявшись под руки и заняв почти всю мостовую,

они пошли к пустырю, где расположились балаганы и палатки торговцев. На ярмарке горели разноцветные фонари, играли гармошки, шелкали хлопушки, смешно выкрикивали «уди-уди» надувные свистульки.

Парни купили девушкам кулек орехов и уговорили для озорства прокатиться на каруселях. Дема с Васей сели на деревянных коней, а Катя с Наташей — в карету, расписанную петухами.

Кружась под звон бубенчиков и визгливую песню шарманки, парни дурачились — ловили грушу с призовым кольцом, а девушки, видя, как она ускользает от них, заливались хохотом.

Потом они побывали на танцах, в столовой завода «Парвиаинен», названной «Зимним садом», потому что в ней были две кадки с пальмами. Втроем пошли провожать Наташу к райкому. В этот вечер она заступала на дежурство.

— Приходите завтра, только пораньше, — сказала Катя, прощаясь. — Прямо к райкому. Сходим в кинематограф; я давно не была.

— Хорошо, — с готовностью отозвался Василий. — Часа в четыре ждите.

Но на другой день произошло такое событие, что девушки и не вспомнили о кинематографе. Когда Катя забежала в райком, она застала там растерянных дежурных. Звонили из Центрального Комитета партии: нужно было немедленно известить рабочих Выборгской стороны о том, что вечером из Финляндии приезжает Владимир Ильич Ленин. Но как это сделаешь, если заводы и фабрики не работают?

— Давайте напишем плакат и пойдем по улицам, — предложила Катя.

— Ты с ума сошла! — замахала на нее руками Наташа.

— А что, стыдно, по-твоему? Это же Ленин... понимаешь, Ленин едет!

Катя с такой горячностью принялась убеждать подругу, что той пришлось согласиться.

Девушки достали кумачовое полотнище и, написав на нем белилами: «Товарищи! Едет Ленин.

Встречайте», — прибили к длинным палкам и вышли с ним на улицу.

Сначала девушкам неловко было идти с плакатом посреди мостовой, но потом, когда к ним стали подбегать любопытные и спрашивать: «А кто такой Ленин? Откуда он?» — они расхрабрились и стали объяснять прохожим. И там, где Катя с Наташей останавливались, скапливалась толпа.

Появились два старика-рабочих, которые видели Ленина на тайной сходке и читали его статьи. Один из них, сказав небольшую речь, заверил присутствующих:

— Ну, теперь держись, буржуи! С Лениным мы своего добьемся.

Старики пошли вместе с девушками. На людных перекрестках они созывали людей и устраивали короткие митинги.

Кокорев и Рыкунов, которые ехали в трамвае с Нарвской заставы, были поражены, увидев с площади вагона у Медицинской Академии Катю и Наташу, окруженных людьми. Решив, что девушки попали в беду, юноши на ходу соскочили с трамвая и поспешили на выручку. Но тут они заметили плакат и прочли его.

— Вот это здóрово! — восхищенно произнес Дема. — Значит, Ленин теперь будет с нами?

— Ну, конечно. Молодцы, девчата, не трусили с плакатом выйти.

А девушки, заметив их, зарделись от смущения.

— Подождите нас около райкома, — шепнула Наташа Деме.

— А с вами разве нельзя? — спросил он.

— Отчего же... можно. Помогайте плакат нести.

Взяв у девушек плакат, путиловцы подняли его как можно выше и пошли впереди.

* * *

К Финляндскому вокзалу со всех окраин стекались рабочие.

Пришли матросы, солдаты, прибыл даже целый дивизион бронированных автомобилей.

Несмотря на поздний час и пронизывающий ветер с Невы, народу у вокзала скопилось столько, что не могли пройти трамваи. Они все остановились.

Багрово-красный свет факелов колебался на стенах зданий и сотнями огней отражался в стеклах окон.

Кокорев и Рыкунов с трудом пробились вместе с девушками на площадь. Они остановились около отряда вооруженных матросов и стали ждать.

Поезд прибыл только в начале двенадцатого. Но Ленин долго не показывался на площади.

— Не вышел ли он с той стороны? — заволновалась Наташа. — Здесь мы его не увидим.

Но вдруг впереди послышалось: — Ленин... вон Ленин идет!

Толпа заволновалась. За спинами матросов Наташа ничего не видела.

— Поднимите меня, — попросила она у Демы. — Хоть одним глазом взгляну.

Недолго раздумывая, Рыкунов подхватил Ершину и усадил себе на плечо. Разом охватив взором всю огромную площадь, заполненную народом, и броневик, над которым скрестились лучи прожекторов, Наташа в этом вздрагивающем бегучем свете разглядела коренастого человека с бородкой. «Ленин», — поняла она и замахала рукой.

Владимир Ильич стоял на башне боевой машины без шапки, в расстегнутом пальто. А площадь неистовствовала, приветствуя его.

— Сейчас он будет говорить, — сказала Наташа и хотела было спуститься вниз, но Дема удержал ее:

— Сидите, мне не тяжело.

Катя с Василием попытались протискаться поближе к броневикам, но их оттеснили матросы и солдаты, сбившиеся в плотные ряды.

Вскоре площадь затихла. Люди слушали Ленина; Наташа видела, как у рабочих и солдат, стоявших ближе к броневикам, загораются глаза, отражавшие искорки света прожекторов, и досадовала на ветер, мешавший улавливать полностью фразы.

— О чем он говорит? — поинтересовался Дема,

полагая, что Наташа, возвышаясь над всеми, слышит лучше.

— До меня не все доносится, — ответила девушка. — Сначала он поздравлял, а сейчас говорит, что войну надо кончать. . .

— Тише! — зашикали на них со всех сторон.

Наташа, боясь, что Деме тяжело, ухватила за его шею и спустилась вниз.

Речь Владимира Ильича была недолгой. Он закончил ее призывом:

— Да здравствует социалистическая революция!

Этот клич всколыхнул толпу. Да, да, нельзя оставлять буржуазию у власти: она не кончит войну, не даст земли крестьянам и будет по-прежнему тянуть соки из рабочих. Надо готовиться к новой революции!

Рабочие не только умом, но и сердцем почувствовали, что явился человек, который ясно видит дорогу в будущее и без страха поведет их на борьбу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГРОМ НАД НЕВОЙ

Глава шестнадцатая

ПРИШЛА ВЕСНА

Нева, в отличие от многих рек, имеет не один, а два ледохода. В начале весны она сбрасывает свой лед, а недели через две — три, при ярких лучах почти летнего солнца, гонит по синеве вод вереницы белоснежных хрустальных льдин, плывущих с далекого Ладожского озера.

В такие дни многие петроградцы стекаются к гранитным берегам реки, смотрят на торжественный ледоход и радуются:

— Скоро наступит лето!

Прошедшая зима была снежной. Жители подвалов не зря опасались весны; она принесла им новые бедствия: грунтовые воды пробивались сквозь пол, стены и заливали жилища.

В комнате, где жила Катя Алешина, вода сперва каплями скатывалась с потемневшей от сырости нижней части стены, потом стала пробиваться сквозь щели пола. Пришлось убрать половички, принести кирпичей и на них уложить доски. К вечеру и доски шаткого настила, прогибаясь, стали шлепать по ледяной воде, заливавшей весь пол.

Утром Катя почувствовала острую боль в горле. Казалось, что там застрял осколок стекла. Катя попыталась встать, но от головокружения и слабости опять опустилась на постель.

«Заболела. Вот не вовремя!»

Мать и бабушка тоже с трудом поднялись, — им обоим нездоровилось.

— Хотя бы печку протопить, — сказала бабушка, — все в комнате дух другой будет. Пойду на свалку, может, щепок каких соберу...

Охая, она начала одеваться.

— А ты что лежишь? — спросила мать Катю. — Разве сегодня тебе во вторую смену?

— Нет, в первую... горло очень болит.

Мать потрогала Катин лоб и всполошилась:

— Да у тебя жар! Доктора надо позвать. А где мы денег возьмем? Вот напасть, одно к другому.

В соседней комнате, где жил водопроводчик, слышались испуганные возгласы и детский плач.

— Сходи, Луша, узнай, что там стряслось, — попросила бабушка и, прислушавшись к нараставшему плачу за стеной, еще больше встревожилась:

— Никак Семен кончается...

Она поспешила к соседям.

Вскоре голоса за стеной и плач утихли.

Бабушка вернулась в комнату с ребяташками водопроводчика: шестилетней Ксюшей и четырехлетним Сашей.

— Пусть посидят на моей постели, — сказала она. — Не годится детям смотреть на такое... Худо с Семеном, кровь горлом пошла. Всю подушку залил. Придется для вас обоих доктора звать.

Старуха решительно выдвинула верхние ящики комода и начала рыться в них. Катя видела, как она достала кусок холста и свою черную кружевную шаль, которую очень берегла.

— Последнее на рынок несу, — сказала бабушка. — Больше продавать нечего.

Мать заправила постели и попробовала ковшиком вычерпать воду, накопившуюся за ночь, но та почти не убывала. Бросив ковш, она пошла за доктором.

Катя осталась с ребяташками. Исхудалые и заплаканные, они сидели на бабушкиной постели, как нахохлившиеся воробьи, и настороженно прислушивались к хрипению отца за стеной.

— Чего это он так: «Хррр... хррр»? — спросил мальчик.

— Горлом хырчит, — ответила девочка. — У него там чахотка. От нее все умирают.

— А я не помру, — сказал мальчик. — Я поеду летом в деревню. Там в лесу птички поют и коровушки ходят... они молоко приносят.

— Туда надо на паровике ехать, — заметила девочка, — а у нас нет денег.

Мать пришла с доктором — седеньким старичком, у которого борода была почти лимонного цвета. Он осмотрел Катин горло, долго водил холодной трубкой по груди и спине, слушая дыхание, а потом сказал:

— Нда, горло и легкие мне не нравятся. Вам обязательно надо переменить жилье. Лучше всего, конечно, за город, в сосновый бор.

Доктор выписал микстуру, порошки, полоскание для горла и, передавая рецепты, порекомендовал:

— Питайтесь лучше. И лимон бы хорошо... его сок прекрасно очищает горло. А детей уберите отсюда. Ангина — заразная болезнь.

У водопроводчика доктор пробыл недолго. Катя слышала, как он сказал соседке:

— Скоротечная чахотка. Надо бы в больницу отправить, но боюсь — не примут. Готовьтесь ко всему...

Вернувшаяся с рынка бабушка расплатилась с доктором, дала денег на лекарство и отвела ребятшек к дворничихе.

Тетя Феня забежала к Алешиным узнать, почему Катя не явилась на завод. Видя, в каком бедственном положении находятся жители подвала, она сказала:

— Сейчас же одевайтесь и пойдем в Исполком. Не уйдем от председателя, пока новой квартиры не даст. Правда, лучше было бы иметь что-либо на примете. В вашем доме есть пустующие квартиры? — спросила она у дворничихи.

— На пятом этаже вроде бы две комнаты освободились, — стала вспоминать та. — Да вот в при-

ставской никто не живет. Как заваруха началась, так он ночью вместе со своей рыжей крикуньей уд-рал. Запасной ключ от его квартиры у хозяина дома.

— Какой пристав? Урсаков? — поинтересовалась тетя Феня. И, узнав, что это действительно он, решительно заявила:

— Собака из собак. Он теперь и носа сюда не сунет, знает, что ему голову оторвут. Пошли в Исполком, я им сейчас скажу все, что думаю. Люди помирают в затопленном подвале, а рядом сухие квартиры пустуют. Безобразия!

В Исполком с ней пошли бабушка и жена водопроводчика. Получив ордер на квартиру, они в тот же вечер явились к хозяину дома — тучному торговцу скобяными изделиями. Взглянув на ордер, домовладелец наотрез отказался выдать ключ.

— Для меня ваш Исполком не указ, — сказал он. — Ишь, чего вздумали: в самую дорогую квартиру! А кто за вас платить будет? Исполком, что ли? Даже если и заплатите, не пущу. Вы за неделю квартиру изгадите.

— Лучше добровольно впустите, а то сами от-кроем, — предупредила тетя Феня.

— Попробуйте только! За разбой — я вас в суд, — пригрозил домовладелец.

Его решительность напугала женщин. Катина мать сразу пошла на попятную.

— Ну его, брюхатого, к лешему, — сказала она. — С ним лучше не связываться. Он нам потом и в подвале не даст жить.

— Может, попросим комнатенку наверху? — предложила жена водопроводчика. — Нам бы только ребят в сухое место, а сами мы и тут как-нибудь. Все равно стирать придется, не с голоду же подышать.

— Эх вы, рабское племя! — обозлилась на них тетя Феня. — Привыкли пресмыкаться перед толсто-сумом. Я бы нарочно в лучшей квартире жила. Не обеднеет он от этого. Сколько ваших родичей на него работало? Пусть теперь расплачивается.

Но женщины все же не решились наперекор хозяину переехать в пустую квартиру.

Первомайский день выдался сухим, ясным и солнечным, а в подвале вода не убывала.

Катя попросила открыть форточку и лежа прислушивалась к тому, что творится на улице. Когда издали стали доноситься песни, неясный гомон большой толпы и музыка, девушка попыталась встать. Но от резкого движения в глазах у нее потемнело и от слабости подкосились ноги. Пришлось опять лечь и укрыться одеялом.

Под вечер в окно кто-то постучал. По голосам Катя узнала путиловцев и Наташу. Она позвала мать и попросила:

— Скажи им: ко мне нельзя. . . болезнь заразная.

Девушке не хотелось, чтобы Вася увидел ее такой беспомощной в этой полутемной нищенской комнате, залитой водой. Но молодых людей разговоры о заразной болезни не запугали; они вошли в комнату, положили на табуретку у изголовья три красных цветка и кулек яблок.

— Ух, какая тут сырость! — заметила Наташа. — В этой холодине ты никогда не поправишься. Надо обязательно переменить комнату.

— Я бы рада, да вот наши боятся.

И Катя рассказала о полученном ордере.

— Если твои родичи не желают переезжать, — сказала Наташа, — так мы без них тебя переселим. Правда, ребята?

— Переселим, — ответили парни.

Они попросили собрать все старые ключи, какие были в доме, взяли из ящика водопроводчика молоток, долото, напильник и пошли с малолетней Ксюшей на второй этаж.

У дверей приставской квартиры путиловцы стали примерять принесенные ключи. Один из них им показался подходящим. Они слегка подпилили его бородку, вставили в замочную скважину. . . и ключ легко повернулся.

— Хо! И взламывать не надо, — обрадовался Кокорев. — Сбегай, Ксюша, за своими.

На второй этаж пришли бабушка, дворничиха и

Наташа. Включив электрический свет, они начали осматривать комнаты.

Квартира была большой и богато обставленной. В приставском кабинете на стене висел ковер, увешанный охотничьими ружьями и кинжалами. На полу у оттоманки лежала лохматая медвежья шкура, а на столе стоял бронзовый рыцарь, державший в руке высоко поднятую лампу.

— Вот бы нам с тобой такую комнату! — сказал Дема Васе. — Никакой хозяин отсюда бы не выгнал. Жаль только, что далеко на работу ходить.

— А мы давай на какой-нибудь ближний завод поступим, — в шутку предложил Кокорев.

В спальне стояли две широкие кровати, застланные кружевными покрывалами. На полу лежали цветистые коврики и виднелись ночные туфли, обшитые белым мехом. Туалетный столик с большим круглым зеркалом почти весь был уставлен флаконами, пудреницами.

— Отсюда надо одну кровать убрать и поселить Катю, — сказала Наташа.

— Зачем? — возразил Кокорев. — В той комнате, где ружья висят, ей будет лучше. А этот столик мы перенесем туда со всеми флакончиками и баночками.

— Нет уж, — замахала руками бабушка, — никаких вещей не трогайте. И Кате скажу, чтоб не касалась.

Боясь запачкать натертый воском паркетный пол, она ходила по комнатам в одних шерстяных носках.

Увидев в столовой картины в позолоченных рамах и буфет, наполненный посудой, хрустальными бокалами и графинами, бабушка определила:

— Вот сюда надо сносить всю мебель и дверь гвоздем заколотить. А то, не дай бог, ребятишки что-нибудь разобьют, не откупишься тогда. Я бы поселилась только в кухне да в первой комнате. Тут и прихожая сухая, два топчана поставить можно...

— Зачем же вам жаться? — стала возражать

Наташа. — Вы же разрешение имеете на все комнаты.

— Иметь-то имеем, а все же боязно. Да и не привыкли мы жить в таких хоромах.

В приставской квартире было довольно холодно.

— Надо хоть печку затопить, — сказала Наташа. — Идите, ребята, дрова искать, а мы пока начнем переселение.

Дворничиха повела парней в сарай пристава. Там они нарубили дров и принесли на второй этаж две большие охапки.

Вскоре в плите и в печке запылал огонь.

В разгар переселения появилась тетя Феня.

— Хвалю молодежь за решительность, — сказала она. — А то с этими старыми поломойками да дворничихами каши не сваришь. Легче царя свергнуть, чем рабство вытряхнуть из их души. А вот хлам свой зря вы сюда перетаскиваете. Все равно ответ один — пользуйтесь тем, что осталось. А свое барахло в подвале оставьте.

Наташа застелила оттоманку в кабинете и уложила на нее поднявшуюся наверх Катю.

Ребятишки уселись вокруг печки у весело потрескивающего огня.

Тетя Феня, исследуя квартиру, обнаружила в кладовой запасы муки, круп, картофеля, яиц, масла, сахара и консервов.

— Приставу все это даром досталось, — сказала она. — Ему спекулянты натаскали. Давайте устроим праздник по случаю Первого мая и новоселья.

И тетя Феня начала распоряжаться. Она заставила женщин начистить картошку, испечь драчену и разогреть мясные консервы.

Наташа пошла за посудой в столовую; в буфете она нашла красное вино и настойки в графинах.

Женщины хотели ужинать на кухне, но молодежь запротестовала: «Гулять так гулять!» Ребята с Наташей перенесли в кабинет стол, стулья, чтобы не было скучно Кате, и устроили пир. Даже больная выпила с ними большую рюмку вина и раскраснелась.

В эти же дни и Аверкин переехал на новую квартиру. Не успел он расположиться, как к нему явился старший дворник. Раскрыв на столе толстую домовую книгу, он взял перо, подвинул чернила и начал заполнять графу за графой.

Виталий знал, на какие вопросы надо отвечать при прописке. Ему, конечно, не трудно будет выдумать профессию и объяснить, что он живет на проценты с капитала. Но как быть с годом рождения? В паспорте четко написано: «1894 год». Да и по лицу видно, что ты призывного возраста. Пришлось признаться:

— От военной службы освобожден.

— По какой причине?

Попробуй скажи теперь кому-нибудь, что ты служил в царской охранке, — мигом донесет.

— По болезни, — ответил Виталий.

— А что у вас? — поинтересовался старший дворник, с явным подозрением оглядывая долговязого жильца.

— С глазами неладно, — солгал Виталий, — плохо вижу.

— А у других-то глаза острые, — с хитровой ухмылкой сказал дворник. — Их не обманешь, все разглядят. Дотошный пошел народ.

Он явно подозревал Виталия в дезертирстве.

Сунув дворнику пятирублевую бумажку и видя, что тот, взяв ее, избегает встретиться взглядом, Аверкин встревожился: «Предаст, донесет, гадина».

Несмотря на запрет, он поехал к брату. Всеволод встретил его упреком:

— Мы же договорились: без вызова не приходить.

— Я бы не приехал, но так получилось, что меня могут заподозрить в дезертирстве.

Рассказав о приходе старшего дворника, Виталий спросил:

— Как мне быть? Не скажу же, что работал в охранке...

— Подожди, — перебил его брат. — Дай сообразить. Садись сюда.

Всеволод с расстроенным видом заходил по комнате, теребя мочку правого уха.

— Сделаем так, — наконец сказал он. — Я попытаюсь устроить тебя в контрразведку. Пойдешь?

— Что ж поделаешь, придется, — с унылым видом ответил Виталий.

— Не бойся, на фронт не пошлют. У меня теперь солидные связи. К самому министру — Александру Федоровичу Керенскому — могу обратиться, — не без бахвальства сказал Всеволод. — Я ему оказывал кой-какие услуги. Александр Федорович ведь был юрисконсультom торгового дома «К. Шпан и сыновья». А эту фирму не зря подозревали в шпионаже и аферах. В прошлом году Шпаны попались. Я лишь намекнул Керенскому о грозящей ему опасности, и он понял меня с полуслова. Ловчайшего ума человек! Почти сухим выскочил из очень неприятной истории. К счастью, он не забывчив. Мне прочат пост товарища прокурора либо советника по особо важным делам.

Всеволод, оказалось, не хвастался: через два дня Виталия нарочным вызвали в контрразведку, зачислили в агенты и оставили в Петрограде до особых распоряжений. Теперь он мог разгуливать в военной форме и без опасений показываться всюду.

«Надо хоть оставшиеся дни повеселиться, а то ведь скоро загоняют, — размышлял Виталий, выйдя на Невский. — Но с кем?»

Он знал, что Алешина больна. Неделью назад он заглянул в подвальное окно и решил: «Пока заходить не стоит, пусть нужна покрепче прижмет ее». А теперь время прошло и не мешало бы закинуть крючочек с приманкой. Алешина, конечно, голодает. Откуда у работницы деньги на болезнь? Надо только все сделать благородней. Мол, от неизвестного благодетеля.

Дойдя до Малой Садовой, Аверкин зашел в ресторан Федорова, разделся, сел за столик и, подзвав официанта, с видом богатого человека сказал:

— Э-э... любезнейший, первым делом устрой мне корзиночку на вынос: десяток филипповских пирожков, пяток груш, парочку апельсинчиков и сверху — конфет хороших. Потом — посыльного сюда. А заодно, конечно, — графинчик коньячку с лимончиком и сообрази селяночку получше.

Официант, предчувствуя хорошие чаевые, склонил голову.

— Для вас — в наилучшем виде-с, — подобострастно заверил он и семенящей походкой поспешил выполнять заказ.

Аверкин написал на листке адрес Алешиной, закурил и по старой привычке стал прислушиваться, о чем говорят за соседними столиками.

Впереди сидели раскрасневшиеся купцы-гостинодворцы. Подливая водку щеголеватому офицеру интендантской службы, они с озабоченными лицами что-то нашептывали ему, а офицер, уже заметно охмелевший, уверял их:

— Небеспок! Если Чуйко сказал, значит, — отрезано, назад команды не будет.

— И хотелось бы насчет хромового товару... — заискивающе просил купец с красной лоснящейся физиономией.

— А обеспекция? — коверкая слово, спросил интендант и, потеряв указательным пальцем о большой, не засмеялся, а как-то закудаhtал.

— Боже мой, да пренепременно! — воскликнул обрадованный купец и полез в боковой карман.

Аверкин видел, как гостинодворец вытащил пачку кредиток и сунул их под столом интенданту в руку.

«Взятки берет, — определил Виталий и тут же подумал: — А нельзя ли и мне пожитьсь? Если намекну, кто я такой, то он, конечно, струсит и поделится. Надо попробовать, авось пройдет». Но в это время перед его столиком появился посыльный с красиво упакованной корзинкой.

— Куда прикажете доставить?

— Свезешь на Выборгскую сторону. Вот тебе адресок. Вручишь самой в руки и скажешь: «От ва-

шего тайного друга». Понял? Больше ни слова. Не знаю, мол, не видел. Но сам все же погляди, как она примет подарок, как будет радоваться. А потом вернешься и доложишь мне. На чай зелененькую получишь».

Когда посыльный ушел, Аверкин заметил, что интендант прощается с гостинодворцами. «Теперь бы не упустить его», — подумал он и поспешил выйти из зала.

Дождавшись офицера в коридоре, Виталий подошел к нему и негромко сказал:

— Разрешите представиться: сотрудник контрразведки. . . — фамилию он произнес невнятно и только мельком показал удостоверение.

Подвыпивший интендант, видимо, мгновенно протрезвел, потому что лицо его покрылось красными пятнами.

— Чем могу служить? — дрогнувшим голосом спросил он и выжидательно уставился настороженными глазами на Виталия.

— Отойдем в сторонку, — предложил Аверкин. Он деликатно взял офицера под локоть, отвел в полутемный угол, а там как бы с укором сказал: — Что ж это вы, друг, а? Надо бы осторожней. Я ведь могу вас с уликами в штаб отправить. Люди мои здесь. Но ваше счастье — вы мне симпатичны, и я не хотел бы доставлять вам неприятности. Если вы сумеете уделить в долг рубликов триста. . . я был бы признателен.

Интендант с готовностью полез в боковой карман френча, вытащил деньги, отсчитал вздрагивающими пальцами триста рублей и молча протянул их Аверкину.

— Благодарю, — произнес тот. — Вы здесь часто бываете? При случае постараюсь отдать.

— Не беспокойтесь, я обожду, — вежливо ответил интендант, а недобрый взгляд его как бы говорил: «Знаю, как ты отдашь, шпик проклятый!» При этом он состроил гримасу, похожую на улыбку, звякнул шпорами и поспешил уйти.

Аверкин на радостях выпил большую стопку

коньяку, закусил ломтиком лимона и принялся за остро приправленную охотничью селянку.

Когда Виталий уже заканчивал обед, появился посыльный. В руках у него была корзина с пирожками и фруктами.

— В чем дело? — удивился Виталий. — Не приняла?

— Никак нет, по адресу не застал, — виновато ответил парнишка в форменной фуражке. — Переехали, говорят.

— Не может этого быть.

— Вот чтоб провалиться. . . темно там и. . . дверь заперта..

— А ну, поехали вместе.

Бросив на стол две десятки, Аверкин взглянул на часы: было двадцать минут седьмого. «Ого, засиделся же я!»

Не ожидая официанта, он вышел из зала, оделся, взял извозчика и вместе с посыльным поехал на Выборгскую сторону.

В подвале, и правда, было темно; Аверкин подергал дверь, — она не открывалась.

«Странно, — подумал он, — куда все жильцы могли деться?»

— А ну, подожди меня здесь, — приказал Виталий посыльному, а сам пошел к домовладельцу.

Тучный торговец скобяным товаром запомнил Виталия с первого прихода. Узнав, что сыщик по-прежнему интересуется Алешиной, он начал жаловаться:

— Нахально, без спросу переселились. Теперь от Урсакова житья мне не будет. Не знаю, как выкинуть их; бумажку они какую-то от Совета получили. Загадят мне самую лучшую квартиру. Может, в суд на них подать?

— Не спешите, — посоветовал Аверкин, — а то вы кой-кого спугнете. Я вам скажу, когда надо будет в суд тянуть. И сам помогу, свидетелем буду.

Побаиваясь тайной полиции, домовладелец не стал возражать и дал согласие месяца два не тревожить неприятных жильцов.

Катиного отца — Дмитрия Андреевича Алешина — вместе с товарищами по ссылке и коренными сибиряками в 1916 году взяли на военную службу. Месяца три их учили ходить строем, стрелять из винтовки, колоть штыком, рыть окопы, а затем отправили на Западный фронт.

Война была позиционной; лишь изредка между противниками возникала вялая перестрелка.

Февральская революция почти ничего не изменила в жизни фронтовиков: они лишь помитинговали в землянках, избрали свой полковой комитет и по-прежнему мерзли в лесу, изрытом окопами.

Солдаты так привыкли к спокойствию на передовой линии, что ходили по траншеям не сгибаясь, а по вечерам у колючих ограждений перекликались с немцами.

— Эй, фриц! Что там у вас слышно насчет войны? Скоро кончать будем?

Германские солдаты, кое-как умевшие говорить по-русски, негромко отвечали:

— Иван, русиш! Не бойся офицер, довольна война, я воевать не хочу.

Так прошел март, апрель. Уже всюду растаял снег. Солдаты брали с брустверов комки нагретой солнцем земли, растирали их в пальцах и говорили:

— Самое время пахать да сеять.

Теряя терпение, многие из них приставали к выбранным в полковой комитет товарищам с вопросами:

— Долго ли мы здесь будем вшей кормить? Когда нас домой отпустят?

А что те могли им ответить? Даже самые грамотные с трудом разбирались в делах, творящихся в стране.

В мае солдат, отошедших в тыл на отдых, неожиданно собрали на митинг. Из армейского комитета приехал агитатор, — видимо, штабной офицер. Он

носил хорошо сшитую шинель без погон и хромовые сапоги, не знавшие окопной грязи.

Агитатор начал свою речь с заискивающей душевностью:

— Я вас очень хорошо понимаю, братцы. Все вы ждете конца войны, мечтаете о доме, о любимых. Но сейчас, к сожалению, нельзя об этом думать. Мы не можем вот так взять да и разойтись по городам и селам. Враг вероломен и лют. Германцы ворвутся на русскую землю, затопчут нашу честь и свободу...

Слушая его, солдаты думали: «Верно говорит, войну, вроде, нельзя кончать». А сердце противилось: из-за чего драться-то?

Один из пехотинцев выкрикнул:

— Немецкие солдаты тоже войны не желают!

— Не верьте обманщикам! Колбасники хитрят, надеются на легковверных простаков, — убежденно ответил агитатор. — К тому же, как мы покинем своих братьев-союзников — французов и англичан? Русские всегда были верны своему слову. Неужто мы на этот раз покривим душой и осрамим свой флаг? Да никогда! Может быть, понадобится только последнее усилие, — говорил он, — мощный удар с двух сторон — и австро-германские войска будут разбиты. Надо готовиться к летнему наступлению. Только победа принесет мир и счастье.

Солдаты растерянно переглядывались.

— А когда землю делить будут? — спросил один из них.

— Не бойтесь, без вас не разделят. Сейчас не время этим заниматься. Дележка вызовет внутренние распри. А для победы всем сословиям нужно объединиться, а не ссориться.

— Почему ж тогда рабочие в столице бастуют? — допытывался другой пехотинец.

— Столичные рабочие развратились, — ответил агитатор. — Они требуют для себя восьмичасового рабочего дня в то время, когда солдаты страдают в скопах двадцать четыре часа! Разве это не безобразие? Им, видите ли, мала оплата, хотя каждый получает за день в несколько раз больше, чем солдат

за месяц. А разве солдатский труд легче? Солдат жизнью рискует, кровь проливает! Они там зарвались, ходят по улицам с флагами, бездельничают да слушают немецких шептунов. Если рабочих не обуздать, они предадут, оставят нас без пушек, винтовок, снарядов. Фронтовики должны сказать свое крепкое слово и обуздать немецких агентов.

Алешин, проталкиваясь к трибуне, выкрикнул:

— Позвольте узнать: а из какого сословия вы сами будете?

— Какое это имеет значение? — желая пристыдить солдата, с укором ответил оратор.

— Имеет, и не малое! — возразил Алешин. Он поднялся на трибуну и, став лицом к штабисту, в упор спросил: — Значит, вы не из рабочих и не из крестьян, а из тех, кто привык жить за наш счет?

Агитатор, не предвидевший такого вопроса, сразу не нашелся, что ответить. Не давая ему опомниться, Алешин обратился к солдатам:

— Не верьте болтунам! Они хотят нас рассорить с рабочими. Я сам был питерским мастеровым и знаю, — рабочий человек не пойдет против свободы. Если питерцы бастуют, — значит, припекло. Они не только за себя хлопочут, а и за нас. Поиному рабочий класс никогда не поступал. Кто дал слово союзникам драться до последнего солдата? Царь и министры! Кому они его давали? Французским и английским буржуям! Так мы-то тут при чем?

— А вы газеты читаете? — пытаюсь уязвить солдата, спросил штабной агитатор.

— Читаем, — ответил Алешин. — Только не буржуйские листки, которые вам по душе, а свою «Солдатскую правду». У меня есть предложение: чтобы не было никаких сомнений, выберем делегатов и пошлем в Питер. Пусть они разведают, так ли все на самом деле, как нам здесь расписывают. Я не доверяю людям в чистых шинельках.

— Верно, своих послать надо! Пусть поглядят и скажут, — поддержали его фронтовики.

— Предлагаю Рыбасова из взвода пулеметчиков! — выкрикнул кто-то из толпы.

— А я — Алешина! — предложил председатель полкового комитета, открывавший митинг. — Раз он в Питере работал, — значит, все ходы-выходы знает. Скорей разнюхать сумеет.

— Конечно! Давай Алешина.

Фронтовики выбрали для отправки в столицу трех человек: Алешина, рябого пулеметчика Кузьму Рыбасова и бывшего таежного охотника — Федула Кедрина из взвода разведки.

Получив на неделю сухой паек, делегаты не мешкая, на двуколке пулеметчиков добрались до ближайшей станции.

Езда по железной дороге в дни войны была легкой. Поезда шли переполненными. Фронтовики вначале устроились на крыше товарного вагона. Только в пути им удалось перебраться на открытую платформу.

До Петрограда, пересаживаясь с одного поезда на другой, они добирались более трех суток. От пыли и паровозной копоти солдаты стали похожи на трубочистов. Выйдя из вокзала на шумный проспект, фронтовики задумались, — куда же пойти?

— Первым делом в баню, — предложил Алешин. — А то в комендатуру заметут.

Так и сделали: пошли в самую дешевую баню, вымылись и поехали на Выборгскую сторону.

Алешин помнил, где ютились родственники жены. Он привел солдат во двор, отыскал знакомую подвальную дверь. Она была заперта на ключ.

— Неужто все на работе?

Дмитрий Андреевич заглянул в окно. Мутное запыленное стекло плохо пропускало дневной свет. Все же Алешин разглядел: комната имела явно нежилой вид. «Не страшлось ли что с ними?» — встревожился он.

— Эй, дворник!

— Чего вы тут ищете, служивый? — спросила бабушка, появившаяся во дворе. Она не узнавала зятя.

— Здравия желаем, Дарья Феоктистовна! — солдатски громко приветствовал он ее.

— Господи! — всплеснув руками, воскликнула Дарья Феоктистовна. — Никак Дмитрий? — Старуха бросилась обнимать его. — Заждались тебя Луша с Катюшкой! Как же ты попал к нам? — начала было расспрашивать она, но тут же спохватилась. — Чего же мы во дворе? Пошли в дом.

— Я не один, товарищи со мной.

— Будем рады и товарищам. Милости просим!

Солдаты поднялись за ней во второй этаж. Увидев в приставской квартире натертый до блеска паркетный пол, ковры и мягкие диваны, они неловко замялись.

— Что же вы? — не понимала их смущения старуха. — Проходите в комнаты.

— Боимся, как бы окопной скотинки не напустить, — сказал Рыбасов. — Копоть-то в бане смыли, а живность осталась. Нам бы постираться да шинельки почистить.

— Ах вот вы чего! — усмехнулась Феоктистовна. — Тогда придется в нашу старую квартиру.

Она повела солдат вниз. Простые табуреты, столы, покрытые протертой клеенкой, и топчаны, застеленные старьем, фронтовикам пришлось по вкусу. Рыбасов скинул с плеч вещевой мешок и сказал:

— Вот это для нашего брата! А то после таких хорм трудновато будет в окопы вертаться.

Бабушка, достав заплатанное, но чисто выстиранное белье деда, положила его перед солдатами и приказала:

— Надевайте пока это, а свои шмотки — в котел, на выпарку! И ты, Дмитрий, снимай, — обратилась она к зятю. — Твою одежду Луша бережет. Можешь в вольное переодеться.

— Спасибо, мамаша. Нам бы еще чайку да выпаться.

— Сейчас, сейчас, милый, — засуетилась старуха. Она затопила плиту и пошла наверх за чайником.

Солдаты развязали свои вещевые мешки и выложили на стол селедки, консервы, крупу, хлеб.

Катя в этот день пришла с работы рано. Столкнувшись на лестнице с матерью, у которой по-молодому светились глаза и каким-то необыкновенным румянцем пылало лицо, девушка поняла, что в доме радость.

— Отец приехал, да?

— Здесь, — радостно ответила мать. — Иду хоть пивца достать. . .

Катя хотела немедленно бежать к отцу, но мать остановила ее:

— Не ходи; они намучились в дороге и теперь спят.

Пока мать ходила за пивом, бабушка с дворничихой успели высушить и выгладить солдатские штаны и гимнастерки.

Кате не терпелось скорей увидеть отца. Она тайком спустилась в подвал и, пройдя кухню, постучала в дверь. Из бабушкиной комнаты вышел отец. Лицо его было в мыльной пене.

— Вам кого? — не узнавая ее, спросил он. Но, взглядевшись, вдруг раскинул руки и воскликнул: — Катюшка! Да ты прямо невестой стала. . . на улице нипочем бы не узнал!

Он обнял ее, поцеловал, а потом распахнул дверь и гордо сказал товарищам:

— Смотрите, какая у меня дочь красавица!

— Да ты мне все лицо мылом измазал! — смеясь, укорила его Катя.

Отец ахнул:

— Ой, прости. Забыл, что намылился. . .

И он бросился вытирать полотенцем ее щеки и волосы.

— Оплошал! — смеялись солдаты. — Совсем одичал в окопах.

* * *

За стол Катя села рядом с отцом. Дмитрий Андреевич почти не изменился за эти годы, только волосы немного поредели, чуть посеребрились виски. Девушка тайком погладила шершавую руку отца и негромко спросила:

— Ты надолго к нам?

— Нет, дня на два, на три, — ответил он. — Мне бы Гурьянова побыстрей увидеть. Жив он?

— Жив, и тетя Феня из ссылки вернулась.

Солдаты, приехавшие с отцом, были уже немолодыми людьми. Рябому пулеметчику шел сороковой год; он то и дело вспоминал свою Феклушу и четверых ребятишек, оставленных в сибирской деревне. А бородатый разведчик Кедрин оказался неразговорчивым. Он отвечал односложно: «эге», «так», «нет», а если фраза была длинней, то обязательно прибавлял слово «однако».

Выпив по стопке пива и водки, солдаты ели густой красно-золотистый борщ и нахваливали бабушку.

Катина мать подливала им в тарелки и приговаривала:

— Кушайте, кушайте на здоровье!

После ужина Рыбасов и Кедрин надумали посмотреть город. Кате не хотелось расставаться с отцом; она отправилась вместе с ним показывать сибирякам столицу.

Они пешком перешли через Сампсониевский мост на Петроградскую сторону. Посмотрели на татарскую мечеть, на сверкавший зеркальными стеклами дворец балерины Кшесинской и вышли на Троицкий мост. Отсюда хорошо был виден едва зеленевший Летний сад и набережная, застроенная дворцами.

Задержав сибиряков посреди моста, Катя повернулась к Петропавловской крепости и, глядя на позолоченный шпиль и ангела, видневшегося на вершине, стала рассказывать, когда и зачем Петр Первый воздвиг эти серые стены на островке против излучины реки.

Дмитрий Андреевич внимательно слушал свою дочь и про себя хвалил: «Умница!»

Миновав пустынное, плотно утопанное солдатскими ногами Марсово поле, они по Миллионной улице вышли к Зимнему дворцу. О царском дворце сибиряки немало слышали. Они помнили песню о порт-артурском солдате-калеке:

«...Толпа изнуренных рабочих
Решила пойти ко дворцу
Защиты искать... с челобитной
К царю, как родному отцу...
Надевши воскресное платье,
С толпою пошла и она,
И... насмерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена...
— Но где же остался мой мальчик?
Сынок мой?.. — Мужайся, солдат...
Твой сын в Александровском парке
Был пулею с дерева снят».

Солдаты с интересом разглядывали площадь, на которой царь расстрелял рабочих в 1905 году, и Александровский парк.

— А кто теперь во дворце? — спросил Рыбасов.

— Говорят, министры Временного правительства хотят сюда перебраться, — ответила Катя.

— Однако, подходящие хоромы выбрали! — отметил Кедров.

От Дворцовой площади начинался Невский проспект. Он был шумным и людным. Панели занимала разодетая фланирующая публика. По деревянным торцам мостовой проносились лакированные пролетки на дутых шинах, открытые автомобили и позванивающие, наполненные ярким светом трамваи...

Солдат то обдавало запахом дорогих духов и пудры, то винным перегаром, то прогорклым чадом шашлычных, от которого першило в горле. И всюду, куда ни падал взгляд, они видели хлыщеватых, напомаженных и откормленных офицеров, одетых в хромовые сапоги, отутюженные галифе и ловко сшитые мундиры, френчи.

Фронтовиков раздражал беспечный смех, доносившийся со всех сторон. Смеялись пышно разодетые женщины, усаживаясь с офицерами в открытый автомобиль; хихикали девицы, оглядываясь на юнкеров; гоготали извозчики, потешаясь над пьяной продащицей цветных воздушных шаров. Смех то возникал на мостовых, то переносился на панели, то забивался в подвалы пивных баров и грохотал снизу, как из бочки, то вместе с музыкой вырывался из от-

крытых окон увеселительных заведений. Слишком много смеха в дни войны!

— Эх, пулемет бы сюда! Почистил бы я эти панели, — сказал Рыбасов. — Тошно смотреть на эту шушеру.

У Фонтанки они свернули влево и пошли по набережной; Катя с отцом шагали впереди, а сибиряки, закулив трубки, — позади.

Дмитрий Андреевич, обняв дочь за плечи, сказал:

— Ну, рассказывай, как жила без меня.

Катя стала вспоминать все то, о чем не могла написать в письмах. Отец слушал внимательно, лишь изредка задавал вопросы либо покачивал головой и вздыхал. Правда, за годы разлуки Катя несколько отвыкла от него, но с ним легче было делиться мыслями, чем с матерью, — отец понимал ее лучше.

— А какие друзья у тебя? — спросил он.

Катя рассказала о Наташе, о тете Фене, но о Васе почему-то умолчала. И отец это почувствовал.

— Ну, а кавалер... или, как вы теперь называете, друг, что ли... есть у тебя?

— Как тебе объяснить... мне нравится один... но мы редко с ним видимся.

— Кто он такой?

— Работает на «Путиловце» в кузнице, живет за Нарвской заставой.

— Нда-а, далековато ходить! Познакомишь?

— Обязательно, если увидимся. Только ты не смей ни о чем таком с ним говорить.

— Замётано, ни слова, — пообещал Дмитрий Андреевич.

* * *

По случаю приезда отца Катя получила трехдневный отпуск. Она побывала с солдатами на «Айвазе», а на другой день, по рекомендации Гурьянова, поехала с ними на «Путиловец».

В завкоме их встретили хорошо. Это уже была не первая делегация с фронта. Путиловцев не удивило, что солдаты во всем хотят убедиться сами. Они охотно повели их по цехам.

Огромные задымленные мастерские, наполненные грохотом железа, жужжанием моторов, скрежетом пил и полыханием огней, потрясли сибиряков. Они тревожно озирались по сторонам.

— Не пошел бы я и за десятку в день в таком аду работать, — признался Рыбасов.

— Однако, да-а, — бормотал Кедрин.

— Вам, наверное, уши прожужжали, что мы тут шкуродерничаем, сотнями огребаем? — спрашивали путиловцы. — Так вот поглядите, как оно на самом деле.

Они показывали свои расчетные книжки.

— Нас хотят натравить друг на друга, — говорили путиловцы. — Буржуи ждут, чтобы мы меж собой передрались. Это они кричат: «Солдаты — в окопы, рабочие — к станкам», а сами куда же? К сундукам да ресторанам?

— Точно, — соглашались солдаты. — Осточертело окопный песок хрустать. Весна вокруг, пахать время...

Пока фронтовики разговаривали со сборщиками, Катя отыскивала старокузнечный цех.

Заглянув в широкие двери, она не решилась войти в задымленную мастерскую и попросила одного из кузнецов вызвать Кокорева.

— Да вот он... Видите? Воду пьет, — сказал тот, указывая на парней, подошедших к медному баку.

Но тут и Василий заметил Катю. Он торопливо сбросил с себя кожаный передник и побежал к ней. Лицо его было влажным от пота.

— Как ты сюда попала? — спросил он, пожимая обе ее руки.

— Я с отцом, — лукаво ответила девушка. — Он просит познакомить с кавалером. А где я его найду? Решила тебя показать.

— Правда? — растеряннo спросил он и покраснел.

— Ну да, — серьезно ответила Катя, но, не удержавшись, рассмеялась. — Не бойся. Я сказала, что у меня нет кавалера и не будет.

- Да я и не боюсь... с чего ты взяла?
— По глазам вижу. В общем, мы здесь до конца дня пробудем. Разыщи нас.
— Хорошо, найду.

* * *

Заводской митинг происходил на площади между мартеновской и прокатной мастерскими, где переплелись железнодорожные пути. На нем сошлись более двадцати тысяч путиловцев. Люди густо облепили крыши цехов, штабеля чугуновых и стальных болванок, заняли все возвышения и плотной толпой стояли вокруг деревянной трибуны.

— Тут три дивизии соберешь, — отметил Рыбасов. — Огромный заводище!

Первым на митинге выступил министр земледелия эсер Виктор Чернов. Он начал свою речь со сказки о рыбаке и рыбке. Рассказывая о том, как жадная старуха требовала от золотой рыбки все больше и больше, он то по-стариковски сокрушенно разводил руками и потряхивал бородкой, то скрипучим голосом гнал рыбака к морю просить царства.

Актерские ужимки министра вывели из терпения Савелия Матвеевича, стоявшего с фронтовиками недалеко от трибуны. Кузнец перебил оратора:

— А не довольно ли нас сказками кормить?! Пора рыбку на стол выложить.

— А я об этом и веду речь, — словно обрадовавшись замечанию, с улыбкой поклонился в сторону Савелия Матвеевича Чернов. — Разве вы не заметили, что ненасытная старуха говорит голосом большевика. Ведь им все мало: и восьмичасового рабочего дня, и свободы, и власти, — это он уже произносил голосом рассерженного министра. — Иди-ка, золотая рыбка, в услужение! Об опасности они не думают и тянут нас к разбитому корыту...

Он начал объяснять, почему Временное правительство не может прекратить войну. Говорил почти час, на разные лады повторяя одно и то же: сейчас не время... надо подождать Учредительного собрания.

— Сколько ждать-то?!

— Для чего революцию делали?

Чернов покосился на неблагодарных слушателей и поспешил закончить свою речь призывом помочь Временному правительству.

Эсеры, стоявшие у трибуны, захлопали и, освобождая путь министру, провели его к автомобилю. А с крыш и деревьев вслед им раздался свист.

Ленин прибыл на митинг, когда Чернов уже уехал с «Путиловца». Рабочие, устроившиеся на крышах, издали заметили его.

— Ленин... Владимир Ильич приехал! — передавалось от одного к другому.

Толпившиеся на площади замахали шапками, стали подниматься на цыпочки, вытягивать шеи, лезть друг другу на плечи, чтобы лучше разглядеть идущего Ильича.

Вот он поднялся на трибуну, и все увидели простого, скуластого человека в рабочей кепке. Путиловцы встретили его как желанного гостя — приветственными возгласами и аплодисментами.

Владимир Ильич выждал несколько минут, а когда площадь затихла, заговорил просто, точно беседовал с рабочими в небольшом кругу.

Он пожалел, что не застал министра. Но это ничего. В общих чертах Владимир Ильич представлял, что мог сказать Чернов. Министр, конечно, уверял всех, что большевики, а с ними и рабочие и крестьяне, своими справедливыми требованиями погубят революцию. Что еще мог придумать соглашатель? У них одна песня: войну невозможно закончить, а с землей и рабочим контролем надо подождать...

— Угадал, точно говорит, будто сам слышал, — перешептывались между собой рабочие и придвигались ближе к трибуне.

Раскрывая предательское поведение эсеров и меньшевиков, Ленин как бы объединил еще не оформившиеся и не высказанные мысли рабочих и облек их в ясную форму: двоевластия в стране не должно быть, на заводах и фабриках надо создать рабочий контроль, а землю от помещиков отнять...

Путиловцы ловили каждое слово Владимира Ильича; им казалось, что по-иному и думать невозможно. На заводском дворе наступила такая тишина, что было слышно, как по-весеннему чирикают воробьи на карнизах зданий.

Смелая программа действия захватывала и зажигала. Хотелось действовать, бороться вместе с Лениным, целиком отдавая себя революции.

Когда Владимир Ильич кончил, от мощного взрыва аплодисментов дрогнули стены цехов и задребезжали стекла окон. Путиловцы на всем пространстве огромного двора и на крышах бурно били в ладоши.

Рабочие не дали Ленину сойти с трибуны, они подхватили его на плечи и под крики «ура» понесли к завкому.

— Ну как? — спросил Алешин у товарищей. — Здорово?

— Однако, да-а! — смог только произнести Кедрин. И это в устах таежного охотника была высшая похвала.

А Рыбасов вдруг заторопился:

— Надо сегодня же на поезд. Чего тут больше околачиваться? Все ясно.

— Зачем вам так спешить? — не могла понять Катя. — Поживите у нас, отдохните.

— Нельзя, уже припекает.

Вася Кокорев вышел на улицу вместе с Катей, ее отцом и солдатами. До Нарвских ворот они пошли пешком. По пути Дмитрий Андреевич приглядывался к юноше и про себя отмечал: «Лицо честное... не глуп будто. Рост ничего и в кости крепок. Только вот, как насчет учения? Не потянул бы Катюшу к горшкам и пеленкам». Дмитрий Андреевич прислушался, что с таким жаром обсуждает его дочь. Катя все еще была под впечатлением выступления Ильича.

— Если бы можно было собрать всех воюющих солдат и послать к ним на митинг Ленина, то войне бы конец, — убежденно говорила она.

— А я бы созвал министров, — вставил юноша, — и потребовал: рассказывайте при народе, как

вы хотите изменить нашу жизнь... Никто бы из них против Ленина не удержался.

«Ох и ветру горячего в головах! — подумал Дмитрий Андреевич. Но он одобрял молодежь. — Из таких получаются настоящие люди. Пусть дружат, парень он, видимо, хороший».

Глава восемнадцатая

НЕДОБРЫЕ ВЕСТИ

На другой день, рано утром, фронтовики выехали из столицы.

Вагон третьего класса был так переполнен, что многие солдаты сидели в тамбурах и узких проходах.

Алешину, Рыбасову и Кедрину удалось захватить на троих две полки. Они постелили шинели, вещевые мешки положили под головы, распоясались и сели курить.

Как только пассажиры разместились и в окнах замелькали телеграфные столбы болотистой равнины, в каждом купе начались громкие споры. В ту пору люди митинговали всюду: на площадях, на улицах, в цехах заводов, в трамваях и поездах.

— Прежде в России не было столько разных партий, — говорил редкозубый каптенармус с нашивками фельдфебеля. — И всегда побеждали. А теперь беда — митингуем только. Всякие партии — это, по-моему, работа немцев для подрыва государства. Где это видано, чтобы во время войны ходили какие-то личности и кричали: «Долой войну!» Да их, предателей, повесить мало!

— А почему их непременно вешать нужно? — вмешался в разговор Алешин. — А может, лучше войну кончать?

— Как это кончать?! — возмутился каптенармус. — А наши обещания союзникам?

— Какие такие обещания? — вступил в разговор Рыбасов. — Солдаты их не давали. Разве только те,

кто в коптерках околачиваются. Им, видно, за войну, как буржуйам, кое-что перепало. . .

Эти слова вызвали дружный смех в купе.

— Так вы и деритесь, а мы погодим, — добавил пулеметчик.

— Зачем им драться? Обворовывать легче, — вставил солдат с забинтованной головой.

Каптенармус, видя неприязненное отношение к себе, умолк и отвернулся к окну. Вместо него заговорил унтер-офицер в металлических очках, походивший на сельского учителя.

— Будем рассуждать последовательно и без личных оскорблений, — сказал он. — Предположим, что все русские в один день взяли бы покинули окопы и вернулись домой. Что бы это нам принесло? А вот что: немцы захватили бы лучшие наши земли и сели бы русскому мужику на шею.

— А зачем же так, — не сдавался Рыбасов. — Нам с простым немецким солдатом, который из крестьян или там из мастеровых, делить нечего. Мы с ним и сейчас через колючую проволоку мирно разговариваем.

— Но ведь солдатские переговоры никакого значения не имеют.

— Как не имеют? Солдат самая большая сила на войне. Если мы немцу предложим: давай-ка перестанем друг в дружку стрелять, ты пойдешь Кайзера и своих помещиков с буржуями бить, а мы своими займемся, — так и войне конец.

— Нда-а! — произнес унтер-офицер, удивляясь смелости солдатских рассуждений.

Алешин, заметив в проходе долговязого интенданта, прислушивавшегося к разговорам, шепнул Рыбасову, чтобы тот был поосторожнее, но солдат отмахнулся:

— Плевал я на легавых. Вот и Ленин также говорит о войне. Желаете почитать?

Он вытащил из мешка газеты с речью Ленина и стал раздавать солдатам. Подозрительный интендант исчез, но на первой же остановке привел в купе офицера, с комендантской повязкой на рукаве.

— Вон те, — показал он на Алешина и Рыбасова.

— Ваши документы? — потребовал комендант.

Солдаты показали свои командировочные. Комендант, не глядя на бумаги, сунул их в карман и предложил:

— Пойдемте.

— Куда? Здесь не наша остановка, — возразил Рыбасов.

— Без разговоров! — прикрикнул на них офицер. — Подчиняйтесь, когда приказывают.

— Что они такое сделали? За что забираете? — запротестовали солдаты, сидевшие внизу.

— Они агенты немецкие! — сказал интендант. — С листовками на фронт пробираются.

— Чего? Какой я такой агент!? — Рыбасов прыгнул вниз и, приблизившись к коменданту, потребовал: — Чего прячешь командировочные, читай при всех, что там написано!

Другие солдаты тоже повскакали с мест. Комендант, видя, что фронтовики его не выпустят из вагона, вынужден был вслух прочесть командировочные предписания. В них ясно говорилось, что командируемые едут в столицу по решению солдатского митинга.

— Понял, чьи мы агенты! — сжимая кулаки, сказал Рыбасов. — Это у вас тут в тылу шпик на шпике, а мы в окопах страдаем.

Офицеру пришлось вернуть документы, но, уходя, он все же пригрозил:

— Не на этой станции, так на другой снимут.

С ним ушел из вагона и долговязый интендант, он боялся остаться с солдатами.

К вечеру Алешин, Рыбасов и Кедрин доехали до узловой станции, где им нужно было пересест на другой поезд.

Вокзал был переполнен пассажирами. Разузнав, что поезд приходит только ночью, солдаты решили поужинать.

Они вышли на улицу и, отыскав у палисадника свободную скамейку, сбросили свои вещевые мешки.

Кедрин, отвязав котелок, пошел за кипятком, а

Рыбасов и Алешин стали вытаскивать из мешка сухари, воблу, сахар.

Вернувшийся с дымящимся котелком Кедрин сообщил:

— А тот мокрогубый, однако, вместе с нами вышел. Около комендатуры трется.

— Шут с ним, — сказал Рыбасов, решивший, что интендант больше не посмеет к ним пристать.

Фронтовики, размочив сухари и размягчив о края скамейки сухие воблы, принялись ужинать. Но не успели они сделать и несколько глотков, как их окружили солдаты комендантского взвода, обыскали и отвели в комендатуру.

Лысеющий комендант, с набухшими мешочками под глазами, просмотрев газеты и листовки, вытащенные из солдатских мешков, прищелкнул языком и сказал:

— Э-э, тут дело военно-полевым судом пахнет! Придётся вам в тюрьму прогуляться.

С Алешина, Рыбасова и Кедрина в комендатуре сняли поясные ремни и под конвоем повели в другой конец города.

* * *

В Петрограде наступили белые ночи, солнце стало заходить поздно, а сумерки над городом не сгущались. В прозрачном и теплом воздухе всю ночь таинственно мерцал серебристо-голубой свет.

Странный блеск реки, призрачные мосты, повисшие в недвижном воздухе, тишина бледной ночи вызывали у Кати Алешиной, вместе с радостным чувством, тревогу и непонятное желание расплакаться.

Несмотря на трудный день в цехе, на усталость, она каждый вечер ходила к Неве, останавливалась у гранитного парапета и, прислушиваясь к едва слышному звону текущей воды, любовалась красотой, которая должна была исчезнуть при первых лучах солнца, и ждала. Ждала, конечно, его — Васю Кокорева, — но, когда он появлялся, девушка делала вид, что она здесь случайно. Ей не хотелось созна-

ваться в своей слабости. Застенчивость заставляла ее вести себя вызывающе. Однажды, словно удивясь, Катя даже спросила:

— Чего ты каждый вечер сюда ходишь?

— А ты? — поинтересовался он.

— Чтобы посмотреть на тебя, глупого, — смеясь, ответила она.

— Ну и притворы же вы, девчонки. По пяти лиц у каждой.

— Мало насчитал, больше!

Постепенно Катя привыкла к такому тону в разговоре с Васей. Ее забавляло его смущение. Правда, порой Вася пугал ее своей угловатостью и резкостью, но чаще всего девушка видела его иным: робким и покладистым.

Чтобы не показаться ей глупым и скрыть свое простодушие, Василий старался выглядеть бесшабашным заставским парнем, которому по душе острая словесная перепалка. Он делал вид, что ходит на правый берег Невы лишь побалагурить и пошутить. Хотя сам готов был не есть, не спать, лишь бы встретить Катю.

На работе, в клубе и во время патрулирования он думал о ней. Иногда сердился на Катю и говорил себе: «Хватит, больше не пойду! Нельзя же столько времени тратить на девчонку! Надо бежать от нее. Довольно!»

Одни сутки Василий стойко выдерживал, но к вечеру другого дня, словно одержимый, опять садился в трамвай и ехал через весь город к Неве.

Наконец он набрался храбрости и сказал ей как бы невзначай:

— Я, кажется, тебя люблю.

— Ну и вкус же у тебя! — заметила она. — Что ты нашел во мне?

А глаза ее говорили: «Чудеса! Откуда у тебя столько смелости?»

— Честное слово, я не шучу, мне трудно день побыть без тебя...

— Не выдумывай! — перебила она его. — Ну, что тебе взбрело в голову?

А глаза ее требовали: «Говори... говори! Ну, чего ты замялся?»

— Скажи ты слово, шевельни бровью, — продолжал Вася, — а для тебя хоть в Неву!

— А ну! — произнесла она насмешливо, не веря в то, что он говорит серьезно.

Василий вскочил на гранитный парапет и выжидающе смотрел на нее.

— Что же ты? Испугался холодной воды!? — спросила Катя как бы удивленно.

Он прижал руки к бокам, как это делают мальчишки, прыгая «солдатиком», и, шумно влетев в воду, скрылся с головой в волнах.

У Кати захватило дыхание. Девушка не думала, что ее нелепое желание будет выполнено с такой безрассудной поспешностью. Она всматривалась, где же он покажется, и чувствовала, как сердце сжимается от страха: «А вдруг не выплывет, утонет? Что же я буду делать?»

Проходили секунды, а его все не было видно. Охваченная отчаянием, она просила:

— Перестань, Вася! Не смей так шутить!

Юноша умышленно проплыл под водой метров десять и вынырнул в тени у гранитной стенки набережной. Катя не замечала его. Он слышал, как она испуганно окликает его и по плачущему голосу понял, что Катя сейчас закричит на всю набережную, созывая людей на помощь. Он шумно отфыркнулся и произнес:

— Ух, как холодно!

— Ой!.. А я уже перепугалась... думала утонул. Какой ты противный! — смеясь и плача, заговорила она. — Плыви скорей к спуску... Он там, дальше!..

В отяжелевшей одежде плыть было не легко. Хорошо, что причальный спуск с гранитной лесенкой находился ниже по течению реки. Пока Вася добирался до него, Катя спустилась к воде и, всхлипывая, шмыгая носом, как нашкодившая девчонка, ждала его. Она подала ему руку, помогла вскарабкаться на скользкие камни, а затем, бессвязно го-

вора: «Глупый, зачем ты? Я и так верю. Ты мне ближе всех... я чуть с ума не сошла!» — принялась целовать его теплыми, солоноватыми губами.

Утерев мокрыми пальцами глаза Кате, Вася потянул ее за нос и сказал:

— Перестань разводить сырость, я и так промок до нитки. Мне надо выжать одежду.

— Снимай, я помогу тебе, — предложила она.

Василий с трудом стянул с себя рубашку с тельником и отдал их Кате.

Девушка набросила на него свою жакетку и убежала по лесенке наверх.

Василий разулся, вылил из ботинок воду, сбросил с себя одежду и стал выжимать ее.

Вечер был прохладным. Кожа на его теле стала пупырчатой, как у ошипанного гуся. Внутри все так сжалось, что трудно было дышать. Пришлось быстрее натянуть на себя набрякшие влагой и холодом брюки.

Когда Василий стал обуваться, вниз спустилась Катя и стала помогать ему натягивать тельник. Василий, чтобы не показать девушке, как он дрожит, стиснул зубы. Но от этого вдруг икнул и испуганно скосил глаза на Катю. Та сделала вид, что ничего не слышала, и стала торопить его:

— Одевайся скорей!

Надевая косоворотку, Василий вновь икнул.

— Ты простудился, — сказала Катя.

— Нет, я просто... — и он опять икнул два раза.

Это было так забавно, что оба расхохотались. Любопытные пешеходы, остановившиеся было взглянуть на происходящее, испуганно шарахнулись в сторону. Они приняли их за сумасшедших.

Катя схватила Василия за руку.

— Бежим! — предложила она. — Тебе надо согреться.

Они побежали к Сампсониевскому мосту, пересекли Невку. В переулке Василий придержал девушку и спросил:

— Куда ты?

— К нам, — ответила она. — Твою одежду надо утюгом высушить!

— Но у вас же все спят?..

— Молчи! — приказала она и потянула его за собой.

Добежав до Катиного дома, они поднялись на второй этаж. Девушка открыла дверь своим ключом и провела Василия на кухню.

— Посиди здесь, — сказала она шепотом. — Я сейчас сухое достану.

Сняв туфли, она ушла в одних чулках и вскоре вернулась с отцовским бельем и брюками.

— Иди в ванную и перемени все.

Пока Вася переодевался, Катя успела поставить на спиртовку небольшой кофейник, насыпала углей в духовой утюг и стала разогревать его.

Из ванной юноша вернулся в кухню босиком. Рубашка и брюки Дмитрия Андреевича были ему впору, но немного широковаты. Катя усадила его за стол и шепнула:

— Сейчас я напою тебя горячим.

— Ничего, я уже согрелся.

— Не ври, ты еще дрожишь. Выпей кофе, он настоящий, от пристава сохранился.

Кофе действительно был ароматным и крепким. Василий даже покраснелся.

Только сейчас, в серебристо-голубом свете белой ночи, Катя разглядела, как он похудел и осунулся за последнее время. «Это из-за меня, — подумала она. — Он каждый день возвращается пешком и, наверное, не высыпается».

— Ты видишь сны? — вдруг спросила она у него.

— Нет, не успеваю. Едва сомкну глаза, а бабушка уже тормозит: «Вставай, Васек, пора».

— Пока я буду подсушивать и гладить, ты можешь пойти в комнату и лечь на мою оттоманку, — предложила Катя.

— Не до сна теперь. Скоро, наверное, трамваи пойдут.

— Тогда дай слово, что сегодня вечером ты пораньше уляжешься спать.

- А когда же мы увидимся?
— Завтра или послезавтра.
— Нет, завтра, — потребовал он.

Уходя, Василий задержался у дверей, — трудно было расставаться. И Кате захотелось, чтобы на прощанье он ее поцеловал. Но, когда Вася потянулся к ней, девушку вдруг охватило смятение: она готова была оттолкнуть его и убежать. Но почему-то не сделала этого, а сама прильнула к его губам.

* * *

Радостное чувство не покидало Катю весь день. Вечером, когда она пришла в райком, Наташа изумилась:

- Что с тобой? Ты сегодня какая-то...
— Ненормальная, да? — подсказала ей Катя.
— Вроде.
— Понимаешь, он любит меня, — шепотом сообщила она.
— Вот так открытие! Это давно всем было видно. Странно, что ты не замечала.
— Но вчера он сам признался.
— Удивительная храбрость! — не без иронии сказала Наташа.

Дома Катю ждала недобрая весть: пришло письмо от отца, в котором он намеками сообщал, что опять попал в тюрьму и не знает, скоро ли вырвется из нее.

«Очень хочется, — писал он в конце, — чтобы наши друзья хотя бы из газет узнали, почему мы не можем передать им привет из Питера. Если сумеешь, пошли им такую газету. Пусть почитают и покурят за наше здоровье. Одну отправь Никите Поводыреву, другую — Алексею Агашину, третью — Ерофею Лешакову. Надеюсь, что ты, как всегда, будешь умницей.

Крепко обнимаю мою дорогую.

Поцелуй за меня мать и бабушку.

Твой отец».

Захватив письмо, Катя поспешили к Гурьянову. Тот еще не спал. Он внимательно прочел послание Дмитрия Андреевича.

— Нда, не везет ему, — задумчиво произнес Гурьянов. — Нам мешкать нельзя, надо сегодня же сходить в «Солдатскую правду».

Захватив несколько листов почтовой бумаги, Гурьянов надел кепку и пошел с Катей на Петроградскую сторону.

В редакции «Солдатской правды», несмотря на поздний час, в комнатах еще толпился народ. Катю и Гурьянова принял бритоголовый сотрудник редакции, с припухшими и усталыми глазами. Внимательно выслушав их, он взял письмо, сходил с ним в соседний кабинет и, вернувшись, сказал:

— Редактор согласен. Попробуем двух зайцев убить: солдат известить и Керенского потревожить.

Он сам составил небольшую заметку, в которой редакция спрашивала у военного министра: почему не вернулись в окопы три фронтовых делегата? За что арестованы Дмитрий Алешин, Кузьма Рыбасов и Федул Кедрин? Не собирается ли командование ввести старые порядки в армии?

На другой день заметка была напечатана.

* * *

Члены солдатского комитета — Поводырев, Агашин и Лешаков — накануне наступления получили одинаковые письма:

«Дорогой товарищ!

От Дмитрия Андреевича мне стало известно, что у Вас нет курительной бумаги и что Вы рады пустить на закрутки газету. Посылаю Вам «Солдатскую правду». Прочтите и покурите за здоровье Рыбасова и Кедрина.

Катя Алешина».

В том же конверте находилась аккуратно сложенная «Солдатская правда».

«Кто эта Катя? И кто ей наговорил, что у нас нет курительной бумаги? — задумались солдаты. — Откуда она знает Рыбасова и Кедрина? А не дочь ли это Алешина? Его Дмитрием Андреевичем зовут. Видно, газета прислана неспроста».

Сойдясь в блиндаже, они вслух стали читать «Солдатскую правду» и вскоре наткнулись на заметку, из которой узнали, что посланные в столицу товарищи арестованы.

— Надо выручать их, — сказал Лешаков. — Давайте завтра же соберем митинг и потребуем, чтобы их выпустили.

Глава девятнадцатая

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

От Дмитрия Андреевича писем больше не было. Катю это тревожило.

— Не случилось ли с ним чего-нибудь худшего? Говорят, — в армии снова вводятся расстрелы. Неужели их судить будут?

— Выжидать нельзя, надо что-то предпринимать, — сказал Василий. — Может быть, сходим в редакцию? Там подскажут, как быть.

— Идем, — согласилась Катя.

В редакции «Солдатской правды» Катя отыскала знакомого ей бритоголового сотрудника. Он пригласил их сесть к столу, поинтересовался:

— Ну как, помогла заметка?

— Не знаю. Я отослала газету отцу и его товарищам. Но ответа нет. Вот пришла узнать, что еще делать.

— Я бы на вашем месте сейчас ничего не предпринимал, — сказал тот. — Не сегодня — завтра решится главное. Вы, наверное, слышали, что министры буржуазных партий вышли из состава правительства? Этим маневром они хотят снять с себя вину за провалившееся наступление на фронте. Все было авантюрой. Загублено более пятидесяти тысяч сол-

дат. Буржуазные газеты уже трубят, что во всем виноваты социалисты, разложившие армию... Сегодня солдаты пулеметного полка, которых хотят убрать из столицы, взбудоражили весь город. На одном только «Путиловце» они собрали больше двадцати тысяч народу. Если удастся убедить Всероссийский Исполнительный комитет покончить с двоевластием, то вам беспокоиться нечего, — отец скоро вернется. Так что следите, как развернутся события.

Поблагодарив его за совет, Катя потянула Василия на улицу, а там сказала:

— У вас, оказывается, митинг, а ты со мной. Сейчас же поезжай. И мне надо на завод.

Они вместе пошли к трамвайной остановке. Катя так торопилась, что последние полсотни шагов вдруг понеслась бегом и на ходу вскочила в отошедший трамвай. Лишь в вагоне она вспомнила, что они не уговорились о встрече, и, выглянув с площадки, крикнула:

— Приходи пятого в восемь!

Катя видела, как Василий помахал ей рукой, но не расслышала, что он ответил.

Василий, перебежав на другую сторону улицы, с трудом уцепился за поручень переполненного трамвая, уперся ногой в выступ у буфера и, так вися, поехал.

Только в десятом часу он попал на «Путиловец». Главные ворота оказались раскрытыми настежь, а заводской двор был переполнен возбужденными людьми. На митинг, видимо, сошлась вся Нарвская застава. Здесь были и текстильщики, и матросы, и гренадеры. Ораторы сменялись один за другим. Многие требовали без промедления идти к Таврическому дворцу. Толпа встречала эти предложения гулом одобрения, а тех, кто возражал, осистывала.

В одиннадцатом часу вечера распространился слух о том, что рабочие Выборгской стороны уже перешли Неву и движутся по Литейному проспекту. Эта весть еще больше взбудоражила путиловцев.

На трибуну взбежал рослый матрос. Замахав бескозыркой, он выкрикнул:

— Кто за выступление, — поднимай руку!

Над головами поднялось море рук.

Митинг кончился сам по себе. Люди бурным потоком хлынули на улицу и двинулись к центру города.

В столице еще не кончились белые ночи. Голубой сумрак окутывал улицы. Фонари нигде не горели.

По пути нарвцы останавливались у заводов, снимали с работы ночные смены и шли дальше.

Василий, стараясь разыскать Дементия или Савелия Матвеевича, пошел вдоль рядов. Он попытался оглядеть всю колонну, растянувшуюся почти на версту, но конца ее не увидел.

«Ну и народу! — подумал он. — Неужели и теперь власть не будет нашей?»

Уже был второй час ночи, когда нарвцы подошли к Таврическому дворцу. Солдаты, толпившиеся на площади, расступились и пропустили их вперед.

Путиловцы, плотным полуколосьем оцепив дворец, послали своих представителей на заседание Исполкома.

В зале было жарко и накурено. Разморенные депутаты снимали пиджаки. Многие из них сидели без галстуков, с расстегнутыми воротниками. Нарвцы прошли к президиуму и потребовали слова.

— Больше двадцати тысяч путиловцев сейчас находятся у Таврического дворца, — сказал один из них. — Мы не уйдем отсюда, пока вы не арестуете министров Временного правительства и не возьмете власть в свои руки.

Меньшевики и эсеры, сидевшие в президиуме, стали перешептываться:

— Поток делегаций — работа большевиков. Они умышленно возбуждают народ... хотят силой принудить нас взять власть.

— Да, конечно, без большевиков не обошлось. Но мы не можем подчиняться крикунам. Это приведет к гибели: мы будем изолированы от либеральной буржуазии, а позже — отброшены.

— Надо вызвать охрану и запретить всякие демонстрации.

Пообещав путиловцам рассмотреть вопрос о правительстве, председатель вручил им постановление о немедленном прекращении демонстрации.

Путиловцы не желали расходиться. Они готовы были стоять на площади всю ночь, но добиться своего.

В четвертом часу начал накрапывать дождь. Укрываясь от него, Василий пробрался в обширный вестибюль дворца и там увидел Савелия Матвеевича и Дементия.

— А-а, пропавшая душа, явился! — сказал старый кузнец. — Что-то ты, брат, от рук отбился?

— Да я вас все время искал, — попытался оправдаться Василий, но Савелий Матвеевич перебил его:

— Ладно, потом у попа исповедоваться будешь. Держись около Дементия. Может быть, понадобится.

Оставив парней, Лемехов ушел. Василий спросил у Дементия:

— Чего вы тут ждете?

— Наши опять пошли требовать ответа. Да, видно, толку не будет. Я бы на их месте подобрал тыщонку ребят покрепче, закрыл все ходы и выходы и сказал депутатам: «Хотите брать власть, — засейте, а не хотите, — марш отсюда! Найдем людей поумней».

Вскоре вернулся Савелий Матвеевич; он был сердит.

— Пошли, — сказал старик парням. — Демонстрацию решено до завтра отложить.

* * *

В шестом часу утра Кронштадт был разбужен продолжительным гудком Пароходного завода.

Несмотря на ранний час, почти все население города, как только слышались звуки оркестров, высыпало на улицы, чтобы проводить отъезжающих в столицу.

Матросы шли к пристани в разглаженных белых

форменках, с белыми чехлами на бескозырках. Многие из них были вооружены винтовками либо револьверами, упрятанными в кожаные и деревянные кобуры, свисавшие у правого бедра. Моряки несли знамена и плакаты, требующие всей власти Советам.

На пристани собралось много народу; было ясно, что всех на пароходы не погрузишь. Посадку производили с отбором. Один за другим отваливали от пристани низко осевшие пароходы и, выйдя в залив, брали курс на Петроград.

Море в это раннее утро было на удивление спокойным. Форштевни пароходов, словно плуги, разваливали на стороны гладкую поверхность залива, оставляя за собой пенистые следы, над которыми кружились белые чайки.

Идя без всякого порядка и строя, пароходы развили предельную скорость и часа через два доставили кронштадтцев на Васильевский остров.

Выйдя на берег и построившись вдоль Невы в длинную колонну, матросы с двумя оркестрами двинулись по Университетской набережной через Биржевой мост на Петроградскую сторону.

Подойдя к зданию Центрального Комитета большевиков, кронштадтцы, не нарушая походного порядка, остановились. Приветствовать их вышли на балкон Яков Свердлов и Анатолий Луначарский. Луначарский сказал небольшую речь. Матросы знали его и слышали не раз. Сегодня им хотелось увидеть Владимира Ильича, и они стали спрашивать:

— А где товарищ Ленин?

— Ему нездоровится, — ответил Свердлов.

— Пусть скажет хоть несколько слов, — настаивали матросы.

Они послали к Владимиру Ильичу делегатов. Вскоре Ленин появился на балконе. Матросы встретили его бурными аплодисментами.

Вид у Владимира Ильича был усталый; говорил он негромко. Передав сердечный привет от пролетариев Петрограда, он рассказал о происходящем в столице и призвал моряков не горячиться, быть

бдительными; еще не наступило время для вооруженной борьбы.

Если бы балтийцы знали, что им не скоро удастся вновь увидеть и услышать Ленина, то они бы тут же сказали ему: «Уходи с нами на корабли, мы тебя грудью отстоим». Но это и в голову никому не приходило. И Владимир Ильич с такой уверенностью сказал о скорой победе, что они дружно закричали «ура», а оркестры грянули «Интернационал».

* * *

К Таврическому дворцу со всех концов города потянулись колонны демонстрантов с флагами и плакатами.

Путиловцы шли под охраной своей Красной гвардии. По пути к ним присоединились военные моряки. Среди них были авроровцы. Дема издала узнал своего брата.

— Пойдем к матросам, — сказал он Васе. — Я тебя с Филиппом познакомлю

— Пошли.

Пробежав вдоль колонны, юноши пристроились к морякам. Филипп Рыкунов, увидев вооруженного винтовкой брата, изумился:

— Дементий! Вот не ожидал. Да ты никак в Красной гвардии?

— А то как же! — не без бахвальства ответил тот. — Не гожусь, что ли?

— Годишься. С твоим ростом не то что в гвардейцы, а на любой линкор примут.

Братья обнялись. Филипп почти на голову был ниже Дементия, но по его плотной, жилистой фигуре и открытой загорелой шее чувствовалось, что моряк обладает не меньшей силой. Знакомя товарищей с Дементием, он говорил:

— Младший братишка, молотобойцем на «Путиловце».

— В общем, не попадайся под руку, — пошутил один из матросов. — Надо к нам на флот взять.

Братья пошли рядом.

— Ну, как там дома? — спросил Филипп. — Отец такой же злой, как и был?

— Еще хуже стал. Если бы не маманя, я бы давно из дому ушел. Другой раз даже ночевать не иду, вот у Васи сплю. Да, — спохватился он и повернулся к шагавшему позади Кокореву. — Познакомься: мой товарищ... вместе у Савелия Матвеевича работаем.

Моряк крепко пожал юноше руку.

— Очень рад. А где же ваш старик?

— Вон там впереди!

За разговорами они не заметили, как подошли к Сенному рынку. Вдруг откуда-то сверху раздались выстрелы, похожие на щелканье бича. Несколько демонстрантов, шедшие впереди, упали на мостовую, а остальные кинулись к панелям и стали жаться к домам. Колонна рассыпалась.

— Откуда это стреляют? — не мог понять Филипп Рыкунов.

— С колокольни бьют, — догадался Вася, заметивший взлетевших над церковью голубей.

— Правильно! А ну, за мной!

Они втроем побежали к церкви. За ними ринулись еще несколько человек.

Главный вход был закрыт. Матросы принялись кулаками и прикладами барабанить в массивную дверь. Им долго не открывали, потом изнутри послышалось:

— Кто тут?

— Открой, а то взломаем!

В замке заворочался ключ, и дверь слегка приоткрылась.

— Чего вам? — спросил человек с белесой бородкой. — Богослужения сегодня не будет.

Старший Рыкунов схватил его за грудь, вытащил на папёрть и потребовал:

— Говори, — кто стрелял в народ?

— Не знаю, милый... Не знаю.

Губы у сторожа тряслись, глаза суетливо бегали.

— Врешь!

— Ей-богу, чтоб мне провалиться! — начал

клясться тот и уже хотел было опуститься на колени. Но матрос встряхнул его и толкнул в церковь.

— Показывай, где у вас здесь с оружием!

— Да что вы, господи! Там какие-то... для охраны... Я их не впускал. Они самовольно...

— Показывай, где они!

— Да вы сами в ризницу и на колокольню загляните, — шепотом подсказал сторож.

С улицы подошли еще моряки и путиловцы. Одни двинулись на колокольню, другие стали обыскивать церковь. В ризнице матросы обнаружили двух военных, торопливо надевавших на себя расшитые парчой одеяния.

— А ну, кончай комедию... руки вверх! — приказал бородатый моряк с тремя нашивками боцманмата.

Пойманные, подняв руки, опасливо озирались, точно боялись, что их кто-нибудь ткнет штыком.

— Кто такие?

— Ведите нас в Главный штаб. Здесь ничего не скажем.

Отобрав у арестованных пистолеты, моряки содрали с них церковные одеяния, скрутили руки за спины и связали найденными здесь же шнурами.

— Выводи на улицу, — сказал бородатый боцманмат. Ткнув пальцем в Васю Кокорева, он добавил: — Тебя назначаю старшим конвоя.

Путиловцы вывели арестованных на площадь. Нарвская колонна демонстрантов уже прошла далеко вперед. Ее хвост виднелся у Апраксина рынка. Неожиданно и там, впереди, открылась стрельба.

— Опять по колонне бьют, — определил боцманмат. — Конвойным остаться, остальным за мной! — крикнул он и побежал в сторону Невского.

За ним устремились все матросы. И Дементий побежал за братом. С арестованными остались Василий Кокорев, Ваня Лютиков и рыжеволосый Шурыгин.

— Что будем делать? Отпустим, что ли? — спросил Шурыгин, желавший скорее отделаться от пленников.

— Н-нет, отпускать нельзя, — возразил Лютиков. — Лучше отведем в церковь и з-запрем.

— Их оттуда выпустят, — сказал Кокорев. — А таких сволочей расстреливать надо. Где здесь милиция? — спросил он у дворника, вышедшего из ворот.

Тот объяснил, как пройти к ближайшему отделению милиции.

Путиловцы, подталкивая пленников прикладами, погнали их за торговые ряды.

Начальник отделения милиции — высокий краснотлицый детина, похожий на мясника, — не пожелал принимать арестованных.

— Не имеем права забирать военных, отведите их в комендатуру.

— Как не имеете права, когда они в людей стреляли? Вы обязаны задержать и протокол составить, — настаивал Кокорев.

— Ничего я не обязан.

Видя, что с этим тупым человеком спорить бесполезно, путиловец потребовал:

— Тогда вызовите конвойных из военной комендатуры.

— Вот это можно, — согласился начальник отделения милиции и пошел звонить по телефону в соседнюю комнату. Оттуда слышно было, как он крутил ручку аппарата и кричал: «Алле... Алле».

Неожиданно с улицы вошли церковный сторож и с ним долговязый человек в плаще-накидке и таких же офицерских сапогах, какие были на арестованных.

«Мокруха, — узнав его, удивился Кокорев. — Не связан ли он с этими типами?»

Аверкин, беглым взглядом окинув путиловцев и их пленников, без всякого стука открыл дверь в кабинет начальника милиции, пропустил в нее сторожа и прошел сам.

«Надо бы и его задержать», — решил Кокорев. Он поднялся и, велел товарищам зорче следить за арестованными, приоткрыл дверь в кабинет.

Увидев его, начальник отделения рывкнул:

— Нельзя... закрыть!

Но Кокорев решительно шагнул в комнату.

— У меня важное заявление, — сказал он.

— Какое еще заявление?! — багровея, заорал милицейский и пошел навстречу, с явным намерением выставить Кокорева за дверь.

— Задержите этого типа, — потребовал Василий. — Он провокатор.

— Чего? — как бы не расслышав, переспросил начальник отделения. И вдруг, неожиданной подножкой и ударом в грудь, сбил Василия с ног.

— На помощь! — крикнул Кокорев товарищам, стараясь вырваться из сильных рук. Но на него набросились Аверкин и второй милиционер. Втроем они заткнули юноше рот, обезоружили его и связали.

Товарищи, видимо, не слышали крика Кокорева, потому что из общей комнаты никто не отозвался.

Начальник отделения, вызвав трех милиционеров, начал договариваться, как обезвредить путиловцев.

Вскоре из общей комнаты послышались крики и шум борьбы.

* * *

Кронштадтские моряки, пройдя с музыкой по Невскому, повернули на Литейный проспект.

Когда голова кронштадтской колонны стала приближаться к Кирочной улице, последние ряды ее внезапно были обстреляны из пулемета. Кто стрелял, установить было трудно, так как матросы подняли ответную стрельбу.

— Ложись! — кричали солдаты морской пехоты.

— Стой! — требовали начальники колонны. — Без паники!

Демонстрация смешалась. Одни попадали, другие кинулись врассыпную к подъездам, под арки ворот, в подвальные магазины. На панелях началась давка. А матросы, оставшиеся на мостовой, продолжали беспорядочную стрельбу по невидимому врагу.

На проспект откуда-то выкатил броневик. Он стал водить стволом пулемета по этажам домов, как бы отыскивая цель.

Стрельба стихла. Вокруг слышались стоны раненых. Матросы подняли с мостовой окровавленного, с выбитыми глазами солдата и понесли на руках, чтобы все видели жертву обстрела.

— Лови подлецов... бей их!

Некоторые моряки кинулись к домам, разыскивать провокаторов, стрелявших из окон, остальные — лавиной, без всякого строя, двинулись дальше.

Впереди цепью шагали обозленные матросы с винтовками наперевес и зычными голосами предупреждали любопытных обывателей.

— Закрой окна!.. Стреляем без предупреждения!

Грозным и бурным потоком кронштадтцы подошли к Таврическому саду. Здесь они подравняли ряды и выстроились в длинную колонну.

На Шпалерной улице и за решеткой сада толпились тысячи возбужденных рабочих и солдат. Послышались голоса:

— Матросы идут... пропусти матросов!

Огромная толпа, густо запрудившая улицу перед дворцом, стала сжиматься, освобождая проход.

Грянул оркестр. Моряки, четко печатая шаг, подошли к железным воротам массивной решетки и остановились.

Таврический дворец охранялся юнкерами и казаками. Бронированные автомобили настороженно стояли по углам и угрожающе водили стволами пулеметов.

Руководители демонстрации, выбранные для переговоров, ушли во дворец, а матросы, закрутив мажорчные сигарки, остались ждать.

Минут через сорок делегаты кронштадтцев вернулись возмущенными:

— Соглашатели назвали нас мятежниками и потребовали, чтобы мы ушли отсюда, — сообщили они. — Оказывается, по их сведениям, это мы подняли стрельбу в городе. Уже подписан приказ о вызове войск с фронта... Они хотят усмирить нас.

— Гнать их! Довольно церемониться с предателями! Долой соглашателей! — закричали матросы.

Но выступать против заседавшего во дворце Всероссийского исполнительного комитета и войск, вызванных им, было безумием. Ведь матросы пришли требовать всей власти Советам. И вдруг Советы против них!

Центральному Комитету большевиков пришлось принять срочные меры: объявить демонстрацию законченной и просить солдат и матросов не противиться приказу, а мирно разойтись по кораблям и казармам.

Моряки вняли просьбам, но в Кронштадт не вернулись, а решили остаться на ночевку в Петрограде. Большинство отправилось на Васильевский остров в Морской корпус и Дерябинские казармы, а остальные — на Петроградскую сторону, в Петропавловскую крепость и в здание Центрального Комитета большевиков.

Иустин Тарутин попал на Петроградскую сторону. Во дворце Кшесинской к нему подошел сигнальщик с «Океана» Андрей Проняков и не без иронии спросил:

— А ты какими судьбами тут?

— Тобой полюбоваться на сухую вахту пришел, — хмурясь, ответил тот. — От своих отбился.

— Прямо не верится: анархист и вдруг... охраняет Центральный Комитет большевиков. Чудеса!

— Ладно, будет, без тебя тошно!

Видя, что Иустин сильно расстроен событиями прошедшего дня, Андрей Проняков больше не задевал его.

Они вместе побывали в патруле, а сменившись, прошли в помещение, бросили на пол по пачке газет и улеглись спать.

Утром их разбудил тревожный разговор в соседней комнате. Говорил человек, который только что на лодке переправился через Неву.

— Все мосты разведены. На Дворцовой площади скапливаются георгиевские кавалеры... город наводнен войсками. Газеты призывают беспощадно подавить большевистский мятеж. А наша «Правда» не вышла...

И он рассказал, как ночью в редакцию большевистской газеты на Мойке ворвались юнкера, арестовали сотрудников и разгромили помещение.

На всякий случай моряки стали готовиться к обороне: послали связных к товарищам, ночевавшим в Петропавловской крепости, выставили дозоры у памятника «Стерегущему», на набережной Невы, и начали устанавливать пулеметы в окнах особняка и в его каменной беседке.

Один из кронштадтцев решил позвонить на морской полигон и попросить прислать несколько легких пушек, но телефонистка отказалась соединить его с артиллеристами.

— Мы объявили вам бойкот! — визгливо выпалила она. — Как не стыдно получать от немцев деньги и бунтовать!

— Чего, чего?! Да вы никак, дурехи, белены объелись? Чья сорока эту брехню на хвосте принесла?

Неделикатные слова балтийца оскорбили слух телефонной «барышни». Вздвинувшись еще больше, она обозвала моряка шпионом, мерзавцем и рывком выключила телефон.

— Вот так так! Даже «барышни» против нас.

Вскоре дозорные сообщили, что и на Петроградской стороне появились казачьи разъезды.

— Первыми никого не трогать, — договорились моряки. — Стрелять только по команде.

К вечеру стало известно, что эсеры, игравшие небольшую роль в штабе военного округа, решили проучить моряков. Они готовили к бою войска Пятой армии, прибывшие с фронта. Чтобы предотвратить бессмысленное кровопролитие, Центральный Комитет большевиков вторично известил кронштадтцев о том, что со вчерашнего дня демонстрация считается законченной, и предложил им вернуться на остров Котлин.

Моряки, ночевавшие на Васильевском острове, без разговоров погрузились на пароходы и отправились в Кронштадт, а те, что разместились в Петропавловской крепости и во дворце Кшесинской,

не могли пройти к пристаням, так как все мосты были разведены. Матросы еще на одну ночь застряли на Петроградской стороне.

Ночью к Петропавловской крепости подходил паровой катер; он мог взять на борт немногих. Но кто же из моряков покинет товарищей в беде? Таких не оказалось.

— Если нападут, будем драться, — сказали они. — А вы там не забывайте нас. В случае чего — десант высаживайте.

На рассвете моряки увидели, как по дальним мостам переправляются сухопутные войска.

— Нас окружают, — поняли они.

Во дворце Кшесинской немедленно была объявлена боевая тревога. Все разошлись по своим местам, и, в ожидании нападения, никто больше не спал.

Утром неожиданно зазвонил умолкнувший телефон. Подбежавший дежурный услышал в трубке надменный голос помощника командующего войсками Петроградского военного округа эсера Кузьмина:

— Немедленно сложить оружие. Если через три четверти часа не выполните приказания, по особняку Кшесинской будет открыт артиллерийский огонь.

Из крепости прибежал запыхавшийся связной.

— Приказано всем сняться с якоря и перейти к нам, — доложил он.

— Есть, — сказал дежурный, — будет исполнено. — Он протяжно свистнул в боцманскую дудку и выкрикнул: — А ну, братва, живо снять пулеметы и... форсированным в крепость!

Никто не стал возражать. Быстро сняв пулеметы, матросы небольшими группами стали покидать дворец Кшесинской. Они огибали бульвар, пересекали Каменноостровский проспект, пробегали по деревянному мосту через Кронверкский пролив и скрывались под аркой Иоанновских ворот крепости.

За толстыми стенами Иоанновского рavelина шла спешная подготовка к обороне: солдаты и матросы прямо на валу устанавливали пулеметы.

Тарутин и Проняков были направлены на Зотов бастион. Он находился в северо-западной части крепости. Чтобы попасть в него, надо было пройти в другой конец мимо собора и Монетного двора.

На валу Зотова бастиона росли редкие деревца, кустики бузины и так заманчиво зеленела трава, что хотелось прилечь, вытянуться под теплыми лучами солнца и хоть на часок сомкнуть глаза.

Внизу, почти под самой стеной, поблескивала зеленовато-темная вода неширокого Кронверкского канала. Прямо за ним виднелись каменные здания, справа — густо покрытые листвой деревья парка, а слева — «Американские горы» Народного дома и сетчатые клетки зверинца. Звери, видно, голодали, так как с той стороны то и дело доносился тягучий вой, тьяканье, рык, похожий на раскаты грома, и могучий всезаглушающий рев.

— Слон трубит, — определил Тарутин. — Говорят, он пудами овощи и хлеб жрет. А нам с тобой хоть бы полбуханочки. Живот здорово подвело: со вчерашнего утра ничего не ел.

— Нда-а, — протянул Проняков. — Сейчас бы тепленького ржаного хлеба с прокладочкой из сала. Вкуснота!

— Знаешь что? .. — вдруг решил Тарутин. — Ты тут поглядывай, а я мигом обернусь! Не видал, где камбуз?

— Нет, не примечал. Ты у солдат спроси, может, чайная или тайная лавочка есть. Вот тебе деньги.

— Не надо, — отказался Иустин. — Своих хватит.

Он спустился вниз и скрылся за каменными строениями. Проняков, присев на корточки, стал зорко поглядывать по сторонам. Минут через пять он приметил движение в парке: вдаль от дерева к дереву перебежали солдаты. В руках у них были винтовки, а за спинами горбатились ранцы.

«С фронта прибыли, — догадался Проняков. — Неужто воевать с ними придется? Ничего глупей не придумаешь! Они ведь хотят того же, чего и мы. Вот подлецы соглашатели, все запутали!»

— Эй, за пулеметом, не зевать! — крикнул он соседям.

— Видим, — ответили пулеметчики. — Пугнуть бы надо, чтоб близко не подходили!

— Но-но! Я вам пугну! — послышался снизу грозный голос. — Без команды — ни одного выстрела.

* * *

Войска Временного правительства, обойдя Петропавловскую крепость с востока и запада, стягивали вокруг нее плотное кольцо. Они подходили все ближе и ближе. Уже был занят парк, заполнены прилегающие улицы и проспекты.

Матросы сумрачно наблюдали за подготовкой противника к осаде.

Многие нет-нет да поглядывали в сторону моря: не покажутся ли на Неве дымы кораблей, идущих на помощь. Но широкая река была пустынна.

К Иоанновским воротам подошел парламентар. Размахивая белым флажком, он выкрикнул:

— Эй, в крепости! Вышлите для переговоров своих парламентаров. На размышления даем полчаса.

Парламентар ловко повернулся кругом, звякнул шпорами и ушел.

Осажденные выбрали для переговоров трех человек. Но к ним присоединились еще офицеры из гарнизона крепости. Они вместе прошли сквозь цепи войск и скрылись за деревьями парка.

Переговоры велись долго. Наконец парламентары появились на улице. Они возвращались в крепость нахмуренными и с какими-то незнакомыми морщинами на лбу.

— Все ясно... Сдаваться! — определил Иустин Тарутин. — Ораторов для уговора ведут. У-у, трусы. Весь флот опозорят. Но я никому не подчинюсь и оружия не сдам. Без меня позорьтесь.

— Что же ты, один воевать будешь? — спросил Проняков.

— Буду, — упрямо ответил Иустин. — Не испугаюсь!

Он зарядил винтовку обоймой, сел в тень под куст и, сердито сверкая глазами, закурил.

— Слушай, Иустин, давай без глупостей! — сказал Андрей. — Ты же моряк и понимаешь, что без дисциплины нашему брату невозможно.

— И ты туда же! — перебил его Тарутин. — В уговаривающие записался?

Андрей чуть было не вспылil, но удержался и ответил с укором:

— Уговаривать дурней не такое уж большое удовольствие, но напомнить я обязан... из-за мелкого желания покобениться нельзя подводить товарищей. Подчиняйся большинству. Прошу только одного: посиди тут, пожалуйста, без всяких фокусов, а я мигом вернусь.

— Ладно, катись...

Оставив Тарутина, Проняков пошел к Петровским воротам. У Меньшикова бастиона он увидел митингующих. Там дело уже дошло до голосования. Большинство согласилось подчиниться призыву большевиков и сдать оружие.

Вскоре в крепость въехали два грузовика и остановились посреди двора. В их кузова полетели винтовки, шашки, палаши, револьверы, пулеметные ленты. Многие матросы бросали винтовки без затворов, револьверы без барабанов.

Проняков, боясь, что взбешенный Тарутин натворит без него глупостей, бросил свою винтовку в общую кучу и поспешил к Иустину, забрать его оружие. Но тот заартачился:

— Не отдам! Пусть ни мне, ни им.

Схватив свою винтовку, он вышел на стену и закинул ее в Кронверкский залив. Туда же полетели и подсумки с патронами. Потом он вытащил из ножен палаш, торопливо вырыл им под кустом небольшую продолговатую яму, уложил в нее свой маузер и сказал:

— Давай и твой; может, еще вернемся сюда. Оружие пригодится.

Оба маузера он аккуратно обернул куском толя, валившимся у стены, засыпал яму землей и начал утаптывать. А Проняков тем временем выскоблил на кирпиче крепостной стены стрелку с цифрой «4».

— Смотри, — сказал он, — от нее ровно четыре шага.

— Есть, — ответил Тарутин. — А теперь пошли сдаваться. Шут с вами, подчиняюсь.

Но сдаваться было некому. Солдаты, осаждавшие крепость, вошли только в Иоанновский бастион.

Позже в крепости появились какие-то военные и штатские. Установив на открытом воздухе столы, они стали записывать сдавшихся матросов и отпускать через Петровские ворота в Иоанновский бастион.

Матросы стали покидать крепость. Солдаты, заполнившие дворик Иоанновского рavelина, стоявшие у наружных стен крепости и моста, видя молодых безоружных моряков, удивились:

— Да это ж наши годки! А говорили, что тут бандиты какие-то.

Глава двадцатая

НА ВОЛЕ И В ТЮРЬМЕ

На углу Садовой и Невского Дементия Рыкунова зацепила пуля, посланная с крыши высокого дома. Рана была болезненной, но не опасной: пуля, пройдя сверху донизу вдоль лопатки, не задела кости, а пробила лишь мякоть на левом плече.

Вечером, меняя ему дома повязку, Игнатьевна спросила:

— А где же ты Васю оставил?

— Скоро придет, — заверил ее юноша, но и сам встревожился: «Куда же он делся? Не убили ли его?»

Он не стал ужинать, а выпил лишь кружку воды и прилег на топчан.

Рана горела, боль отдавала в виски. Дементий закрыл глаза и вдруг почувствовал слабость и головокружение. Где-то во тьме слышалась стрельба, гул голосов. Звуки сливались, походили на перезвон кузнечных молотов... замелькали полосы раскаленного железа, и от горнов дохнуло жаром...

Игнатьевна часа через два разбудила беспокойно ворочавшегося во сне парня.

— Васи-то нет, — сказала она.

Дема с трудом поднялся, тряхнул головой, чтобы согнать с себя сон, и вновь почувствовал, как под ним заколебался пол и поплыли стены. Он схватился за край стола.

— Э-э... парень! — воскликнула Игнатьевна. — Да у тебя никак жар?

Она заглянула ему в глаза, дотронулась рукой до горячего лба.

— Ложись-ка в постель. Горе мне с вами.

— Ничего, бабушка. Вот посижу немного... и пойду искать.

— Куда ты такой пойдешь? Еще рану разбередишь. Отлежаться надо.

Игнатьевна помогла Деме раздеться, положила ему на лоб мокрое полотенце и пошла на завод.

Найдя Савелия Матвеевича в завкоме среди дружинников, она спросила:

— А Васю моего не видели?

Лемехов, как бы припоминая, начал теребить ус.

— Да он будто с матросами был. Не пошел ли ночевать с Филькой на «Аврору»? Нынче многие наши ноги стерли. Шутка ли — пройти столько верст! И Вася заметно прихрамывал, — выдумывал кузнец. — Не беспокойся, Игнатьевна, вернется. Завтра я сам на Франко-русский схожу.

На другой день Петроград стал походить на оккупированный город: по мостовым, грохоча колесами, двигались пушки, двуколки, походные кухни, всюду разъезжали конные патрули и стояли заставы. Юнкера и донские казаки хватали всякого, в ком подозревали участника демонстрации, и тащили в штаб военного округа.

Савелий Матвеевич только к вечеру зашел навестить Дему.

— Как плечо? — спросил он.

— Вроде не болит, да вот Игнатьевна не позволяет подниматься.

— Правильно делает; отлежись, пока тихо. А где же ты дружка своего потерял?

— Сам не пойму. У Сенного рынка были вместе, а потом — делся куда-то. Надо бы сходить на Садовую, может, люди видели.

— Сейчас по улицам не очень-то находишься. Живо в тюрьму угодишь.

— Савелий Матвеевич, что ж это, конец всему?

— Ничего, не такое видели. Но придется выждать. Центральный Комитет велит в бой не ввязываться, а оружие припрятать до лучших времен. У вас тут с Васей, наверное, целый склад?

— Да нет, — сказал Дема. — Моя винтовка, три пистолета, тесак и патронов штук двести.

— Давай мне их, сегодня же зарюю.

Завернув оружие в мешок, Савелий Матвеевич посидел еще немного и, когда сумерки сгустились, ушел домой.

* * *

Выборгская сторона оказалась отрезанной от центра города. Все мосты были разведены, а по набережным патрулировали кавалеристы и пехотинцы. Всех, кто переправлялся через Неву на лодке, солдаты обыскивали и отводили к дежурному офицеру. Тот либо отпускал нарушителя, либо отправлял в Главный штаб.

Выборгжцы, побывавшие за Невой, видели, как взбесившиеся гостинодворцы, юнкера и чиновники избивали мастеровых и тащили «купать» в Фонтанке. Рабочему человеку опасно было показываться на Садовой улице, на Литейном и Невском проспектах: за всякое неосторожное слово, даже за косой взгляд его могли обвинить в шпионаже и растерзать.

— Как же мы дальше будем существовать? — спросила у Наташи Катя.

— Видимо, полулегально, — ответила та. — Ты читала, что о Ленине в газетах пишут?

— Возмутительно! Как им не совестно?

— Нашла у кого совесть искать! Они придерживаются правила: лги больше, обливай человека грязью, авось да что-нибудь прилипнет.

— Но мы должны протестовать... защитить его!

— Как же ты это сделаешь, когда все наши газеты разорены и закрыты?

— Объявить забастовку.

— Хотели, даже собрались в сторожке «Рено», но Владимир Ильич против. Он говорит, что забастовка может вызвать ответные меры и при таком засилии военщины привести к полному разгрому, а мы обязаны сохранить боевые силы. Ленин сам переходит на нелегальное положение.

— У меня все эти дни какое-то нехорошее предчувствие, — сказала Катя. — Точно должно случиться еще что-то худшее.

— Что же может быть хуже?

— Не знаю, но у меня душа болит.

Два дня подряд Катя ходила к Неве, надеясь встретиться с Василием на обычном месте. Но на набережной были только патрули.

Она пыталась по завкомовскому телефону дозвониться до «Путиловца», билась у аппарата больше часа, но ничего не вышло: «барышни» так соединяли рабочие районы, что в ответ слышалось лишь сердитое аллеканье да невнятное гудение.

Не написать ли письмо? Но кто ответит? Бабушка у Васи неграмотная. И на Дему рассчитывать нечего: если что случилось с одним, не минует и другого.

Вечером из прихожей донесся звонок. «Он!» — обрадовалась Катя и бегом бросилась открывать дверь.

Увидев в полутьме лестничной площадки долгового военного, девушка встревожилась.

— Вам кого? — спросила она.

— Вас, Екатерина Дмитриевна, — ответил неожиданный гость. — Разрешите войти?

Думая, что это приехал кто-то от отца, Катя пропустила военного в прихожую, закрыла дверь на крючок, включила свет и... от испуга чуть не вскрикнула. Перед ней, с кривой ухмылкой, стоял влажногубый и бледнолицый шпик, которого путиловцы зимой ловили в парке. «За мной», — решила девушка, и вся кровь словно отхлынула от ее сердца.

Заметив, как Алешина изменилась в лице, Аверкин поспешил ее успокоить.

— Не волнуйтесь, я пришел как друг... Вы, наверное, думаете, что я следил за вами с дурной целью? Клянусь, только из-за вас самой. Я все дела запустил... в дождь, в любую погоду, только бы увидеть...

Страх у девушки прошел, осталось лишь настороженное и неприязненное чувство к этому опасному человеку.

— Что вам от меня нужно?

— У меня серьезный разговор о вашем отце. Его Дмитрием Андреевичем зовут?

— Да, — ответила девушка.

— Здесь н-не очень удобно, — оглядевшись по сторонам, заметил сыщик. — Может, разрешите в комнату?

Катя молча открыла дверь в бывший кабинет пристава. Аверкин как-то боком проскользнул в комнату и с наигранной веселостью сказал:

— Для начала разрешите представиться: помощник тайного советника юстиции Виталий Фролович Аверкин. Имею также некоторое отношение и к контрразведке. — При этом он щелкнул каблуками, ожидая, что Алешина, проникшись уважением к его деятельности, скажет хоть несколько учтивых слов и протянет руку для примирения, стоял чуть согнувшись.

Но Катя прошла мимо, молча указала на стул и села напротив. Она ждала: что же он знает об отце?

Аверкина не обескуражила презрительная холодность хозяйки, — шпик привык к такому отношению.

Облизав и без того влажные губы, он вдруг перестал ухмыляться, глаза его сузились, стали жесткими.

— У меня не одно дело к вам, а несколько, — присев на кончик стула, официально сообщил он. — Первое — относительно квартиры, в которой вы проживаете. К нам обратилась жена... в общем клиентка Урсакова, с просьбой освободить незаконно занятые комнаты и предъявить иск за расхищение и порчу имущества.

— У нас есть разрешение Исполкома и на квартиру и на имущество бежавшего царского пристава, — сказала Катя.

— Охотно верю, — поспешил согласиться Аверкин. — Но, к сожалению, оно законной силы не имеет. Дом-то принадлежит купцу Меньшову, а имущество — Урсаковым, — так ведь?

— Так, да не так. Революция лишила грабителей прав на имущество.

— Наоборот, она будет защищать их.

— Вы, видно, о какой-то своей революции говорите?

— Вот именно, — ответил Аверкин. — Какая есть.

— Так чего же вы медлите? — с вызовом спросила девушка. — Выгоняйте!

Аверкину не нравился ее резкий тон, и он не без укора заметил:

— Зачем же так грубо? Я ведь пришел не выгонять, а подсказать, помочь. При добром согласии всякое дело можно уладить...

«Чего доброго, в любви начнет объясняться», — подумала Катя и решила переменить тему разговора.

— Что вы знаете о моем отце? — спросила она.

— Нам известно, что он в тюрьме, и по очень серьезной статье: разложение армии по заданию иностранной разведки. А за это в военное время — расстрел.

Кате и в голову не приходило, что над отцом нависла такая угроза.

— Не может этого быть! — испуганно возразила она. — Он ничего такого не сделал.

— Я вам сочувствую, но факт остается фактом... измена присяге. Если не расстрел, то виселица! — повторил Аверкин. Ему хотелось запугать ее, помучить страхом. Он видел, как девушку ошеломила его весть, и радовался: «Сейчас она станет мягче».

А Катя в растерянности думала: «Что же делать: возмутиться и прогнать или выведать все, что можно? .. Ради отца!»

Аверкин настороженно присматривался к девушке. Он понимал, какая борьба идет в ее душе, и поэтому с некой обидой в голосе сказал:

— Я бы, конечно, кое-что мог сделать для вас. Дело ведет знакомый мне следователь. Но вы так принимаете, что я скорей должен мстить, нежели помогать...

— Простите, — прервала его Катя. — Какое у вас еще дело?

— По поводу вашего знакомого — Василия Кокорева. Схвачен, можно сказать, на месте преступления, с уликами, как грабитель и агент иностранного государства. Под усиленным конвоем препровожден в «Кресты».

От этой вести сердце у Кати словно остановилось, ей стало трудно дышать.

«Неужели правда? — думала она. — Нет, нет, он лжет! Какое ограбление? Дурацкая выдумка!» — Стараясь не показать своего состояния, она как можно спокойнее спросила:

— А откуда вы это знаете?

— Знаю... такая уж должность, — уклончиво ответил он и тут же решил прихвастнуть: — У меня, видите ли, брат занимается особо важными делами. Он юридический кончил. Через него я на любое дело могу повлиять. Вот если бы знал вас получше, скажем, гулял... Вы как насчет островов?

Видя, что глаза у девушки сделались недоуменными, что она сейчас вспылит, он поспешил добавить:

— Не сегодня, конечно, я понимаю. С вашего позволения, может, в субботу, часиков в восемь?

«Пусть приходит; я кого-нибудь позову», — решила Катя.

— Хорошо, — сказала она, — я буду дома. Раз-
узнайте все подробней.

— Можете не сомневаться... с отцом будет устроено. Ежели со мной хорошо, так и я в долгу не останусь.

Чтобы скорее выпроводить его, девушка протянула руку. Аверкин цепко схватил ее пальцы, сжал их и задержал в своей холодной и влажной руке.

— Постараюсь... самым наилучшим образом, — бормотал он. — До субботы!

Закрыв за ним дверь, девушка поспешила на кухню, тщательно вымыла и вытерла руки, но гадливое чувство, какое бывает, когда прикоснешься к мокрице, не проходило у нее.

«Что же мне предпринять? — задумалась она. — Первым делом надо выяснить, в тюрьме ли Вася? Но как это сделать? Видно, придется пойти к следователю».

На другой день Катя отпросилась с работы, надела лучшее платье и пошла на прием к следователю. Лысоватый, пучеглазый чиновник принял ее любезно, усадил в кресло и спросил:

— Чем могу служить?

Узнав, что Алешина добивается свидания с арестованным путиловцем, он, как бы с сожалением, сказал:

— Пока идет следствие, свиданий не полагается.

— Скажите, пожалуйста, в чем его обвиняют? — спросила Катя.

— А вы кто ему будете? — поинтересовался следователь. — Сестра? Невеста?

Катя не знала, что сказать.

— Знакомая, но... можно сказать, невеста, — заливаясь румянцем, ответила она.

— Ах, вы еще не определились! Так, так... понимаю. — Нагловатые глаза следователя замаслились; ему доставляло удовольствие смущать молодых девушек. — Видите ли, мы ничего не можем сообщить, пока не кончится следствие.

— Но хотя бы... что грозит?

— Порадовать вас не могу. По меньшей мере — пожизненная каторга.

— Не может быть! — возмутилась девушка. — За что?

Следователь безмолвно развел руками, как бы говоря: «Вот этого вы у меня не выпытывайте».

Проводив Алешину до двери, он расшаркался и сказал:

— Заходите. Может быть, на днях что-либо выяснится.

От затхлого запаха казенного помещения, вида пыльных стен, выкрашенных серо-коричневой масляной краской, Катю мутило. На душе было нехорошо.

«Неужели пожизненно? — Она не могла примириться с этой мыслью. — Надо выручать, сделать все, что в наших силах!»

Выйдя на солнечную улицу, девушка почувствовала головокружение. Постояв с минуту у каменной стены, она вновь обрела возможность двигаться.

Катя никогда не думала, что без Васи так померкнет солнечный день. Она вспомнила, каким усталым и бледным было его лицо в последний вечер, и почувствовала, как слезы защипали глаза. «Он погибнет в тюрьме. Ему не выжить!» Только теперь девушка поняла, как любит его. Для него она могла бы пожертвовать жизнью. Но разве это спасет? Что же предпринять?

Катя зашла в райком, вызвала Наташу в коридор и рассказала ей о своем разговоре со следователем.

— Надо немедленно действовать, — сказала та. — Поезжай на «Путиловец».

— Одной поехать? — растерялась Катя. — С какими глазами я там покажусь? Кто я ему?

— Не важно! Какое это имеет значение, когда товарищ в беде?

Катя послушалась ее и поехала.

В завкоме «Путиловца» она спросила у дежурного:

— Вы бы не могли мне дать адрес Савелия Матвеевича Лемехова?

— А кто он такой?

— Старый кузнец, большевик.

— А-а, усатый такой? Знаю.

Дежурный куда-то убежал и, вернувшись через несколько минут, сообщил:

— Живет в Чугунном... предпоследний дом справа.

Катя поблагодарила его и вышла на улицу.

Чугунный переулочек и небольшой домик Лемеховых она нашла быстро. Но Савелия Матвеевича дома не оказалось. Его жена, разузнав, по какому поводу пришла девушка, спросила:

— Может, вас к Васиной бабушке отвести? А то старуха, поди, ослепла от слез.

— Обязательно! Мне необходимо с ней увидеться. Но как с Савелием Матвеевичем?

— А я его сразу пришлю к ней. Он ведь тоже беспокоится.

Лемехова, набросив на голову платок, привела Катю к двухэтажному деревянному дому, во дворе которого на веревках висело набитое ветром, застиранное белье. По боковой лесенке они прошли в небольшую каморку у кухни. Здесь невысокая рыхлая старушка, с блекло-синими глазами, молола какие-то зерна в кофейной мельнице. Услышав от Лемеховой, что за гостью явилась к ней, она, словно не доверяя, стала допытываться:

— Так ты и есть та Катя, с Выборгской? К тебе, что ль, Васек все лето бегал? А ну, покажись! — повернув девушку к свету, Игнатьевна придирчиво разглядывала ее. — По лицу хороша... и не шалопутная будто, — определила она. — Где ж он такую красавицу сыскал? Милая ты моя, как же мы теперь? — вдруг обняв Катю, заплакала она. Потом вытерла уголком платка слезы и стала выпытывать: — Видела ли ты его? Где он там? За что посадили? Сколько держать-то будут?

Ответы девушки не удовлетворили ее:

— Ой, что-то скрываете вы от меня; чует мое

сердце недоброе. Самой-то мне этих «Крестов» треклятых не найти. Хоть бы передачу снести. Светла бы ты меня к нему.

— Вас сейчас в тюрьму не пустят. А передачи мне ближе носить. Если разрешат свидания, я приеду за вами, — пообещала Катя. — Но это будет не скоро. Как вы тут одна без денег обойдетесь?

— За меня не беспокойся, прокормлюсь. Дема, поди, всю получку отдает, и сам здесь поселился. А вот ты-то, девонька, откуда табак и съестное для передачи возьмешь? Присядь; я хоть чего-нибудь соберу ему.

Старушка достала холщовый мешочек, открыла небольшой самодельный шкаф, в котором хранились продукты, стала искать что послать Васе.

Вскоре, пригибаясь в дверях, вошел крепкий и рослый старик, а за ним Дема. «Савелий Матвеевич», — поняла Катя. В каморке сразу стало тесно.

— А ну, покажите, кто тут нас ждет? — весело спросил кузнец. — А, вот вы какая! — разглядев девушку, прогудел он. — Будем знакомы.

— Я вас уже знаю, Савелий Матвеевич, — призналась Катя.

— Тем лучше; значит, без церемонии поговорим.

Он крепко пожал ей руку.

— Слыхал, вы за помощью к нам? — сев на табурет, спросил Савелий Матвеевич. — Очень хорошо сделали. Выкладывайте, — что стряслось?

Катя рассказала о разговоре с Аверкиным и встрече со следователем.

— Та-ак! Значит, вы этому подлецу приглянулись? И давно он за вами ходит?

— Я его заметила в феврале.

— Срок не малый. — Савелий Матвеевич задумался. — А не он ли и с Кокоревым подстроил? Это же в характере таких типов.

— Схватить бы его за глотку и допросить, — предложил Дема.

— Ловленного так быстро не схватишь. Он теперь настоroje.

Пока они разговаривали, Игнатъевна аккуратно

завернула в бумагу и уложила в мешочек сухари, воблу, сало и два свежих огурца.

— Вот, снесешь ему, — сказала она, передавая все Кате. — Только табачку у меня нет.

— На табачок соберем, — успокоил ее Савелий Матвеевич. — Прошу не побрезговать и моим паем. — Он вытащил из кошелька две десятирублевки и отдал их Кате. — А насчет адвоката, — мы на заводе сами подумаем. Собирайся, Дема, проводи барышню.

* * *

Ночью Василия Кокорева и его товарищей юнкера повели в тюрьму. По дороге конвойные не давали путиловцам разговаривать: за каждое произнесенное слово норовили толкнуть или ударить прикладом.

В канцелярии тюрьмы, называвшейся «Крестами», надзиратели отняли от парней ремни, папирсы, спички и посадили всех в общую камеру.

Камера была большой, с испещренными надписями стенами и грязным цементным полом. В одной стороне ее высились нары, с тощими засаленными матрацами, а в другой — высоко, почти под потолком, темнел квадрат окна с железной решеткой. У левой стены стоял стол, вделанный в стену, и несколько табуреток, а у дверей — зловонная деревянная параша.

Воздух был спертый и затхлым.

Осмотрев новое жилище, путиловцы уселись на нары.

— Отсюда не скоро вырвешься, — заключил Кокорев. — И на заводе не знают, что нас в тюрьму упрятали. Хоть бы весть какую подать.

За день парни утомились. От огорчения им не хотелось ни о чем разговаривать. Не раздеваясь, они повалились на нары и проспали до утренней поверки.

На рассвете железная дверь с треском раскрылась. В камеру вошел старший надзиратель, а за ним — коридорный.

— Встать! — рявкнул тюремщик.

Проверив по фамилиям, все ли на месте, коридорный невнятным голосом зачитал правила внутреннего распорядка тюрьмы и предупредил:

— За неподчинение — карцер и лишение прогулок.

— А за что нас посадили сюда? — спросил Кокорев.

— Не прикидывайтесь дурачками, — ответил старший надзиратель. — Сами будто не знаете? Видели мы таких!

Потом появились два уголовника в серых халатах. Они молча бросили на стол три пайка хлеба, черпаком разлили по кружкам чай и, подхватив дымящийся бачок, удалились.

Железная дверь захлопнулась.

Найдя кувшин с водой, путиловцы, поливая один другому, помылись над парашей и подсели к столу завтракать. Но пить принесенный чай не смогли, — от него пахло ворванью.

— Наголодаемся здесь, — отодвигая жестяную кружку, сказал приунывший Кокорев.

— Да и х-хлеб с осевками, н-не проглотишь, — отметил Лютиков.

В стенку камеры кто-то едва внятно застучал. Пutiловцы насторожились и вопросительно смотрели друг на друга: что это обозначает?

— На переговоры вызывают, — догадался Вася. — Я читал, есть такая тюремная азбука. Жаль, не запомнил, в какой букве сколько тире и точек.

На всякий случай, он в ответ постучал монеткой в стенку. Это вызвало поток коротких и протяжных звуков. Какой-то арестант, сидевший в соседней камере, хотел завязать разговор, но юноши не понимали его.

— Эх, хоть бы кого опытного к нам посадили! Ведь ничего знать не будем, — досадовал Кокорев.

На прогулку путиловцев в этот день не выпустили.

Поздно вечером в камеру втолкнули четырех матросов. Моряки при аресте, видимо, сопротивля-

лись, их лица были окровавлены, форменки разорваны. Они и в тюрьме продолжали шуметь, ругали конвойных и не давали закрыть дверь.

Только с помощью сбежавшихся надзирателей их удалось оттеснить в глубь камеры. Но едва тюремщики захлопнули дверь, как матросы кинулись к ней и принялись яростно барабанить кулаками. Лишь один из них, круглолицый, с широким ртом и крупными зубами, остался на месте. Он вытер носовым платком кровь со лба и спокойным голосом приказал:

— Стоп, братва! Трави пар. Довольно волну разводить.

И матросы сразу притихли.

Круглолицый моряк оглядел камеру и, заметив путиловцев, подошел к ним.

— Прошу прощения за шум, — пробасил он. — Разбудили?

— Ничего, — ответил Кокорев. — Весь день отсыпаемся. Нет ли у вас закурить?

— Найдется, — сказал моряк и, вытянув из кармана кисет с табаком, протянул его юноше. — А вы давно здесь?

— Со вчерашнего дня.

— Если не секрет, — по какой статье?

— Сами не знаем. Мы поймали четырех типов, которые с колокольни стреляли в народ. Но в милиции их выпустили, а нам бока намяли — и за решетку!

— Значит, по той же статье, что и мы, — заключил моряк. — Нас в Петропавловке уговорили оружие сдать. А как только мы в город вышли, они давай вылавливать. Но мы им показали, как матросов под конвоем водить. Надолго запомнят! Теперь мы с вами товарищи по «Крестам». Давайте знакомиться... Иустин Тарутин, минер бригады траления.

Узнав, что перед ним путиловцы, моряк обрадовался:

— Вот это встреча! Давно мечтал с вашими ребятами подружиться.

За ним подошли знакомиться и другие матросы.

Они были с разных кораблей. На бескозырьках золотились надписи: «Океан», «Азия», «Николаев».

Моряков, привыкших к корабельной опрятности, возмущала грязь тюремной камеры.

— Свинарник, а не жилье для людей, — заметил Тарутин, оглядывая камеры. — А ну, Андрей, вызови-ка старшего, — обратился он к моряку со шрамом на подбородке. — Я ему сейчас головомоюку устрою.

К «глазку» подошел Андрей Проняков.

— На вахте! — окликнул он надзирателя. — Свистеть сюда начальство.

— Какое такое начальство? — донесся из коридора недовольный голос.

— Какое найдется, хоть прокурора.

— Ишь, чего вздумали! Обойдетесь и без начальства!

Надзиратель, шаркая, удалился. Матрос схватил табуретку и начал колотить ею в дверь.

Грохот разбудил спящих, по камерам пошел перестук. Надзиратели забежали. И вскоре у «глазка» появился помощник начальника тюрьмы.

— Опять буяните? В карцер захотели? — закричал он из коридора.

— В карцер надо посадить того, кто здесь за порядком наблюдает, — ответил Тарутин. — Вы по какому закону грязь в тюрьме развели? В этом свинарнике мы не останемся. Переведите в другую камеру.

— Лучших у нас нет, не приготовили вам, господа матросы.

— Не лучшую, а чистую требуем.

— Тюрьма переполнена, номеров свободных не имеем.

— Тогда дайте нам воду и швабры. Без вас обойдемся.

— Это вы получите завтра.

— Не завтра, а сегодня. Иначе всю тюрьму поднимем.

Угроза подействовала. Тюремщики посоветовались между собой и через некоторое время прислали уголовников с тряпками, швабрами и водой.

— Мокрая приборка! — объявил Тарутин.

Матросы сбросили с себя фланельки, засучили рукава тельняшек и принялись скрести доски нар, окачивая их водой, мыть стены и пол. Путиловцы помогали им.

В разгар работы из соседней камеры послышался дробный стук.

— Андрей, что там пишут? — заинтересовался Тарутин.

Проняков пожал плечами.

— Не понимаю.

— Запроси по-нашему.

Сигнальщик вытащил медную зажигалку, похожую на снарядник, и несколько раз отстукал вызов по-флотски.

Ему ответили.

— Еге, матрос нашелся. Фелушин с брандвахты. Спрашивает, — что у нас случилось?

— Узнай, как он угодил сюда.

— С Васильевского не успел уйти.

— Значит, как и мы, застрял? Ну, поздравь его.

Перестук длился долго. Соседние камеры, оказывается, тоже были заполнены недавними демонстрантами, схваченными юнкерами и казаками на улице.

* * *

В субботу Наташа пришла к Кате раньше условленного времени.

— Я, кажется, устроила тебе официальный пропуск в «Кресты», — сказала она. — Центральное бюро помощи политическим заключенным просит нас создать в районе пролетарский Красный Крест и взять шефство над тюрьмой. Я подсказала выдвинуть тебя и тетю Феню. Вам разрешат помогать заключенным. Здорово, да?

— Умница! Спасибо.

Дема Рыкунов пришел к Кате после работы. Он даже не успел вымыться и переодеться. Лицо его было в копоти.

— Куда вы меня спрячете? — спросил он у девушек.

— Пока время еще есть, ты можешь вымыться, — сказала Катя. — А потом садись в столовой и жди. Я там, чтобы тебе не скучно было, приготовила журналы.

Она повела Дементия в ванную комнату, дала мыло, полотенце и оставила одного. Раздевшись до пояса, юноша тщательно вымылся, вновь оделся, причесался и, пройдя в столовую, уселся листать старые журналы «Нива».

В восемь часов Аверкин не появился. Только минут через тридцать в прихожей раздался звонок. Катя выбежала открывать дверь. На пороге она увидела незнакомого мальчишку.

— Вы Алешина? — спросил он. — Вам письмо.

Мальчик отдал ей четвертушку бумаги, сложенную, как складывают в аптеках пакетики, и убежал.

Катя развернула записку. В ней лиловым карандашом было написано:

«Екатерина Дмитриевна!

Что же вы этак? Вроде засады против меня устроили. А я хотел вам кое-что по секрету сообщить. Неладно получается, теряете Вы друга верного. Теперь уже не знаю, когда смогу прийти. Буду занят все дни.

Верный Ваш друг
Виталий Аверкин».

— Выходи, Дема! — позвала Катя. — Аверкин, наверное, видел, как ты ко мне шел, и струсил. Посыльного прислал.

Прочитав полученную записку, Дементий пожалел:

— Эх, не так сделали! — сокрушался он. — Зря не послушался Савелия Матвеевича. Ловленный, конечно, без разведки не пойдет.

— Боюсь, что он нагрянет, когда вас не будет, — сказала Катя.

— А ты не бойся его. Эти шпики трусливы. Хочешь, я свой браунинг тебе оставлю?

— Я же не умею с ним обращаться.

— Подумаешь, трудность какая! Вмиг научишься.

Достав пистолет, Дема разрядил его и стал показывать девушкам, куда надо закладывать обойму, как ставить на боевой взвод и стрелять. Потом он начал разбирать его на части. В это время раздался звонок.

— Прикрой пистолет журналом, — велела Катя и пошла открывать дверь.

На лестничной площадке стоял отдувавшийся, тяжело дышавший домовладелец.

— Дозволяете войти? — спросил он.

— Пожалуйста.

Тучный торговец вошел в прихожую, снял белую фуражку и, как бы интересуясь, — не отсырели ли потолки, заглянул в комнаты, на кухню и спросил:

— Когда же вы за квартиру начнете платить?

— Честно говоря, мы даже не знаем, сколько она стоит, — призналась Катя.

— Это надо было узнать при въезде, — поучающе заметил домовладелец. — Сейчас цены на квартиры поднялись. А так как вы занимаете одну из лучших, то придется платить по сорока рубликов.

— Сорок рублей в месяц? — удивленно спросила девушка.

— А как же вы думали? К зиме еще больше возьму.

— Но у нас же нет таких денег!

— Это меня не касается. Надо было выбирать квартиру по средствам. Не заплатите, — в суд подам, выселю. Даю вам неделю сроку.

Не прощаясь, домовладелец нахлобучил фуражку и ушел.

— Вот ведь шкуродер! — возмутился Дементий. — Его бы за глотку да потряхнуть покрепче. Узнал бы, как людей грабить!

— Не вздумай только платить, — вмешалась в разговор Наташа. — На него надо жалобу в Исполком написать. Явный спекулянт.

— Я чувствую, что это все проделки Аверкина, — хмурясь сказала Катя. — Вот ведь подлец! Домо-

владелец по его указке приходил. Не зря же он в комнаты заглядывал. Теперь даже страшно оставаться одной.

— Бери браунинг и не трусь! — подбодрил ее Дема. — Вооруженную всякий испугается.

Он ловко собрал пистолет, пощелкал им, затем вставил обойму с патронами и предупредил:

— Помни, здесь семь патронов. Стреляют автоматически.

* * *

Аверкин в присланной Кате записке не лгал, ему действительно с трудом удалось освободиться на три часа. Все эти дни он участвовал в облавах и обысках.

Старший брат вызвал его к себе и сказал:

— Бросай все мелкие дела и переключайся на самое важное. Надо быстрее выяснить, куда мог скрыться главный руководитель большевиков — Ульянов-Ленин. Вот его фотография и описание примет. Надеюсь, ты его видел в натуре?

— Приходилось.

— В общем, учти: с пятого он перешел на нелегальное положение. Газеты уже пишут о нем как о немецком агенте, затеявшем свергнуть законное правительство. Будут напечатаны клятвы добровольцев «Лиги борьбы с коммунизмом», георгиевских кавалеров и юнкеров, взявшихся разыскать его живым или мертвым. Ульянова-Ленина правительство объявит вне закона. На добровольцев, конечно, надежда малая, они только запутают следы... Я больше полагаюсь на профессионалов. Так что подыщи старых агентов и действуй. Помни, — ждет большая денежная награда и продвижение по службе. Средств, сил и времени не жалея, — все окупится. И не забывай другого, — он человек опытный и умный. Сторонников у него не меньше, чем врагов. Особенно на флоте и в рабочих районах. Как нападешь на след, — немедленно сообщи.

— Ладно, — буду ежедневно докладывать.

Подобрав себе помощников, Аверкин прежде

всего установил слежку за квартирой на Широкой улице, где до последних дней жил Ленин. Двух агентов он отправил на разведку в Кронштадт, а одного — к дому Алешиной.

Собираясь к девушке, он решил намекнуть ей об опасности, грозящей Ульянову-Ленину. Он надеялся этим вызвать доверие к себе и получить хотя бы ниточку, ухватившись за которую, можно двигаться в верном направлении. «Алешина, конечно, предупредит своих, — рассуждал он. — Она — одному, тот — другому. . . появится цепочка. Только не упускай ее, и ты нащупаешь след».

Он сам видел, как к Алешиной прошел Рыкунов, и обозлился: «Вот ведь подлая! Засаду устроила!»

Написав Кате записку, Аверкин послал к ней мальчишку, а сам зашел к домовладельцу и попросил его припугнуть девушку выселением. Тучный торговец охотно выполнил поручение и, вернувшись, услужливо доложил:

— Заметил, есть подозрительные: какой-то бугай здоровенный и барышенька невысокенькая, а в угловой комнате — ребятишки малые.

Дождавшись, когда Наташа с Дементием ушли от Алешиной, Аверкин поднялся на второй этаж, достал свой ключ, сунул его в замочную скважину и дважды повернул. Дверь лишь едва приоткрылась; она была на цепочке. В образовавшуюся щель даже рука не проходила.

Аверкину казалось, что он возился с дверью осторожно, но Катя все же расслышала шум. В коридоре вспыхнул свет. Девушка появилась на пороге. Лицо ее было бледным, а руки она держала за спиной.

— Кто здесь? — окликнула Катя дрогнувшим голосом.

— Это я, — негромко ответил Аверкин. — Откройте, Екатерина Дмитриевна.

— Что вам нужно?

— Очень важное сообщение. . .

— У меня никого нет дома. . . я не могу вас впустить. Как вы не понимаете, что это неприлично?

— Понимаю, все понимаю, — зашептал в щель Аверкин. — Такое дело, что минуты нельзя... Вашего Ленина объявляют вне закона. На поиск пущены все тайные агенты... даже собака Треф. Сегодня начнутся облавы и обыски...

— А для чего вы мне все это говорите? — словно возмущаясь, спросила Катя. — Какое я имею отношение? Что за провокация!

— Тише... тише! — зашикал на нее Аверкин. — Зачем так громко? Я ведь, как друг... Откройте на минуточку.

— Уходите! — не снижая голоса, потребовала Катя. — Мне ничего от вас не нужно.

Захлопнув дверь перед его носом, она закрыла ее на крюк.

«Вот паршивка! — ругнулся про себя Аверкин. — Неужто догадывается? Но ей не выдержать. Сегодня же побежит к своим. А мы люди не гордые, у нас терпения хватит».

Избавясь от Аверкина, Катя в самом деле задумалась: «Как же сообщить нашим? И это надо сделать быстрее. А вдруг провокация? К тому же он теперь следить будет. Ну и пусть! Я же войду в дом, где, кроме райкома, еще находятся отделы Районной Думы и Совета. Мало ли туда людей ходит».

Катя дождалась возвращения матери и бабушки, которые два раза в неделю ходили в госпиталь за продукты стирать белье раненым. Положив в сумочку оставленный Демой браунинг, она сказала матери, что скоро вернется, и пошла на Большой Сампсониевский проспект.

На сумеречной улице пешеходов было немного. Девушка шла быстрым шагом и временами оглядывалась. Один раз ей показалось, какая-то тень мелькнула на левой стороне улицы и прижалась к темной стене дома. «Идут следом», — решила Катя. Она вытащила из сумочки пистолет и зажала в руке. Но по пути к ней никто не пристал.

В районном Комитете партии, как обычно, шло какое-то совещание. В приоткрытую дверь Катя разглядела Гурьянова, сидевшего недалеко от

входа. Просунув в дверь голову, она поманила его к себе. Гурьянов без промедления поднялся и вышел в коридор.

— Что, от отца письмо пришло? — спросил он.

— Нет, мне просто нужно срочно посоветоваться с вами.

Девушка отвела Гурьянова в конец коридора к окну и рассказала ему о последнем сообщении Аверкина. Старый слесарь, выслушав ее, нахмурился и спросил:

— Думаешь, он шел следом?

— Уверена.

— Хорошо, побудь здесь. Я сейчас со своими ребятами поговорю, надо проучить этого типа. Сегодня как раз мы толковали о патрулировании в районе. Пора отвадить шпиков... так пугнуть, чтоб нос боялись сунуть.

Гурьянов ушел. Катя прижалась к косяку окна и стала наблюдать за улицей. Но, сколько она ни вглядывалась во мглу, никого подозрительного не заметила.

Гурьянов пропадал недолго. Вскоре он вернулся с тремя рослыми парнями и сказал:

— Растолкуй им, по каким переулкам ходишь.

Катя в нескольких словах объяснила дружинникам, где проходит кратчайший путь к ее дому, и сказала о приметах Аверкина. Парни тут же, при ней, договорились, в каком месте лучше всего устроить засаду, и по одному ушли.

Катя показала на улице минут через двадцать. Оглядевшись по сторонам, она пошла обычной дорогой.

Город уже готовился ко сну. Улицы опустели. Тарахтя и дымя, проехала последняя паровая конка. Где-то на Неве прогудел буксирный пароходик. Девушка настороженно прислушивалась ко всем звукам и от волнения не могла дышать полной грудью. Сердце билось учащенно. Казалось, сейчас где-то рядом прогрехочут выстрелы. Но вокруг все было спокойно. Только звонко разносился стук ее каблучков о каменные плиты панели.

Шагов за сто до поворота Катя услышала из темного подъезда шепот:

— Не пугайтесь, — за углом наши. Идите не останавливаясь.

Катя повернула в переулок и, никого не заметив, прибавила шаг. Когда она отошла на изрядное расстояние, за спиной вдруг услышала шарканье ног, пыхтение и глухие удары. Девушка оглянулась. Трое парней, схватив какого-то типа, прижали его к забору.

Катя побежала к ним и, увидев, что они держат незнакомого человека, сказала:

— Это не он.

— Не важно, — ответил один из дружинников. — Этот тоже крался. Мы их отучим бегать за нашими девушками!

Глава двадцать первая

В „КРЕСТАХ“

В тюрьме матросы завели корабельные порядки. Цементный пол они называли палубой, стены — переборками, а камеру — кубриком. Каждое утро слышался свист и раздавалась команда:

— Вязать койки!

До завтрака все занимались мокрой приборкой, а потом начиналось перестукивание.

Тюремный телеграф работал непрерывно. Связь была установлена с соседями слева, справа и с теми, кто находился на другом этаже. Крошадтцев волновали флотские дела. Каждая весть с воли вызывала у них то шумное одобрение, то проклятия и негодование. Больше всего их возмущали действия «социалиста» Керенского, который свирепствовал в угоду буржуазии и соглашателей. Разбушевавшийся премьер-министр издал приказ о роспуске Центробалта, закрытии матросских большевистских газет и потребовал ареста всех «подозрительных лиц, призывающих не повиноваться Временному прави-

тельству» и зачинщиков выступлений против войны на линейных кораблях «Петропавловск», «Республика», «Слава». В случае неисполнения приказа Керенский грозился объявить команды непокорных кораблей изменниками родины и революции.

— Вот ведь адвокатишка паршивый! — воскликнул Проняков, принявший эту весть по тюремному телеграфу. — Смотри, как наловчился словом «революция» играть.

— Да, он сделает все, что угодно, лишь бы на поверхности плавать... — сказал другой матрос, назвав министра весьма не лестным эпитетом.

Иустин Тарутин, презирая Керенского, называл его Александрой Федоровной, то есть так, как звали бывшую царицу.

Ликование у заключенных вызвала смелость кронштадтского Совета и команд линейных кораблей, которые с достоинством ответили министру, что никаких контрреволюционеров в своей среде они не знают, а посему арестов производить не будут. В знак пренебрежения к грозным приказам Керенского, моряки почти всюду избрали в новый Центробалт своих старых делегатов.

— Вот это утерли нос! — радовались матросы.

Василий Кокорев и его товарищи завидовали морякам, умеющим добывать свежие новости, так как сами ничего не знали ни о заводе, ни о товарищах. Тюремный телеграф лишь извещал о том, что рабочим под угрозой судебного преследования приказано сдать оружие.

«Неужели наши ребята подчинятся? — думал Василий. — Нет, Дема отдаст что-нибудь ненужное, а остальное припрятет. Но как там бабушка? Кто ей добудет денег? Ведь продавать-то нечего. Без меня она там с голоду помрет. А на работу такую старую не возьмут. Хоть бы записку послать Савелию Матвеевичу».

Ночами, лежа в темноте на нарах с открытыми глазами, Василий старался в своем воображении представить Катю опечаленной его арестом. Но она почему-то возникала перед ним такой, какой прихо-

дила на набережную Невы, чуть задорной и насмешливой, пристально всматривалась и говорила: «Ну-ка, покажись, какой ты в тюрьме?!» — А глаза при этом просили: «Ничего мне не говори, я все понимаю. Держись!»

«Надо скорей вырваться из тюрьмы, — говорил себе Василий. — Но как? Что они нам могут предъявить? Участие в вооруженной демонстрации? Тогда надо посадить в тюрьму тысячи. У нас отнято оружие. Но не мы же стреляли в народ, а те мерзавцы. Правда, в протоколе милиции все изложено по-иному. Но это же неприкрытый сговор и жульничество! Мало ли что они напишут. У нас есть свидетели. Но где они теперь?»

По милицескому протоколу, составленному с помощью Аверкина, получалось, что «бесчинствующие мастеровые Путиловского завода напали на офицеров, не позволявших осквернять божий храм и стрелять в народ». Откуда-то у начальника отделения появились золотые кресты и чаша, которые вместе с винтовкой прилагались к делу, как вещественные доказательства грабежа. Кроме того, в протоколе были записаны аверкинские провокационные вопросы: «Какая часть золота, вывезенного из Германии в запломбированном вагоне, попала в руки рабочих?», «Кто подкупил их и подбивал на бесчинства?», «Какими деньгами платили — бумажными или золотыми?»

Вася тут же, в милиции, сказал, что ни он, ни его товарищи не будут отвечать на вопросы шпика. Начальник отделения ухмыльнулся и записал: «Обвиняемый Кокорев В. С. запретил своим сообщникам отвечать следственным органам». При этом он подвинул протокол и предложил:

— Подпишите.

Вася внимательно прочитал милицеское сочинение и сказал:

— Вашу стряпню я не подпишу. Здесь каждое слово — брехня!

Подписывать протокол отказались и его товарищи.

«Это все мы сделали правильно, — рассуждал юноша. — Теперь надо только найти свидетелей, которые докажут вздорность обвинений. Двое из них известны — это Дема и его брат Филипп. Но их же могут притянуть к ответу, как соучастников. В милицейском протоколе есть хитрая запись: «Офицеров избивали также и неизвестные матросы Балтийского флота». Обязательно надо посоветоваться с адвокатом. Но где его взять? Понадобятся большие деньги. Вот попались в непромокаемую!»

Однажды послышался тревожный стук в стену. Андрею Пронякову сообщили, что Ленин объявлен вне закона. Оклеветал его в печати тот же Алексинский, который и о кронштадтцах сочинял, что они по указке германского штаба отделились от всей России и выпускают на острове Котлин свои деньги. Этот подлец посмел называть вождя рабочих немецким агентом!

— А что известно о самом Ленине? — спросил Проняков. — Не арестован ли он?

— Видимо, ушел в подполье, — донесся через некоторое время ответ. — Газеты выдумывают всякий вздор: улетел на аэроплане, уплыл на подводной лодке, прячется на военном корабле.

— А может, наши действительно захватили его с собой? — рассуждали матросы. — Из Кронштадта без боя его не возьмешь. — Но тут же возникли сомнения. — Нет, Ленин не поставит матросов в такое опасное положение. Он где-то в другом месте.

— Давайте требовать прогулок, — сказал Тарутин. — Умные люди не дают посадить себя за решетку, а остаются на воле и продолжают бороться. Довольно сидеть в сухом доке! Пора приглядеться, — нет ли слабину в охранке и взять курс на побег.

Иустин взял тяжелый табурет и, подойдя к двере, обитой железом, начал колотить в нее с такой силой, что по тюрьме покатился грохот, похожий на пушечную пальбу.

К дверям подбежали всполошившиеся надзиратели.

— Перестать! Кто там нарушает?

— Зовите сюда начальника! — потребовал Тарутин.

— Еще чего?! Прекратить безобразие!

— Зови, говорят, а то всю тюрьму разнесем!

В этот момент, словно по сговору, начали с таким же грохотом барабанить в двери заключенные других камер. Старший надзиратель побежал за начальником тюрьмы. Тот появился минут через пятнадцать. Дверь открылась. Надзиратель скомандовал:

— Встать!

На пороге появился невзрачный прапорщик, с серым обрюзгшим лицом, рыжеватыми усами щеточкой и хитрыми припухшими глазами. За его спиной стояли с винтовками на изготовку солдаты тюремной стражи.

— Кто здесь безобразничает? — спросил он каким-то блеющим голосом и шевельнул усами.

— С кем имеем честь? — поинтересовался Тарутин.

— На вытяжку, когда говоришь с начальником тюрьмы! — прикрикнул старший надзиратель.

— А-а, — протянул моряк, — слышали... член партии эсеров Васкевич. Очень... неприятно. Почему вы не даете нам прогулок?

— Не имею на это соответствующих распоряжений.

— А сами не можете догадаться, что людей нельзя гноить в камерах, что им чистый воздух нужен? Еще себя социал-революционером мните!

— Прошу не касаться моей партийной принадлежности и разговаривать в ином тоне. Иначе — в карцер!

— Во-во! Не зря вам буржуазия собачьи должности дала.

— Посадить его на хлеб и воду!

Взбешенный Васкевич выскочил в коридор. Но в соседних камерах он услышал такие же протесты.

— Если не измените тюремного режима, объявим голодовку, — грозились заключенные.

На другой день утром, когда уголовники принес-

ли пайки черного ноздристого хлеба, Тарутин ногой подвинул к ним парашу и сказал:

— Бросайте сюда.

Уголовники, недоумевая, поглядели на старшего надзирателя: как-де, мол, быть с этим чудачком — выполнять его просьбу или нет?

— Бросайте, раз просят, — равнодушно сказал тот. — Свиным в охотку из такой посуды поесть.

И хлеб, которого все время не хватало заключенным, полетел в парашу. Путиловские парни невольно глотнули набежавшую голодную слюну.

— Одну минуточку! — остановил Иустин собравшегося уходить надзирателя. — Ты, кажется, сказал, что свиньи любят лакомиться из такой посуды? — Матрос показал на парашу. — Можешь взять ее и в коридоре почавкать в охотку. Нам не жалко. Верно, братишки? — обратился он к сидящим на парах.

— Верно! — ответили те.

И в других камерах «июльцы» не дотрагивались до хлеба.

«Голодовка», — понял начальник тюрьмы. Перепугавшись, он немедленно поехал к прокурору. Прокурор по телефону связался с министром юстиции, а тот, услышав о голодовке, всполошился:

— Это же политический скандал! Примите любые меры. Черт с ними, можно пойти на уступки, даже открыть камеры. Но никаких эксцессов. Голодовки не допускать.

На другой день в «Крестах» началась необычная для тюрьмы жизнь. Заключенные могли покупать газеты, ходить из камеры в камеру, делиться новостями, спорить. Надзиратели только следили за порядком дня и раздачей пищи.

Среди арестованных солдат и матросов в июльские дни было немало левых эсеров. Над ними в камерах потешались.

— Вам-то что, — говорили им, — у вас всюду свояки: Керенский — чуть ли не сват, начальник тюрьмы не то кум, не то брат. Сиди да поплевай, авось на свадьбу позовут.

А те злились:

— Вот погоди, выйдем на свободу, мы этим буржуйским лизоблюдам покажем! Наше с ними кончилось.

Однажды Кокорева вызвали в контору тюрьмы и передали ему картонную коробку. В ней сверху лежали две растерзанные пачки легкого табаку, а под ними — большой кусок разломанного пополам пирога с черничной начинкой, домашнее печенье и сухари.

— Просмотрите, — сказали ему, — и распишитесь.

— Кто передал? — спросил Василий. — Письма нет?

— Не знаю, я не приемщик, — ответил узкоплечий конторщик с припухшими вороватыми глазами.

«Кто же приходил в тюрьму? — хотелось угадать юноше. — Такой пирог, вроде, от бабушки. Но печенье не ее изготовления. Неужели Катя? Хоть бы какую-нибудь весточку оставила!»

Вернувшись в камеру, Вася выложил на стол табак, пирог, печенье и стал осматривать коробку со всех сторон.

— Ну как? Что пишут? — поинтересовался Проняков.

— Хоть бы булавкой царапнули! Все гладко — ни одной черточки! — разочарованно ответил Василий. — Даже не знаю, кто обо мне заботится.

— Не горюй, надо внимательнее съестное проглядывать. Если одному трудно, — можем прийти на помощь.

— Да я уж вижу, как вы слюнки глотаете.

Разделив пирог и печенье на всех, Кокорев пригласил товарищей к столу.

— Только зубами действуйте осторожней, — предупредил он. — Печенье может оказаться с начинкой.

И, действительно, Тарутину в корочке пирога попала туго свернутая полоска пергаментной бумаги. Матрос развернул ее и прочитал:

«Это третья передача. Обнаружил ли ты мои записки? Повторяю: о бабушке не беспокойся, — с нею Дема. О вас на заводе не забывают, — послали

протест и наняли адвоката. Я без тебя очень скучаю. Жди, скоро увидимся. К.»

— Вот так номер! — возмутился Иустин. — А где две первых передачи? Видно, надзиратели сожрали. Надо сейчас же шум поднять!

— Стоп, не разводи паров! — остановил его Проняков. — Того, что они съели, уже не вернешь. А вот про записку разболтаем... передачи от «К» будут приходить в раскрошенном виде. Кто она тебе, сестра? — любопытствуя, спросил он у Кокорева.

— Нет, это знакомая... ее зовут Катей.

— Ну что ж, тогда давай закурим на радостях.

Они свернули по толстой папироске и задымили, наслаждаясь ароматным табаком.

* * *

В субботу по всем камерам была произведена уборка и параша опрысканы карболовкой. Заключенных группами водили в баню, наголо постригали, выдавали по кусочку мыла и чистое белье.

— Видно, начальство высокое прикатит, — говорили матросы. — В таких случаях всегда авралят.

В воскресенье надзиратели отобрали заключенных, наиболее упитанных, записали их фамилии и по два человека стали вызывать в контору. В первой паре пошел Иустин Тарутин и вернулся рассерженным.

— Патронессы какие-то из дамского общества защиты кенареек, — с презрением сказал он. — Халаты раскрахмалены, чепчики топорщатся. «На что жалуетесь? Какие претензии? Как себя чувствуете?» — «А вы что, Керенскому будете докладывать?» — спрашиваю я. — Много он вашей сестры развел, нам бы хоть десяточек для прогулок прислал». — «Как вам не стыдно! А еще моряк революционного флота! — говорит с обидой самая молоденькая. — Мы из Красного Креста» — И показалось мне, будто я ее где-то прежде видел. А другая головой качает и вроде сожалеет: «Эх, морячок, морячок, видно, мало тебя мать в детстве секла!» — И сует

мне, словно кухаркиному сыну, какой-то кулек. А тут еще подхалим Васкевич вяжется: «Не обращайтесь внимания, это же анархист из анархистов... никакого воспитания». Ну, я его, конечно, обласкал по-флотски, вытряхнул все из кулька, надул его, хлопнул об ладонь так, что все вздрогнули, и ушел.

Другие заключенные возвращались из конторы повеселевшими и довольными.

— Чего Иустин выдумывает, — говорили они. — Симпатичные тетки. И не игрушки выдают, а дельное... Сгодится нашему брату.

В кулках были конверты, бумага для писем, туалетное мыло, махорка, курительная бумага, спички и леденцы фабрики Ландрина.

Вскоре Кокорев услышал, как коридорный выкрикнул его фамилию. Не поверив, он переспросил:

— Меня?

— А то кого же? Живо в контору.

В тюремной конторе были распахнуты двери в соседнюю большую комнату. Там виднелся длинный стол, заваленный кулками, и две женщины в ослепительно белых халатах. Вася взглянул в них и остолбенел: это были тетя Феня и Катя. Боясь, что он движением или возгласом выдаст их, они заговорили одновременно, приглашая его к столу.

«Умышленно не узнают, — понял юноша. — Но не слишком ли у них взволнованы голоса и лица?»

Катя, потрясенная его видом, по-арестантски остриженной головой, бледным и голодным лицом, на котором выделялись трогательно жалкие юношеские усики, готова была расплакаться.

Василий, сделав несколько шагов, пристально взглянул в глаза девушке, стараясь увидеть в них то невидимое, что угадывают и замечают лишь очень близкие люди.

«Милый, родной! Ну, как тебе здесь?» — спрашивал ее взгляд.

— Вы не больны? — спросила тетя Феня.

— Не знаю, — ответил он.

— У вас очень истощенный вид. Тюремный врач осматривал?

— Нет.

— Пройдите к нашему.

Катя взяла его за руку и повела к женщине в пенсне, сидевшей за небольшим круглым столиком у окна. По пути она стиснула юноше запястье и предупредила:

— Докторша наша. Можешь говорить свободно... Нас интересует, как вас схватили и в чем обвиняют.

Докторша, взглянув на Васю сквозь пенсне, задала обычный вопрос:

— На что жалуетесь?

Тетя. Феня в это время громко заговорила с другим заключенным. «Их голоса заглушают мой, можно отвечать без опасений», — сообразил юноша.

— Жалуюсь на Мокруху, — сказал он и, понизив голос, добавил: — Шпик, в сговоре с церковным сторожем и начальником милиции у Сенного рынка, подстроил наш арест. Бывает, по ночам не сплю, кашляю... В протоколе обвиняют в нападении на офицеров, ограблении церкви и убийстве. Но мы его не подписывали. Часто кружится голова... Найдите свидетелей. Там был Демин брат, моряк с бородой и еще какие-то авроровцы.

— Потеете? Бывает жар? — допытывалась докторша.

— Бывает. Скажите, — что нового на воле?

— Снимите рубашку!

Пока докторша выстукивала и выслушивала Василия, Катя повернулась спиной к сидевшим в отдалении надзирателям, торопливо, шепотом сообщила:

— Существует полулегально.

— Что с отцом?

— Было ужасно... приговорили к расстрелу. Свалили вину за отступление.

— Оденьтесь, — сказала докторша. — Сейчас я выпишу рецепт. Общество Красного Креста пришлет вам лекарство...

А Катя продолжала:

— Их вывели в поле... построили однополчан. Привели попа. Пока Рыбасов и Кедрин исповедывались, отец обратился к товарищам по окопам...

— Будете принимать по две пилюли три раза в день... Микстуру по ложке перед едой...

— ...Получилось неожиданное: солдаты стали перебегать и становиться рядом с приговоренными: «Стреляйте и в нас!» В общем, взбунтовалась вся дивизия. Дело дошло до армейского комитета. Приговор пришлось отменить. Сейчас отец в Комитете...

Вася надел рубашку и пошел с Катей к другому столу. Девушка как можно громче, так, чтобы слышали надзиратели, сообщила тете Фене:

— Нуждается в лечении и усиленном питании...

И тут голос ей изменил. Больше она не произнесла ни слова.

Вася видел в ее глазах слезы. Не зная, как ее утешить, он схватил Катину руку и прижался к ней губами.

— Ишь, антиллитент! — удивился надзиратель. — А ну, марш в камеру!

В камере Иустин спросил:

— Видел молоденькую?

— Так это же Катя.

— Слушай, не она ли в феврале листовки мне передавала?

— Возможно, она.

— А я этак нахамил. Эх, дурья голова!

Глава двадцать вторая

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

В августе горели хвойные леса, подступавшие к столице с севера и с юга. Небо все время было мутным. Прогорклый дым проникал в город и усиливал чувство беспокойства и тревоги.

А тревожиться населению Петрограда было из-за чего. Обычно в такую пору рынки ломились от фрук-

тов, овощей, муки и мяса. Сейчас же на столах и прилавках виднелись жалкие кучки молодого картофеля, зеленого лука, редиса, огурцов и северных недозрелых яблок. Все это продавалось по высоким, недоступным простому человеку ценам.

Разруха на транспорте, порожденная войной, усиливалась. В столицу все меньше и меньше завозилось продуктов, угля и промышленного сырья. Чуть ли не каждый день газеты объявляли о закрытии то фабрики, то завода. Армия безработных росла.

Приближались осенние холода и зима. Куда без работы денешься? Даже в деревню невозможно уехать. Не вскарабкаешься же со всем скарбом и семьей на крышу вагона?

— Голодом и бестолочью хотят задушить, — сердито говорил Савелий Матвеевич. — Надо брать власть в свои руки, иначе пропадем.

На обед кузнец принес из дому котелок постных щей, заправленных подсолнечным маслом. Видя, что Дементий с унылым видом жует сухую солдатскую галету, Савелий Матвеевич предложил:

— Доставай ложку и подсаживайся. Щи — хоть кишки полощи!

За едой Лемехов вспомнил, как, разбирая в сарае всякий хлам, он наткнулся на рыболовные снасти Филиппа.

— Может, порыбачим в субботу? — спросил он. — Лодку, правда, мне дают для другого дела. Но кто нам помешает одно с другим совместить? И для маскировки лучшего не придумаешь. Только вот как с парусом? Ты умеешь управлять?

— Это Филька у нас мастер!

— А ты бы сходил на Франко-Русский, авось ему увольнительную дадут.

После работы Дементий поехал к Калинкиному мосту. На Франко-русский завод его не пропустила охрана. Но один из матросов взялся вызвать Филиппа с «Авроры».

Минут через сорок в проходной появился Филипп. Он был в рабочих холщовых штанах и такой же рубашке.

— С борта ржавчину счищаем, — сказал он. — Через месяц—два в море выйдем. А ты чего, — соскучился или по делу?

— По делу. Может, к садику пройдем? — предложил Дементий.

Филипп не возражал. Сказав матросам из охраны: «Ребята, я вот тут в шептальнике побуду. В случае чего, — сигнальте», — он прошел с братом в скверик. Там они уселись на скамейку и закурили.

— Ты помнишь моего товарища Васю? — спросил Дема. — Ну, я тебя еще на демонстрации знакомил. Его арестовали. Он сейчас в тюрьме. Аверкинский Мокруха так подстроил, что его будут судить за стрельбу в народ и ограбление. Кто еще из ваших матросов тогда с нами в церкви был?

— Как же, известны. Только не пойму — при чем тут Мокруха?

— Он, видно, следил за нами. В милицию с церковным сторожем пришел. А когда ребят схватили, он им какие-то кресты и чашу подкинул.

— Значит, жив, паскуда, и дел своих не бросил? Мне бы за старое с ним посчитаться. В общем, свидетели будут, не сомневайтесь. В воскресенье я зайду к вам.

— А пораньше... в субботу не можешь? — спросил Дементий. — Савелий Матвеевич на рыбалку собирается. Нам с парусом не управиться.

— Парус-то зачем? Перемет без него ставят.

— Не знаю. Видно, Савелий Матвеевич что-то другое задумал.

— Интересно! На рыбалку я с полным удовольствием, — сказал Филипп. — Постараюсь отпроситься. Ждите часов до четырех.

В субботу Филиппу Рыкунову с обеда дали увольнительную на сутки. Моряк пришел к Савелию Матвеевичу, когда тот еще был на заводе. Вытащив из сарая снасти, Филипп стал осматривать их.

Крючки на переметах несколько поржавели, но шнуры еще были крепкими. Зато бредень, для ловли наживки, оказался во многих местах порванным.

Развесив его на стене сарая, Филипп попросил у Семеновны суровых ниток и занялся починкой.

За этим делом и застал его пришедший с работы Савелий Матвеевич.

— Бросай с рухлядью возиться, — сказал он. — Пойдем лучше перекусим на дорогу.

— Спасибо, я на корабле пообедал, — ответил моряк. — А без бредня мы ничего не поймаем. С червячным переметом и возиться долго, и рыба не та. Пока вы закусываете, я хоть стяну петли. Только живей управляйтесь. Перемет до наступления темноты надо поставить.

Вскоре, пришел Дементий. Он принес парус, четыре весла и два кубаса. Братья скатали бредень и увязали лотки с переметами.

Надев на себя старые ватники и нагрузившись снастями, они втроем пошли к мутной речке Таракановке. На захламленном берегу к дуплистому дереву цепями были привязаны две рыбацких лодки с высокими бортами.

— Вот эту, просмоленную, нам дают, — сказал Савелий Матвеевич. — Сгружайте все в нее.

Лодка оказалась большой и вместительной. Часть верха кормового сидения откидывалась. Дементий заглянул в чистый, хорошо проконопаченный ящик и, увидев в днище отверстие, заткнутое деревянной пробкой, удивился:

— Для чего же тут продырявлено?

— Чтоб вода свежая проходила, — объяснил Филипп. — Это садок для мелкой рыбешки. В нем она долго плавает, не засыпает.

Погрузив все снасти в лодку, они по Таракановке на веслах прошли в другую речку — Екатерингофку, а из нее выгребли в устье Невы и по заливу стали огибать Васильевский остров.

День был безветренным. Вода в заливе лениво набегала на отмели, по которым бродили мелкие кулички.

С моря купол неба казался таким высоким, огромным, какого в городе не увидишь. На горизонте четко выделялись серые форты и остров Котлин, на

котором можно было разглядеть трубы пароходного завода, маяки и Кронштадтский собор. От морской шири и свежего, пьянящего воздуха Дементий ощутил такой прилив сил, что готов был грести и грести без конца.

— Хорошо бы поставить перемет за свалкой, — сказал Филипп. — Там рыба всегда толчется. Только где мы живца возьмем? Придется к Лахте идти.

— А почему не подальше? — вставил Савелий Матвеевич. — Нам ночью надо повидаться с сестро-рецами оружейниками. Они к Лисьему Носу обещали подойти и кое-что передать.

— Ах вот вы за какой рыбкой! — воскликнул моряк. — Тогда придется ветерка ждать. На веслах не скоро туда доберешься.

За Лахтой они пристали к песчаной отмели. До захода солнца еще оставалось часа три. Савелий Матвеевич уселся у большого камня подготавливать переметы: он втыкал крючки в пробковую кромку лотка, а шнур укладывал так, чтобы он не путался при сбрасывании в воду. Парни же, скинув штаны и толкая перед собой лодку, отправились вдоль берега искать наживку.

Вода на отмелях была теплой. Рыбья мелочь у камышей ходила большими стаями, но оцепить ее коротким бреднем было трудно. Плотики и языки, блеснув серебром и взмутив воду, разбегались в разные стороны. В бредень попадала только колюшка да глупые одиночки-пескари.

После долгих скитаний по отмелям братьям лишь у ручья удалось преградить рыбешке путь отступления в море. Здесь они разом подцепили штук четыреста узких трепещущих уклеек. Сделав еще два захода, парни вернулись к Савелию Матвеевичу довольными.

— Наживки хватит на все семьсот крючков и на уху останется, — сказал Филипп.

Они оба подсели к старику разбирать второй перемет, так как надо было спешить. Солнце, окрасившее в золотисто-красный цвет край неба на западе, уже склонилось к воде.

Рыбаки вышли в море, когда с берега подул слабый бриз. Отойдя на полмили, они поставили на якорь первый кубас — высокий шест с флажком, поплавком и свинцовой оттяжкой, к которому был привязан конец перемета. Дементий сидел на веслах и подтабанивал, чтобы лодку не сильно гнало ветром, Савелий Матвеевич вытаскивал крючки и передавал их Филиппу, а тот короткими движениями насаживал на них живых уклеек и сбрасывал за борт. Наживленный перемет сажень за саженью уползал в глубины залива...

Они закончили работу в темноте.

— Суши весла! — весело крикнул Филипп и сбросил второй кубас.

Развернув парус, моряк водрузил невысокую мачту в гнездо и, определившись по мигающему маяку, взял курс на Лисий Нос.

Ночной бриз, папахивающий горьковатым дымом, хорошо вздувал парус. Лодка вскоре развила такую скорость, что вода зажурчала у ее борта.

Отдыхая, Дементий закурил и взглянул на небо. Звезд не было видно, кругом стояла глухая мгла, изредка прорываемая светом маяков.

— Как же мы найдем Сестрорецк?

— По кострам на берегу, — ответил Савелий Матвеевич. — Нам надо вооружаться. Близится лихое время. Читали в газетах? Самая крупная буржуазия, генералы да архиереи в Москву съехались. И меньшевички с эсерами там мельтешат. Государственное совещание! А под сурдинку — тайный сговор против нас и революции. Генерал Корнилов германцами пугает и требует введения смертной казни не только на фронте, но и в тылу. В диктаторы метит. И Керенский из кожи лезет, чтоб кадетам и октябристам понравиться...

Минут через пятнадцать Филипп доложил:

— Справа по борту костры!

Вдали колебались два небольших красных огня.

— Давай на них, — предложил старый кузнец, — проверим. Если не наши, махнем дальше.

Выйдя на траверз огней, они свернули парус и

к берегу подошли на веслах. Филипп остался в лодке, а Савелий Матвеевич и Дементий направились к ближайшему костру.

В седловине, прикрытой кустами от ветра, у весело потрескивающего огня лежали на песке шесть рыбаков в потрепанных одеждах и о чем-то негромко разговаривали. Услышав скрип песка под ногами пришельцев, они умолкли.

— Можно к вашему огоньку? — спросил Савелий Матвеевич. — Спички подмочили, курить охота.

Рыбаки ничего не ответили, лишь один из них подвинулся и пропустил к костру. Савелий Матвеевич прикурил от уголька и, видя, что знакомых здесь нет, заинтересовался:

— Ну, как рыбка?

— Вечером клевала, — ответил тот, что подвинулся. — А вот утром, видно, на якорю не удержишься. Морянка задует... Закат красноватым был. А вы что, с дорожкой ходите или перемет поставили?

— Перемет, авось судачишко набежит. Вы Володю сестрорецкого не видели?

— Вон их костер. Тоже перемет ставили и на блесну двух судаков подцепили.

— Значит, ходит рыбка! Пойду узнаю, где они ее нащупали.

К другому костру Савелий Матвеевич пошел один. Поджидая его, братья собрали сухой плавник и развели небольшой огонь.

— Давай наскоро рыбешку сварим, — предложил Филипп.

— Хорошо бы! — обрадовался Дементий. — А то живот подвело.

Он сбегал к ручью, наполнил котелок водой и повесил его над пламенем, а Филипп тем временем принялся потрошить уклейку.

Не успела вскипеть вода, как Савелий Матвеевич вернулся.

— Гасите костер, — сказал он. — Оружейники на уху зовут.

— А нашу рыбешку куда?

— Коту на обед.

Вылив горячую воду на огонь, братья взяли с собой котелок, хлеб, ложки и пошли за Савелием Матвеевичем в гости.

Сестрорецкие рыбаки только что сняли с рогаток закоптелый котел с дымящейся ухой, распространявшей острый запах.

— А ну, ребята, подсаживайся к ухе! — пригласил горбоносый оружейник. — Жаль, для аппетита ничего подходящего не захватили.

— А у нас он и так неплохой... только бы побольше да погуще! — отозвался Филипп...

Уха, заправленная молодым картофелем, лавровым листом и перцем, была ароматной и вкусной.

Съев подчистую все, что было в котле, рыбаки улеглись на рассыпчатый морской песок вокруг костра и закурили.

— Ну, как там у вас, на «Путиловце», — много мастеровой гвардии набирается? — спросил круглолицый, которого все называли Володей.

— Боевого народу хватит, только считай, — ответил Савелий Матвеевич. — Да вот с оружием бедновато: с палками парни обучаться ходят.

— В следующую субботу мы вам еще подкинем, — пообещал оружейник. — Прижимают нас. Вот как-то ночью юнкера налет устроили, с обысками по дворам пошли. Прямо за глотку хватают: «Признавайся, где оружие спрятано!» «Ищите, — говорим, — найдете — ваше будет». До утра они колобродили, обозлились и лаяться давай: «Вот погодите, Корнилов к власти придет, так мы всех бунтовщиков за ноги перевешаем». Так что они к резне готовятся. Нам бы опередить их надо.

Кончив курить, оружейник посмотрел на карманные часы, похожие на большую луковицу, и воскликнул:

— Ого! Время быстро бежит. Поднимайтесь, надо до рассвета сгрузиться.

Они прошли к своим лодкам, столкнули их на воду и на веслах двинулись в глубь залива.

Отойдя от берега на изрядное расстояние, ры-

баки сблизились и, став борт к борту, начали перегружать винтовки, обернутые в промасленную ветошь. Филипп их принимал, а Савелий Матвеевич аккуратно укладывал в носовую часть на брезент. Хорошо укрыв и замаскировав винтовки лотками, они еще раз закурили, пожали друг другу руки и на прощание одновременно выкрикнули:

— Ни пуха, ни пера! Тьфу-тьфу...

Ветер переменялся, он теперь дул с северо-запада. Филипп вновь установил мачту и, умело управляя парусом, лег курсом на юг, а сестрорецкие оружейники повернули на север.

На востоке высветлилась тоненькая, едва приметная полоска. Она с каждой минутой ширилась, принимая розоватый оттенок, потом неожиданно вспыхнула и пронизала полнеба золотистым светом.

Всходившее солнце зажгло далекий купол Исаакиевского собора, острые шпили Адмиралтейства, Петропавловской крепости и маковки церквей. Заводские трубы, возникавшие из рассеивающейся мглы, казались черными, только что погашенными свечками.

Подходя к Лахтинскому выступу, Дементий и Филипп стали вглядываться в поверхность моря, отыскивая свои кубасы. Утренний блеск волн слепил глаза. Приходилось щуриться и напрягать зрение.

Моряк вскоре заметил раскачивающийся над водой флажок. Скатав парус, он перебрался на нос лодки, вытащил нож, воткнул его в скамейку и стал ждать, когда Дементий на веслах подойдет к кубасу.

Как только флажок очутился у борта, он схватил его, вытащил из воды вместе с грузом, и, передав Савелию Матвеевичу, начал не спеша выбирать шнур перемета.

Это был захватывающий момент рыбной ловли! Все с волнением уставилось на вздрагивающий, затянутый зеленой тиной, шнур: что сейчас покажется из глубины? Какая добыча?

Первые крючки были пустыми.

— Начисто обьели, хитрая рыба пошла, — бормотал Филипп. Он по напряжению шнура чувствовал, есть ли что на поводке. — Эге, задрогала... попалась одна!

Шнур чуть повело в сторону, и на поверхности показался взъерошенный крупный окунь. Он сопротивлялся, рвался на глубину, выскакивал... но был выхвачен из воды и брошен в лодку.

Видимо, над этой частью перемета прошла большая стая окуней, они попадались через два — три крючка, все имели одинаковую изумрудно-полосатую окраску и по величине не отличались один от другого.

— Однолетки, — определил Филипп. — А вот и удушенник попался.

Он вытащил какой-то темный ком, покрытый белой слизью. Это был небольшой угорь, который, стремясь освободиться от крючка, так намотал на себя поводок и шнур, что был задушен ими.

Потом пошли крючки с уцелевшей наживкой. Филипп стряхивал мертвых уклеек в воду и приготавливал:

— Судачкам малым и чайкам на обед!

Неожиданно он ощутил тяжесть на перемете.

— Никак зацеп... а ну, Дема, притабаны! — попросил Филипп. Моряк слегка поддернул шнур и вдруг почувствовал рывок. — О-го! Никак большая попалась... приготовьте сачок!

Вместе с мутью вверх всплывали клочки выдранной травы. На глубине металась какая-то сильная рыба. Боясь порвать ветхий перемет, Филипп вываживал ее с предосторожностями. Наконец на поверхности показался крупный судак с белесым брюхом. Он всплеснул хвостом, желая уйти на глубину... но угодил головой прямо в сачок, подведенный Савелием Матвеевичем.

— Ну и рыбина! — вытащив добычу, воскликнул старик. — Не меньше двенадцати фунтов потянет.

— Вы не возитесь с ним... срежьте с поводком, если далеко заглотнул, — посоветовал Филипп. —

А то руки покалечите, — зубы у них цепкие. Эге! Кажется, еще такой же!

Второй судак был поменьше, но тоже доставил немало хлопот: рванувшись под лодку, он потащил за собой перемет. И как-то так получилось, что крючок соседнего поводка зацепился за киль. Пришлось Филиппу погрузить руку по плечо в воду и пустить в ход нож.

В течение получаса рыбаки наполнили садок доверху и с добычей двинулись к дому.

* * *

Старый церковный сторож, вымаливая себе прощение, часто оставался после богослужения у алтаря, бросался на колени перед распятием, отбивал поклоны и просил:

— Господи, Иисусе Христе, прости мя, грешного, не покарай за подлость и злобу людскую...

Изнывая от страха, он каждый день ждал, что придут с дальней заставы мстители и спросят: «Ты зачем подкинул нам украденное из алтаря?»

— Не по своей воле, — бормотал старик. — Долговязый бес попутал. И кресты-то были старые, из серебра... на чаше позолота стерлась. Без дела они лежали. Не прогневайся, пощади мя...

В воскресенье, после вечерней службы, старик не погасил восковых свечей, а как всегда встал на колени перед изображением распятого на кресте Иисуса Христа и, закрыв глаза, начал повторять свою каждодневную молитву.

В церкви стояла такая тишина, что слышно было, как капает оплывающий воск, слегка потрескивает пламя свечей и попискивают бегающие в просвирной мыши.

Вдруг до слуха молящегося донесся скрип тяжелой двери главного входа. «Кто бы это мог быть? — вздрогнув, подумал сторож. — Не вернулся ли отец Анатолий?» Дряхлый настоятель церкви ушел последним, по рассеянности он мог что-нибудь забыть. «Нет, не он», — определил сторож. По гулким пли-

там явно шагали несколько человек. Слышно было, как у одного из них цокали подковки.

Боясь оглянуться, старик торопливо стал отбивать поклоны и бормотать молитвы.

Шаги вскоре затихли, но сторож чувствовал, что пришедшие не ушли, а стоят где-то невдалеке и наблюдают за ним. Он лишь чуть скосил глаза и, заметив трех матросов, державших снятые бескозырки, рослого милиционера с красной повязкой на рукаве и сгорбленного отца Анатолия, упал ниц и в голос завопил:

— Матерь божья, великомученица, заступись!

— Ладно, хватит канючить, — сказал грубый голос. — Поднимайся.

Чьи-то сильные руки подхватили обомлевшего старика и подвели к аналою.

— Раб божий Лука, клянись на святом евангелии, что будешь, как перед богом, говорить только правду, — подняв руку с тремя вытянутыми вверх пальцами, произнес отец Анатолий.

— Клянусь, — слабым голосом отозвался сторож, перекрестился и поцеловал край толстой книги с золотым обрезом.

Матрос, усевшийся на приступку алтаря писать протокол, строгим голосом спросил:

— Как тебя зовут?

— Лука Афанасьевич Субботин.

— Где проживаешь? Уроженец какого села, уезда, губернии?

У старика затряслись ноги. Ему вдруг стало холодно, захотелось сесть. Он слышал вопросы, машинально отвечал на них и думал: «В тюрьму посадят... и отец Анатолий разгневется, прогонит меня».

— Правду ли говорят, что ты со злым умыслом выкрал церковную утварь, окропленную святой водой, и подкинул мастеровым?

— Каюсь, дьявол попутал.

И Лука Афанасьевич, утерев рукавом глаза, стал рассказывать, как после ареста переодетых военных к нему пришел их долговязый начальник и стал

нашептывать: «Богоугодное дело свершишь. Они слуги Антихриста... идут против царя и бога. Каторжники будут разорять церкви, измываться над верующими. Бог вознаградит того, кто поможет правосудию вернуть их в тюрьму».

— Видел ли ты, что арестованные мастеровые избивали кого-нибудь? — вновь стал допрашивать матрос.

— Каюсь, не видел.

— Кто стрелял с колокольни?

— Переодетые военные, которых арестовали мастеровые и матросы.

— Ими командовал Аверкин?

— Да, он **потребовал**, чтобы я впустил их в божий храм.

— Больше вопросов у нас нет, — сказал моряк. — Прошу свидетелей подтвердить, что насилия над гражданином Субботиным не было, что после клятвы перед евангелием он сообщил нам чистую правду.

Закончив протокол, Филипп Рыкунов записал адреса свидетелей, дал им расписаться и поблагодарил дряхлого настоятеля.

Милиционер хотел было взять протокол, но матрос сказал:

— Нет, брат, он нам самим пригодится.

* * *

Виталий Аверкин встревожился, узнав, что брат срочно вызывает его к себе.

«Разнос устроит, — решил он. — Целый месяц, как собаки, с высунутыми языками носимся по городу — и никакого следа. Руководитель большевиков словно в воду канул. Пусть сам попробует найти, если такой ловкий. Ругаться и кричать легче всего».

Стремясь получить вознаграждение, Виталий весь июль и начало августа не давал себе отдыха: он участвовал в ночных облавах, отслеживал делегатов Шестого съезда большевиков, выезжал в

Кронштадт, так как ходили слухи, что Ульянов-Ленин скрывается на линейном корабле «Заря свободы».

О Кате Алешиной он не мог вспомнить без злости. Из-за нее едва не погиб лучший агент. Его схватили какие-то парни, избили, содрали одежду и заставили переплыть Неву. Агент чуть не захлебнулся, течением его отнесло к Лебяжьей канавке. Он голышом через парки добирался домой. Так могло случиться и с Виталием. Хорошо, что он был настороже. Но ей это не забудется! Впрочем, может, она и не виновата. Сейчас на Выборгскую сторону лучше и не суйся: рабочие патрули ловят всех подозрительных и расправляются по-своему. Не у них ли прячется Ленин?

Явившись к брату, Виталий начал жаловаться на трудности работы. Тот слушал его как-то рассеянно, потом махнул рукой и перебил:

— Охотно верю. Сейчас не это главное. Тебе придется срочно переключиться на другое дело.

Всеволод, видимо, боясь, что их подслушают, подошел к двери, выглянул в приемную, закрыл замок на защелку и, вернувшись, заговорил вполголоса:

— Керенскому, кажется, грозит отставка. Во всяком случае, он уже не котируется. Появился новый претендент в диктаторы — Лавр Корнилов. Генерал уже засылает в Петроград офицеров резерва и подтягивает к столице казачьи части. Двадцать седьмого августа отмечается полугодовщина революции. По этому поводу устроят манифестацию. Во время шествия надо будет разыграть большевистское восстание. Тебе со своей группой придется изобразить громил.

— А нас не перестреляют? — спросил Виталий, недовольный новым заданием.

— Не бойся, это исключено. В восстании примут участие, кроме вас, еще и переодетые офицеры. Они позаботятся о безопасности. Но наш шеф боится, что их действия покажутся неправдоподобными. Вы это лучше сделаете.

Матросы, сидевшие в «Крестах», читали газеты, прославлявшие генерала Корнилова, и возмущались:

— Знаем мы его. Против солдаток и стариков пушки выставляет, а как артиллерию противника увидит, так от страха штаны и войска теряет. В самом начале войны в плен угодил. Да к кому? К австрийцам, которые сами тысячами сдавались!

Как только газеты стали намеками писать о генеральском заговоре, Васкевич, державший нос по ветру, вдруг вновь стал запрещать свидания, передачи с воли и приказал коридорным не выпускать заключенных из камер.

Кончились прогулки по коридору, споры и хождения в гости. Вновь заработал тюремный телеграф.

Газетные заметки и статьи вызывали тревогу у заключенных. Генералы не без умысла стягивали к столице казачьи корпуса и конников «Дикой дивизии». В любой момент они могли устроить на улицах столицы резню.

«Нам будет хуже всех, — рассуждал про себя Кокорев. — Там, в городе, можно хоть камнями обороняться. А в тюрьме чем? Как вырваться из нее?»

Неожиданно, двадцать седьмого августа тон многих газет круто изменился. Они вышли с крупными заголовками, призывавшими население выйти на защиту революции, и требовали чрезвычайных полномочий Керенскому.

На другой день с утра в контору тюрьмы стали вызывать политических заключенных и выпускать на волю. Первыми тюрьму покидали матросы. Только Тарутина и еще несколько моряков задержали.

— Ишь как оборачивается: вас выпускают, а мы за решеткой остаемся, — помрачнев, сказал Иустин.

— Не печалься, и до тебя очередь дойдет, — успокаивали его уходящие. — Скоро и анархистов попросят.

— Да какой же я, к черту, анархист, если делаю и говорю то же самое, что и вы?

— Что правда, то правда. Давно бы тебе пора к нам, к большевикам, переходить.

— В общем не тревожьтесь, ребята, ежели вас не выпустят, то мы такую бучу на воле поднимем, что они не возрадуются, — пообещал на прощание Проняков. — На всякий случай дайте-ка адреса, — может, к вашим зайду, расскажу, как вы здесь. . .

К вечеру в больших общих камерах осталось по пять — шесть человек. Заключение, как тени, бродили по коридору, надеясь, что, может быть, и их вызовут, но коридорные молчали.

— Видно, на завтра отложили, — сказал Кокорев. — Пошли спать.

На следующий день в контору вызовов больше не было. «Заложниками нас оставили», — решили заключенные.

Днем пришли газеты. Василию удалось купить «Новую жизнь» и «Рабочий», а Иустину достались «Биржевые ведомости». Став ближе к свету, они оба внимательно вчитывались в статьи и заметки, желая понять, что же творится на воле. Наткнувшись на сообщение о том, что рабочие Обуховского завода, «Анчара», «Старого Лесснера» требуют немедленного освобождения всех, кто был арестован в июльские дни, Василий повеселел.

«Наши действуют, — думал он. — Наверное, по заводам ездят и на митингах выступают».

— Чудеса какие-то! — вдруг воскликнул Тарутин. — Буржуйская «Биржевка» матросов хвалит!

И он вслух прочитал заметку о прибытии в столицу пяти тысяч кронштадтцев:

«Вчера Петроград впервые после революции увидел дисциплинированные части. Это были стройные колонны кронштадтских моряков. На эти части Временное правительство может положиться в своей борьбе против изменников революции».

— Значит, кронштадтцы стали нравиться? Здорово получается! — с презрением сказал Тарутин. — Хорошо, что я вместе с ними не позорюсь. Лучше в тюрьме сидеть, чем в пай-мальчики попасть!

В других же заметках сообщалось, что войска мятежников все ближе и ближе подходят к Петрограду.

Виталий Аверкин несколько дней готовил группу агентов для разыгрывания восстания, но когда накануне празднования он поздно вечером явился к брату, тот вдруг сказал:

— Завтра ничего не будет... воздержимся. Людей пока не распускай, — пригодятся. Очередная истерика! Керенский, который знал о заговоре в Ставке, сделал неожиданный фортель: выслушав бывшего обер-прокурора Львова, пришедшего предъявить ему требования Корнилова, он вдруг решил стать разоблачителем. Попросил Львова прийти попозже, а тем временем от его имени связался телеграфно со Ставкой, выяснил намерения Корнилова; затем подсадил в соседний кабинет для подслушивания помощника главного начальника милиции и, при вторичном разговоре, арестовал Львова. Потом явился на заседание Совета министров и потребовал для себя чрезвычайных полномочий. Произошло идиотское недоразумение. Надеюсь, через день — два выяснится. Ты жди.

— Кто же нам теперь платить будет?

— Выдай агентам из своих по полсотни.

— А если Корнилов не победит?

— Наша жизнь с тобой вроде картежной игры. Вот тебе двести рублей, прибавь свои и... пошли ва-банк. Надо рисковать.

Виталий выдал агентам деньги, а те от скуки в два вечера пропили их.

Пьянствовали в столичных ресторанах и офицеры, посланные из Ставки в Петроград. Все они ждали сигнала, а его все не было.

В последний день августа Всеволод вызвал к себе Виталия и приказал:

— Распускай всех. Мы ни к чему не готовились... Понял?

— А если они бучу поднимут, деньги потребуют?

— Отдельвайся, как сумеешь. Меня в эту историю не впутывай.

— Что же случилось?

— Мятеж подавлен. Крымов, который довел свой конный корпус до Луги, застрелился. Во всем повинны большевики, они разложили не только донских казаков, но и «Дикую дивизию». Я не знаю, как Керенский из всего этого выпутывается. Он вооружил и поднял опасных для себя людей. Пусть-ка теперь попробует их утихомирить! В общем, ликвидируйся... Чтобы никаких следов. Мы продолжаем работать на старого хозяина.

Глава двадцать третья

ГОЛОДОВКА

Требования заключенных, протесты на воле и тревожная политическая обстановка заставили прокуратуру зашевелиться — предъявить «июльцам» обвинение. Подготовлено оно, конечно, было наскоро, на основании показаний весьма сомнительных свидетелей. Но другого выхода у Временного правительства не оставалось: надо было хотя бы как-нибудь опорочить большевиков, сыгравших главную роль в подавлении корниловского мятежа и завоевавших небывалое доверие в народе.

Первого сентября обвиняемых начали вызывать в канцелярию тюрьмы для ознакомления с общим материалом предварительного следствия. Кокорев, Лютиков и Шурыгин попали в одну группу с оставшимися моряками.

Следователь первым делом ознакомил обвиняемых с постановлением правительства от шестого июля о привлечении к судебной ответственности «всех участвующих в организации и руководстве вооруженным выступлением против власти».

Моряки и путиловцы выслушали его спокойно; только один из них спросил:

— Скажите, пожалуйста, а почему не всех демонстрантов арестовали? Тюрем не хватило, что ли?

Заметив, что шутки в тюрьме неуместны, следо-

ватель насупил брови и монотонным голосом стал зачитывать общую формулу обвинения, а затем показания какого-то прапорщика Ермоленко, якобы переброшенного немецким командованием на фронт Шестой армии для агитации против войны. Ермоленко при аресте якобы заявил, что Ленин пропущен германцами в Россию с тем же заданием.

— Ложь! Мы не желаем слушать эту гнусную клевету, — возмутились матросы.

— Спокойней, спокойней, господа, — повысил голос следователь. — Вы обязаны выслушать до конца.

Все остальное он читал скороговоркой, словно боясь, что его снова перебьют и не пожелают больше слушать. Закончив, вытер со лба пот и спросил:

— Какие у вас есть дополнения?

Поднялся матрос с «Гангута».

— Не признаю прочитанного, — сказал он. — Потрудитесь предъявить копию следственного производства, а к этой тенденциозной чепухе нам добавлять нечего.

— Точно, — поддержали его другие моряки. — Грязновато работаете. Не хорошо, господин следователь!

Василий и его товарищи также не признали прочитанного и потребовали конкретных обвинений по их делу. Обозленный следователь, видя, что с этими людьми не сговоришься, вызвал конвойных и приказал всех развести по камерам.

Опять потянулись длинные и нудные дни бессмысленного сидения за решеткой. Раньше, когда в тюрьме находилось больше народу, как-то веселей и незаметней пролетало время. Интересно было слушать политические споры, узнавать новости, читать газеты, наводить с матросами чистоту в камере. А сейчас оттого, что не осталось надежды на быстрое освобождение, все осточертело. Не хотелось ни разговаривать, ни прогуливаться по коридору. Невыносимыми стали голые нары, гнетущие серые стены и решетки на узких окнах.

Кормить стали еще хуже. В обед выдавалась только бурда, сваренная из затхлой солонины; от

нее болели желудки и кровоточили десны. Хорошо, что Катя догадывалась посылать в передачах зеленый лук, редиску и морковь, иначе путиловских парней одолела бы цинга.

«Откуда она берет такие деньги на передачи? — не раз думал Василий. — Наверное, сама голодает? Я же подкармливаю других; надо написать, чтобы больше не присылала. На нас не напасешься».

Но ему никак не удалось переслать письмо на волю.

* * *

Кате жилось не легко. Мать лишь изредка находила поденную работу. А бабушке приходилось часто выезжать на дачном поезде в Дибуну и в лесных болотах собирать бруснику, клюкву, грибы, чтобы подкормить внучат.

А тут, как назло, домовладелец подал жалобу в суд. Катя была на работе, когда пришел судейский чиновник. Он так напугал мать и бабушку, что те при нем же перенесли все вещи в подвал.

Придя поздно вечером, Катя увидела на дверях приставской квартиры наклейку и сургучную печать. «Обыск, что ли, был? — подумала она. — Не меня ли искали? Где же наши?»

Девушка осторожно спустилась вниз и по затемненной части двора прошла в подвал. Мать и бабушка занимались там уборкой, расставляли убогую мебель на старые места. Узнав о приходе чиновника, Катя возмутилась:

— Что же вы меня не дождались? Он не имел права выселять без суда.

— А ну его! Все равно житья не будет, — ответила мать. — В очереди говорят, что все к старому идет. И противиться не надо. А то нас голодом заморят и немцев напустят. Лучше не связываться. Прозимуюем и тут, не господа.

Точно было устраиваться опять в сыром и затхлом подвале.

Узнав от Кати о новом переселении, тетя Феня рассердилась:

— Не буду больше в ваши дела вмешиваться. Старух не переделаешь, — на всю жизнь рабыни.

А Гурьянов отнесся сочувственно.

— Не горюй, — сказал он. — Есть у меня на примете приличное служебное жилье, только надо кой с кем поговорить.

Через день он отозвал Катю в дальний угол мастерской и спросил:

— Слыхала? Нашего Михаила Ивановича в председатели Лесновской управы выбрали.

— Да, мне девчата говорили. И вы ведь в подрайонную Думу попали?

— Собрал ваши голоса. Но там, кроме нас, еще кадеты и эсеры с меньшевиками. Хотелось бы в думском особнячке своих людей поселить. Как ты смотришь на то, чтобы перебраться туда с матерью и бабушкой? Мы тебе платную должность подберем, а они уборщиками будут.

— Я хоть завтра. Но вот как мои? Вы бы сами поговорили с ними.

Вечером Гурьянов зашел в подвал и, как бы невзначай, поинтересовался: не желают ли женщины получить службу с казенной квартирой.

Катина мать подробно расспросила о работе и довольно быстро согласилась, а бабушка, вздохнув, отказалась:

— Перебирайтесь одни. Куда я от малых ребятишек уйду? Пропадут они без меня.

Алешиним пришлось переселиться в Лесное без бабушки. Им дали комнату с кухней в двухэтажном думском особняке, стоявшем среди высоких елок, тополей и кленов.

Катя числилась комендантом здания и кассиршей. Она занималась думским хозяйством и ездила в банк за жалованьем служащим, а ее мать убирала помещение.

Воздух в этой части города был чистым. По утрам девушка чувствовала себя отдохнувшей и бодрой.

Заморозки серебрили траву. Пожелтевшие листья, медленно кружась, падали на землю. При-

ятно было пройти по шуршащим дорожкам и вдыхать бодрящую осеннюю прохладу.

«Только бы Аверкин не узнал, куда я переехала!» — думала девушка. Своих родных она предупредила, чтобы они никому не давали адреса, а говорили неопределенно: «Уехала куда-то на Васильевский остров». Пусть поищет в другом конце города.

Правда, появились и неудобства: в свободную минуту она уже не могла забежать к Наташе, так как надо было одеваться и ехать в трамвае. Но Катя не порывала с Выборгским райкомом партии; она ходила на кружок, в котором фельдшерица обучала оказывать первую медицинскую помощь раненым, с тетей Феней собирала пожертвования политическим заключенным и отправляла в «Кресты» передачи.

Встретиться с Васей ей больше не удавалось, а переписываться стало рискованным: если бы тюремщики обнаружили хоть одну записку в передачах, Катя подвела бы Красный Крест и лишила бы других заключенных помощи.

В начале октября, когда над Петроградом нависло серое небо и холодные пронизывающие ветры нагнали с моря туманы и промозглую сырость, тетя Феня вдруг передала Кате газету, в которой было напечатано воззвание узников, сидящих в «Крестах».

«Мы ждали долго! Нас, как и вас, товарищи, успокаивали сказками, говоря, что дела скоро будут рассмотрены и невиновные выпущены. Но это была ложь. Прошли месяцы, а мы по-прежнему в «Крестах».

Арестовали нас в июле, арестовали при издевательствах юнкеров и офицеров. Штаб производил над некоторыми арестованными пытки, о которых мы расскажем, когда выйдем на волю.

Потом начались пытки моральные. При поддержке эсеров и меньшевиков, буржуазия, возглавляемая Керенским, начала обливать нас бесконечно гнусным потоком грязной клеветы, обвиняя в предательстве, в государственной измене, сообщничестве

с германским штабом, в контрреволюционных действиях.

Но налетел шквал корниловщины, и сразу все разоблачено. Когда большевистские полки остановили под Ригой неприятеля и восстановили фронт, открытый генералами, стало ясно всем, что не большевики содействуют германскому штабу, а буржуазия и наши штабы предают народ для того, чтобы, свалив свое предательство на большевиков, раздавить их и утвердить свое господство над трудящимися.

Довольно! Пора положить предел бесстыдству.
Мы долго ждали.

Довольно! К голодовке!

Если к вечеру понедельника 9 октября мы не будем освобождены, то начнем голодать и не прекратим, пока не выйдем из тюрьмы все».

— Зачем же они это делают? Ведь истощат и погубят себя. Вася упрямый, он скорее умрет, чем сдастся, — встревожилась Катя.

* * *

Тюремщики берегли дрова для себя, поэтому камеры в «Крестах» не отапливались. От каменных стен веяло сыростью и холодом.

Узники тридцать восьмой камеры, арестованные в жаркую летнюю пору, теплой одежды не имели. Чтобы как-нибудь согреться, они лежали на двух матрацах, тесно прижавшись друг к другу, а двумя укрывались, стараясь поменьше шевелиться.

Шли третьи сутки голодовки. Сосущая, ноющая боль в желудке не давала покоя ни днем, ни ночью. А тут еще стала мучить жажда. От острого холода, просачивавшегося из-под нар, от мелкой дрожи иззябшего тела внутри все пересыхало.

Воду голодавшие берегли: разделив по кружкам, они пили по два глотка в часы завтрака, обеда, ужина. Но разве можно было утолить ею жажду?

Василий Кокорев лежал в полузабытии между Иустином Тарутиным и Ваней Лютиковым. Ему по-

чему-то казалось, что он плывет по мутной речке Екаторингофке на слегка покачивающейся лодке, а серое небо сеет мелкий осенний дождик, от которого вся одежда напилалась тяжелой сыростью.

«Не попить ли воды? — думал он. — Нет, здесь она грязная, — заболеешь. Надо выбраться на Неву, на взморье».

Вася ждал, что сквозь низко нависшие тучи вот-вот пробьется солнце, станет теплей. Он соберет силы, выбежит на берег залива, упадет на горячий песок и начнет сгребать его под себя... Как соскучился он по солнцу, по теплу! Неужели холод, вот так постепенно просачиваясь в каждую жилку, заполнит его тело? Он окоченеет, станет твердым, недвижимым... и мысли оборвутся. Что же будет с Катей, с бабушкой? Нет, он не хочет быть мертвяком! Надо сопротивляться. Но как? «Июльцы» дали слово: «Свобода или смерть». У них хватит характера. Голодовка не прекратится, пока всех не выпустят.

Василий шевельнул плечом и открыл глаза. Невольным движением он, видимо, прервал мысли Тарутина, потому что тот вдруг заговорил:

— Я вот лежу и думаю: для чего мы под пулями шли, власти Советам требовали, а те, кто заседает в Советах, нас чуть из пушек не расстреляли?

— Это делали не Советы, а подлецы, захватившие власть, — возразил Василий. — Из президиума Петросовета меньшевиков уже выгнали...

— А какая мне радость от этого? Для чего я страдаю, — спрашивается? Стоит ли овчинка выделки?

— Стоит. Сколько людей боролись за народ и не боялись смерти! Они верили в лучшее... хотели, чтобы не было ни богатых, ни бедных.

— Как это ни богатых, ни бедных? — переспросил Тарутин. — Поровну, что ли, все поделить? Но ведь один пропьет, другой по слабости характера отдаст, а третий все прикарманит, богачом сделается. И опять все начинай сначала.

— Зачем же? Земля и фабрики станут общими.

Ты не сможешь ни продать, ни купить, ни подарить. Понимаешь, настанет такое время, когда человека будут уважать не за деньги и знатность рода, а лишь за работу и все, что в нем хорошее. Вот тебя, например, полюбили бы за прямоту, за отчаянность... За то, что не оставишь товарищей в беде. И, может, будут помнить и чтить, как Овода или Спартака...

— Я не нуждаюсь в этом. Сажу в тюрьме не для того, чтобы в святцах поминали. Презираю святых! Я живой матрос, Иустин Тарутин, желаю насладиться свободой при жизни, а ты мне памятники будущие сулишь. Может, тот будущий человек подлецом окажется, скорчит унылую рожу и скажет: «Я не просил тебя драться за этакую жизнь. Она мне не по праву, я не вижу в ней радости. Ты для своего удовольствия в тюрьмах околачивался».

— Честный человек не скажет. Ну, а подлец... так мы же боремся против них! Не будешь же ты прислушиваться к нытью паршивца?

— Возможно. Но лучше бы нам самим вкусить человеческой жизни.

И Тарутин умолк. Василий опять закрыл глаза. Сосущая боль внутри не унималась. Казалось, что какая-то жесткая рука сдавливала желудок. Чтобы отвлечься, Василий начал думать о Кате. Камера, словно лодка, раскачивалась и плыла. Вскоре юноша потерял всякое представление о месте и времени.

Василий очнулся от грубого выкрика:

— Эй, Кокорев, Лютиков и Шурыгин! Собирайте свое барахло и — в канцелярию!

— Зачем? — спросил Василий.

— Выпускают вас троих; следствие прекращено, — сообщил надзиратель.

— А остальных?

— Больше ни о ком не говорено.

— Мы одни не выйдем... будем голодать, пока всех не выпустят.

— Значит, отказываетесь?

С какой бы радостью Василий остановил его и сказал: «Нет, подождите, мы сейчас соберемся». И сердце выстукивало: «За этими стенами свобода, солнце... ты увидишь Катю». Но разве можно изменить клятве? Видя, как у Лютикова что-то дрогнуло в заостренном лице, Василий поспешил отрезать пути отступления.

— Мы не предатели, — сказал он. — Скажите... путиловцы отказываются.

Надзиратель неодобрительно покачал головой и ушел. Оставшиеся молча смотрели на Кокорева: Тарутин с явным восхищением, а Лютиков и Шурыгин — недоумеая: «Неужели ты способен еще голодать? Нас же выпускают... Следствие прекращено, мы невиновны!» — Но вслух они не решались признаться в своей слабости.

— Ребята, вы, наверное, сердитесь, что я за себя и за вас отказался? Но мы не можем подводить других. Это было бы подлостью!

— Кто тебе что говорит? Сказал — и ладно, — пробормотал Шурыгин.

А Лютиков тяжело вздохнул. Они опять улеглись на нары и закрыли глаза. Тарутин, нащупав Васину руку, крепко пожал ее.

— Эх, и чудесный же вы, путиловцы, народ!

Не прошло и получаса, как в камере появился рассерженный начальник тюрьмы. Он был не один: с ним пришел надзиратель и пятеро казаков, вооруженных карабинами.

— Кто здесь отказывается покинуть тюрьму? — шевеля усами, грозно спросил Васкевич.

Юноши приподнялись.

— Мы, — ответил за всех Кокорев.

— Прошу убраться! Я не имею права держать посторонних.

— Мы не посторонние, — возразил юноша. — Мы политические заключенные.

— С сегодняшнего дня вы уже не числитесь на довольствии. Посему ваша голодовка не действительна.

— Все равно, одни мы не уйдем.

— Это что же — бунт?! Да я вас в карцере сгною... на месте расстреляю.

Парни не шелохнулись. Они с презрением смотрели на раскричавшегося прапорщика. Упорство путиловцев привело Васкевича в бешенство. Он вдруг затрясся, изменился в лице и начал выкрикивать:

— Команда! Боевыми по бунтовщикам...

Казаки, щелкнув затворами, вскинули винтовки и взяли на прицел непокорных арестантов.

— Считаю до трех! — каким-то петушиным голосом предупредил Васкевич. — Раз!..

Иустин Тарутин, исподлобья наблюдавший за происходящим, чутьем понял, что если он сейчас не вмешается, то произойдет непоправимое. Начальник тюрьмы был в таком взвинченном состоянии, что мог выкрикнуть и «пли!». Его надо было остановить.

— Два!.. — резко поднимаясь, скомандовал матрос. — Дайте, я этому психу по морде съезжу. А вы что в людей целитесь! — прикрикнул он на казаков. — Отставить... вынь патроны!

Растерявшиеся казаки не знали, как им быть... Одни опустили карабины, другие держали их наизготовке. Задохнувшийся от ярости, Васкевич не способен было подать нужную команду. Он, словно рыба, вытасненная на сушу, беззвучно открывал и закрывал рот.

Иустин поспешно спустился с нар, подошел к начальнику тюрьмы и звонко хлестнул ладонью по щеке. Васкевич пугливо поднял локоть и, тараща глаза, попятился. Матрос больше его не трогал. Брезгливо вытерев руку о фланельку, он, как бы оправдываясь перед товарищами, сказал:

— Так у нас в шахте психов успокаивают... тех, кто при обвалах рассудок теряет.

Васкевич, вдруг обретя голос, как-то по-бабьи плача, запричитал:

— Что со мной делают, подлецы! Всю душу изорвали! Всех в карцер!.. до одного!..

Глаза у начальника тюрьмы закатились; он на-

чал дергаться и биться в истерике. Надзиратели едва успели подхватить его. Приказав конвоирам никого не выпускать из тридцать восьмой камеры, они вытащили Васкевича в коридор. Там уже толпились взволнованные заключенные, вышедшие на шум.

— Что случилось? Кто его? — спрашивали они.

— Ничего, господа. . . по местам! — просили надзиратели.

Но их никто не слушал. Когда Васкевича увели в комнату дежурного, заключенные из коридора через спины казаков начали переговариваться с путловцами. Узнав подробности происшествия, они посоветовали парням не сопротивляться.

— Голодовка бессмысленна, раз вас не считают на довольствии. Лучше выходите на волю. В Питере сейчас Северный съезд Советов. . . Пробейтесь на него и расскажите о нас. В общем, действуйте энергично. Пусть знают, что, кроме голодной смерти, у нас никаких других мер протеста не осталось. . .

Васкевича тем временем привели в чувство.

— Чего я здесь? Что было со мной? — испуганно спрашивал он у надзирателей, а про себя в ужасе подумал: «Этак не трудно и в дом умалишенных угодить. Сделаешь здесь карьеру, как же! Проклятый контрразведчик, это он довел меня. . . С утра нервы треплет».

Утром к начальнику тюрьмы явился долговязый военный. Показав удостоверение контрразведки, он с таинственным видом сказал:

— У меня к вам два дела.

Васкевич приказал дежурному никого не впускать в кабинет. Долговязый, усевшись напротив, неторопливо закурил и, глядя прямо в глаза прапорщику, негромко заговорил:

— Первое. . . нечто вроде предостережения. Нам известно, что бывшие николаевские министры — Хвостов и другие — содержатся в «Крестах» в необыкновенных условиях: особый флигель во дворе, просторные комнаты, богатая мебель, ковры. . . беспрестанные свидания.

«Разнюхали, узнали, проклятые. Кто же донес? — в тревоге соображал Васкевич, покрываясь холодным потом. — Этак не только из партии вылетит, но и сам угодишь за решетку».

— Простите, они у нас на больничном режиме, — возразил он. — Это медицина, я тут ни при чем...

— Передо мной не оправдывайтесь; я только предупреждаю. А другие не поверят. Будьте осторожней... Я из уважения к вам.

— И-и если так... весьма благодарен. Во век ваш слуга!

Видя, как перепуган начальник тюрьмы, Аверкин готов был сказать: «Дурень, чего заикаешься? Я запугиваю тебя, потому что у самого поджилки трясутся».

Сегодня Всеволод чуть не избил его. Виталию еще не доводилось видеть брата таким разъяренным. Он тряс его за ворот и шипел:

— Ты что, подлец, делаешь! Зачем тебе понадобилось липовое дело? Это же не просто шантрапа, а путиловцы! Ты знаешь, сколько делегаций у нас было? Для печати заманчивый материал... Сенсация!

Виталий пробовал оправдаться, но еще больше обозлил Виталия.

— Идиот! — вопил тот. — Если у тебя была необходимость убрать молодчика, отомстить, то это делают так, чтобы комар носа не подточил. Хоть бы посоветовался с умными людьми! Ты подвел не только себя. Они владеют показаниями церковного сторожа, опровергающими ваш протокол. Их адвокат называет твою фамилию. Им известно, что ты работал в охранке... знают об отце. Так они и до меня доберутся. Этого только не хватало!

Потом, несколько успокоившись, он предложил:

— Адвоката и прокуратуру я беру на себя. Ты отправишься в тюрьму и не уйдешь оттуда, пока собственными глазами не убедишься, что они вышли на волю. Начальник тюрьмы, наверное, заартачится, потому что распоряжение будет подписано второсте-

пенным лицом. Чтобы Васкевич стал покладистей, я дам тебе кой-какой материал против него. В случае надобности — припугни. Нам надо скорей замять это дело. А тебе — исчезнуть. Больше от меня выручки не жди. Если еще раз провалишься, я сам упрячу тебя так, что до конца жизни света божьего не увидишь!

Помня эту угрозу, Аверкин с первых же шагов пустил в ход полученный материал, чтобы припугнуть Васкевича.

— Пакет из министерства вам уже вручен? — спросил он у него.

— Н-нет, — ответил тот и, не понимая, какая новая напасть свалится на его голову, поинтересовался. — Какой пакет?

— Узнаете, когда получите.

Через четверть часа появился нарочный из министерства и вручил секретный пакет с пятью сургучными печатями. Васкевич с дрожью в пальцах вскрыл его, прочел и сразу же повеселел. «Выпустить из тюрьмы трех «июльцев»? Только-то! Да это десятиминутное дело, — думалось ему. — Какой заключенный не стремится скорей вырваться на волю?»

И вот те на — паршивые сопляки-мальчишки уперлись, не желают подчиняться. Какие же тут нервы выдержат!

Окончательно придя в себя, Васкевич рассуждал по-иному: «Положение, правда, обязывает поступать сдержанно и обдуманно. Ты начальник тюрьмы и не имеешь права распускаться, иначе потеряешь всякое уважение. Матроса следует немедленно отправить в карцер, а тех троих, если будут упираться, под конвоем вывести из камеры и в карете отправить, куда укажет контрразведчик».

Но и этого ему не пришлось делать. Вошедший надзиратель доложил, что Кокорев, Лютиков и Шурыгин согласны покинуть тюрьму.

— А матроса — в карцер! — окрепшим голосом приказал Васкевич. — Я ему покажу, как распускать руки!

НОЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Василий Кокорев добрался до Чугунного переулка, когда уже смеркалось. Он так устал за этот день, что в глазах все туманилось, а ноги с трудом передвигались. У юноши не хватило сил подняться на невысокое крыльцо, и он опустился на вторую ступеньку.

Игнатъевна, возвращавшаяся от колодца с водой, наткнулась на зябко ссутулившегося человека, сидевшего с непокрытой головой. Решив, что на крыльце примостился какой-то подвыпивший мастеровой, она тронула его за плечо и посоветовала:

— Вставай, вставай, милый! Нечего здесь... остынешь.

А когда юноша, услышав ее голос, медленно поднял голову, старушка обомлела: «Не внук ли это?» — Она нагнулась к нему и, разглядев по-лучше, воскликнула:

— Васек? Ой, горюшко мое!

Игнатъевна засуетилась, бросила ведро, помогла Василию подняться и, поддерживая, повела в дом. В своей каморке, при свете пятилинейной лампы, она еще раз посмотрела на него. От истощения и слабости внук едва держался на ногах.

— Что же они с тобой сделали, проклятые!

Бабушка прильнула к его груди; Василию показалось, что она стала маленькой, сгорбленной.

— Наголодался я... три дня не ели.

— Чего же я, дура старая, стою? — спохватилась Игнатъевна. — У меня же уха свежая... разогреть только.

И она кинулась разжигать примус. Василий уселся на топчан и здесь, в домашнем тепле, почувствовал, как продрог. Его стало клонить ко сну.

— Ложись-ка ты, дружок. Вот ведь как иззяб!

Игнатъевна помогла ему снять ботинки, раздеться, уложила на топчан и укрыла ватным одеялом.

В постели Василия стало так трясти, что он не мог стиснуть зубы, они мелко стучали. Потом дрожь унялась и наступило странное забытие: он все слышал, понимал, но не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Юноша очнулся лишь от приятной теплоты, растекавшейся внутри. Бабушка, приподняв его, поила с ложки, как в раннем детстве.

— Не надо, я сам, — слабо запротестовал он.

Но Игнатьевна не слушала. Накормив внука крепким бульоном, она сняла с него рубашку, натерла грудь и спину скипидаром и опять уложила в постель.

От горячей ухи и растираний Василий словно опьянел: на исхудавшем лице появился румянец, глаза заблестели.

— Ну вот, отходить начал, — обрадовалась Игнатьевна. — А то белей полотна пришел.

Наступило блаженное состояние покоя и тепла. До чего ж хорошо сознавать, что ты дома, что тюрьма позади и завтра увидишься с Демой, Катей, Савелием Матвеевичем! Ты снова вольная птица. Но как там Иустин и товарищи? Они же просили пойти на съезд. Надо немедленно одеться и пойти.

Вася поднялся, взял брюки, спросил:

— Бабушка, куда вы ботинки дели?

— Господи, царица небесная! Никак уходить собрался?

— Мы дали слово... очень надо. Там умирают товарищи.

— Да ты сам еле языком ворочаешь. До трамвая не доберешься. Хоть Дему-то дождись. Они тут с твоим матросом переодевались... обещал скоро вернуться.

— С каким матросом?

— Андреем, что ли, звать. Про вашу жисть тюремную рассказывал.

— А-а, Проняков, наверное. Это хорошо, что он здесь. Я его попрошу пойти.

Василий опять улегся и закрыл глаза.

Вскоре на крыльце послышался топот тяжелых

сапог. Дверь в каморку распахнулась, и на пороге показались Дементий, а за ним — Андрей Проняков. Одеты они были странно: на Деме неуклюже топорщилась солдатская шинель, на голове едва держалась фуражка, с лихо заломленным верхом, а моряк, словно для парада, был затянут ремнями портупеи и придерживал палаш, висевший на боку.

— Бабушка, разогрей уху! — еще с порога весело крикнул Дементий. — Смерть есть охота!

Но тут Рыкунов увидел лежавшего на топчане Василия.

— А ты откуда взялся? — изумился он. — Из тюрьмы выпустили? Вовремя!

Здоровяк сгреб Васю в объятия и так принялся тискать и мять, что Игнатьевна переполошилась:

— Отпусти ты парня, медведь! Все косточки переломашь. И так чуть живым пришел.

— Ничего, мы его откормим.

Подсел на топчан и Андрей.

— Ну, как там Иустин?

— Голодать остался. В карцер, видно, попал. А другие просили на съезде Северных Советов выступить. Я вот ослаб... трясти начало. Не смог бы ты выступить?

— Какой может быть разговор! Пойду, конечно. Там мой лучший друг погибает, а я молчать буду. — Моряк решительно поднялся. — Пошли, Дементий!

— Нет, вы сперва ухи отведайте, — задержала их Игнатьевна. — Зря, что ли, я ее разогревала?

Старушка заставила Дементия и моряка снять шинели, поставила перед ними миски с ухой.

— Ешьте на здоровье.

За едой Дементий рассказал о поездке в трактир «Марьяна Роша».

— Эх, жаль, тебя, Вася, с нами не было! Ловко мы их облапошили. Трудовикам и эсерам из Петропавловки оружие против Корнилова выдали: больше двух сотен карабинов. Они сложили их в трактире и хранят. А мы разнюхали и давай соображать — как бы заграбастать. У нас инструктор по военному делу... ты, наверное, знаешь, — Гиль его фамилия.

Он и говорит: «Давайте, я офицером из Петропавловки прикинусь, только найдите мне помощников». Я и попросил Андрея. Сегодня мы поднарядились, взяли грузовичок и поехали к «Марьиной Роше». Гиль с Андреем в трактир пошли, а мы, как солдаты, приказания ждем...

— Входим мы с таким важным видом, — подхватил рассказ моряк, — козыряем и спрашиваем: — «Разрешите посмотреть, как у вас хранится оружие?» Эсерчики засуетились: «Пожалте», — говорят и ведут нас в какой-то каземат. Карабины там, черт те знает, как сложены! Я беру один в руки, Гиль — второй... Снимаем затворы, заглядываем в стволы, цокаем языками и головами покачиваем: «Э-э, за такое содержание оружия на флоте в момент бы под суд!» Гиль тоже шумит: «Грязь, ржавчина... все карабины погибнут!» Эсеры давай оправдываться: «Сырость, — мол, — плохое смазочное масло». А мы непреклонны: «Понимаем-де, сочувствуем, но не имеем права нарушать приказ командующего... Карабины придется забрать в хранилище Петропавловской крепости». «Единственное, что могу пообещать, — говорит Гиль, — это числить карабины за вами. Я дам расписку, и вы получите их по первому требованию». Он уселся за столик писать расписку, а я мигнул солдатам, чтоб они живенько оружие в машину перенесли. Эсеры и очухаться не успели, как мы им ручкижимаем... шелк-шелк каблуками — и к автомобилю. Шофер ручку крутанул, завел мотор и — «наше почтение» — давай газовать!

— Двести семь штук карабинов уперли! — встал Дементий. — На целую роту хватит.

* * *

В райкоме Катя узнала от тети Фени, что по требованию съезда Советов Северной области голодовка в «Крестах» прекращена. Это обрадовало девушку, но, подсчитав, сколько дней прошло, она ужаснулась:

— Больше недели! Они, наверное, с нар подняться не могут.

— Лежат все, — подтвердила тетя Феня. — Подкормить бы надо. Узнала бы ты у себя в Управе, не выделят ли Красному Кресту хоть немного продуктов? Люди за всех страдали... пусть сил наберутся.

Катя в этот же день пошла к председателю Лесновской Управы — Михаилу Ивановичу Калинин — и передала ему просьбу Красного Креста. Михаил Иванович выслушал ее, потеребил бородку и сказал:

— Ладно. Много не обещаю, но кое-что дадим. Ребята там все наши. Скажи Гурьянову, чтоб к концу дня заглянул ко мне. И сама никуда не уходи. Сегодня вечером здесь у меня соберутся... заседание очень важное. Никто не должен знать про него. Так что будь начеку. Входных дверей не закрывай и вокруг поглядывай.

— Хорошо, — ответила девушка. Она по-хозяйски оглядела большой кабинет и, увидев на стуле откуда-то появившуюся синюю ткань, спросила: — А это зачем?

— Нужно будет завесить окна. Но здесь маловато. Нет ли у тебя какой-нибудь материи?

— Только желтая.

— Желтая не годится.

* * *

В четыре часа в Лесновской Думе заканчивался прием посетителей. Так было и в этот день: к пяти часам все помещения опустели, только наверху поскрипывало кресло Михаила Ивановича.

Думский звонок был очень громким и мог привлечь внимание дворника. Чтобы проходящие не звонили, Катя закрепила защелку замка и, оставив дверь чуть приоткрытой, стала из окна поглядывать на аллею, идущую от ворот к главному подъезду.

Весь день погода была по-осеннему дождливой. К вечеру поднялся ветер. С раскачивающихся в саду деревьев облетали последние листья. Они кружились и падали в лужицу у освещенного входа.

«Надо погасить лампочку, а то дворник заметит, что много народу проходит», — подумала Катя.

Она выключила свет не только у входа, но и во всех комнатах первого этажа.

Сад сразу погрузился в такую мглу, что девушка даже не могла разглядеть главную дорожку. Лишь постепенно ее глаза стали привыкать к темноте.

Она сидела в пустой прихожей и ждала. Ждала долго. Но вот, наконец, стукнула калитка. В аллее появилось двое мужчин. Они шли уверенно, — значит, свои.

Катя поднялась навстречу. Пришедшие спросили, как пройти к товарищу Калинин. Она негромко объяснила им.

Теперь через каждые пять минут в аллее кто-нибудь появлялся. Одни шли с Лесной улицы, другие показывались со стороны Муринского проспекта. Стараясь не стучать тяжелыми, набухшими от грязи сапогами, они поднимались наверх и там снимали пальто и шинели.

Наверху уже собралось человек пятнадцать, и в это время, как назло, на кухню ввалился дворник. Старик любил вечерами покалякать с матерью Кати. Его нужно было немедленно выжить. Дворник мог сболтнуть кому-нибудь о ночном заседании в Думе.

К счастью, пришел Гурьянов. Оставив его у дверей, Катя поспешила на кухню. Там дворник не торопясь набивал махоркой трубку. Он, видимо, намеревался просидеть весь вечер. Попросив мать заняться стиркой, девушка начала растапливать плиту.

Старик, видя, что сегодня ему не с кем будет посудачить, сердито раскурил трубку и, кряхтя, поднялся на ноги.

— Пойти спать, что ли? — ни к кому не обращаясь, сказал он.

В это время наверху задвигали стульями. Дворник прислушался.

— Чего это сегодня в Думе? — спросил он.

— А ну их, работать остались... Ушли бы ско-

рей, а то опять придется ночью убирать, — с притворным недовольством проворчала Катя.

Она проводила старика до дверей и, убедившись, что он поплелся к себе, вернулась к главному подъезду. Дверь оказалась закрытой. «Значит, все собрались», — решила она, и ей стало вдруг неспокойно.

«А что, если Аверкин выследил меня и сейчас прячется в саду?»

На всякий случай она открыла в первом этаже окно, через которое товарищи могли бы выпрыгнуть в глухой угол сада и, перемахнув через забор, скрыться в переулке.

Сверху послышался шум сдвигаемых стульев.

«Началось — подумала Катя. — Надо бы им чайку горячего: ноги-то у всех, наверное, промокли на такой погоде».

Она вернулась в кухню, поставила чайник на плиту и пошла по пустым и темным комнатам Думы.

На улице бушевала непогода, выл ветер. Черные ветки кустов скребли стекла окон.

Настороженно обойдя комнаты нижнего этажа и еще раз убедившись, что там никого нет, Катя вернулась на кухню и сняла с плиты закипевший чайник.

В те дни настоящий чай был большой редкостью. Только для президиума Думы выдавался небольшой пакетик. Чай берегли, но Катя на свой риск решила заварить его. Она приготовила душистый, крепкий настой и наполнила стаканы. Сахару было лишь несколько кусочков. Девушка подсластила четыре стакана, взяла поднос и осторожно понесла его вверх.

Лестница скрипела. Катя старалась ступать как можно легче. Она прошла по темному коридору и остановилась у дверей. Из комнаты доносился чей-то бас:

— Оружия, правда, маловато, Владимир Ильич, но на нас можете рассчитывать, не подведем. . .

«Владимир Ильич. . . Ленин в Петрограде, — обрадовалась девушка. — Значит, заседание и вправду важное».

Она постояла немного. И, как только выступавший кончил говорить, толкнула дверь и вошла.

В комнате было не очень светло. Горела лишь одна висячая лампа. Владимир Ильич устроился в дальнем углу за маленьким столиком. Вокруг него сидели и стояли у стены товарищи. Все очень обрадовались, увидев на подносе стаканы с дымящимся чаем.

— Только без сахара, — виновато сказала Катя.

— Ничего, ничего, у нас свой сахар есть, — ответило несколько голосов, и руки потянулись к стаканам.

Несмотря на то, что на всех не хватило чаю, Катя все же успела уберечь один стакан с сахаром. Смущаясь, она поставила его перед Владимиром Ильичем. Он улыбнулся и поблагодарил.

Придя со второй порцией чая, Катя, стараясь не мешать, стала убирать стаканы. Выступал Феликс Дзержинский. Девушка узнала его по узкой бородачке и особому разрезу глаз. Ей довелось его слышать на митинге. Но он тогда был спокойнее, а сегодня горячился, обвинял кого-то из присутствующих в трусости, в желании без конца отступать. Катя невольно подумала: «Не слышен ли его голос на улице?» Она спустилась вниз, накинула на себя пальто, платок и вышла во двор.

С беззвездной вышины сыпалась ледяная крупа. Дорожка стала слякотной. С севера порывами дул ветер. Все заволокла такая темень, что в пяти шагах ничего нельзя было разглядеть.

Катя остановилась под окнами и прислушалась. Сверху иногда доносились невнятные голоса, но, о чем там говорили, понять было трудно.

Окна были завешены хорошо; только в одном месте через узенькую шелку проникала бледная полоска света. Катя, осторожно шагая, обошла вокруг дома.

Нигде никого. Даже сердитый сторожевой пес спал, забившись в свою конуру.

Катя надумала оглядеть дом с улицы, вышла за калитку и пошла вдоль ограды. На углу она оста-

новились, прислушалась. Улица казалась вымершей; только на другой стороне будто мелькнула и прижалась к забору какая-то темная фигура. «Не Аверкин ли?» — Кате сделалось страшно. Она чуть ли не бегом вернулась назад, захлопнула тяжелую, набухшую влагой калитку и с колотящимся сердцем стала вслушиваться, — не гонится ли он за ней. И вдруг до нее донесся громкий голос кого-то из заседавших. «Надо сказать, чтоб они потише».

Катя поспешила в дом, поднялась по лестнице и распахнула дверь. Гурьянов увидел, что девушка запыхалась и не может выговорить слова, в тревоге спросил:

— Что случилось?

— Говорите не так громко, на улице слышно.

Сразу раздалось несколько голосов:

— Тише! Спокойней, товарищи... не повышать голосов.

Гурьянов вышел с Катей в коридор.

— Чего ты так перепугалась? — спросил он.

— Мне показалось, что на Муринском кто-то стоит, прижавшись к забору.

— Пойдем посмотрим. Там наш патруль должен быть. Неужели прозевали?

Гурьянов накинул на себя пальто, надел шапку и вышел с Катей за калитку.

— Постой здесь, — сказал он, — я один пройду.

Подняв воротник, он ушел в темноту и минут через пять вернулся.

— Свои, — успокоил он Катю. — Но ты все же поглядывай. Чуть что, вызывай меня.

— Хорошо, — шепнула она.

* * *

На ночном заседании актива вопрос о сроке вооруженного восстания уже был решен, но люди почему-то не расходились. Они толпились в председательском кабинете, в коридорах и на лестницах.

Катя не думала о сне; она все время бродила

вокруг дома, вслушиваясь в вой ветра и всматриваясь в темноту.

«Скоро начнет светать, — подумала девушка. — Они не успеют скрыто уйти».

Она пошла разыскивать Ленина. Он стоял у окна, беседуя с кем-то из военных.

— Владимир Ильич, светает, — негромко напомнила девушка.

Ильич, недоумевая, посмотрел на Катю, потом, поняв, о чем идет речь, устало провел рукой по глазам и заспешил:

— В самом деле... кончаем, товарищи!

В полутемном коридоре Владимир Ильич надел на себя парик, широкополую шляпу и, став похожим на букиниста, ушел с каким-то коренастым и сутулым человеком.

На улице все еще неистовствовала непогода. Катя видела, как порывом ветра чуть не сорвало шляпу с Ильича. Но он успел подхватить ее, поглубже нахлобучил на голову и, чуть наклонясь, быстро зашагал к калитке.

Глава двадцать пятая

КОНЕЦ МОКРУХИ

Василий Кокорев два дня не поднимался с постели. Бабушка поила его горячим отваром липового цвета, ставила горчичники, кормила тертой морковью и крепким бульоном из ершей и окуньков, которых с субботы на воскресенье наловили Дементий с Савелием Матвеевичем.

На третий день, когда Игнатьевна ушла в очередь за хлебом, в каморку заглянул Ваня Лютиков. Он был еще бледен, но по живым огонькам, светившимся в глазах, чувствовалось, что молодость взяла свое, — юноша оправился после голодовки.

— Еще н-не очухался? — спросил Лютиков, оставившись у порога. — А я уже в-вчера выскакивал. Показалось, б-будто один из тех, что из церкви

с-стреляли, по нашему п-переулку шел. Он и сейчас на углу... из вашей кухни видно.

Василий живо поднялся, натянул брюки и вышел на кухню. От быстрых движений у него закружилась голова. Боясь упасть, он ухватился за Лютикова.

— Т-ты что? — встревожился тот.

— О половик зацепился, — соврал Василий. — Ну, где этот твой?

— В-вон около Полуефима стоит.

На углу Чугунного переулку в тележке сидел безногий солдат, продававший открытки, песенники, леденцы и подсолнухи. Война его «окоротила», поэтому инвалида звали не Ефимом, а Полуефимом. Около его лотка стоял невысокий человек с вытянутым вперед подбородком и с непостижимой ловкостью щелкал подсолнухи. При этом незнакомец исподтишка поглядывал по сторонам и о чем-то разговаривал с солдатом.

— Да, верно, — согласился Василий, — вроде, наш пленник... Он в ризнице тогда переодевался. Надо последить за ним, — чего он тут высматривает? Ты сам не показывайся, а подговори мальчишек. Возьми самых шустрых, пусть издали понаблюдают. Если подозрительный, Деме скажите.

— А ты что же?

— Мне на Выборгскую нужно... дело там. В общем, в клубе вечером буду.

— П-понятно, — произнес Лютиков, избегая Васиного взгляда.

Кокорев смутился. Но что он мог поделать с собой? Неодолимая сила влекла его на Выборгскую сторону. «Катя не знает, что я вышел из тюрьмы, и тревожится, — думалось ему. — Надо обязательно показаться, и как можно скорей».

Когда Лютиков ушел, Василий вымылся, причесался, оделся потеплей и вышел на улицу.

Подозрительного человека уже не было на углу. Полуефим, в ожидании покупателей, со скучающим видом сам грыз семечки.

Подсолнухи в те дни занимали многих. Люлям, лузгавшим их в очередях, на митингах и в трамваях,

казалось, что они утоляют голод, дают пищу тощим желудкам. Шелуха от семечек трещала под ногами везде.

Вася тоже купил стакан жареных подсолнухов и поехал на Выборгскую сторону.

У ворот Катиного дома сердце его учащенно забилось. Перешагивая через две ступеньки, он поднялся на второй этаж и здесь на двери приставской квартиры увидел казенную сургучную печать.

«Не арестована ли?» — встревожился юноша. Он спустился во двор и заглянул в подвальное окно. Там все вещи стояли на прежних местах. «Переселились, — понял Вася, и от этой мысли легче стало дышать. — У ворот, что ли, подождать ее? Впрочем, чего я боюсь? Надо пойти узнать».

Он прошел в подвал и на кухне застал двух женщин, — бабушку и дворничиху.

— Вы не скажете, когда Катя будет дома?

Обе с явным подозрением оглядели его. Дворничиха нехотя ответила:

— Ее здесь не бывает. Она переехала куда-то на Васильевский остров.

— Адреса ее не скажете?

— Не знаем, милый, не знаем, иди с богом, — уже не глядя на него, буркнула старуха.

«Вот так так! Даже адреса не хотят сообщить. Неужели Катя велела? Но по какой причине?» — Вася почувствовал небывалую усталость: ноги вдруг одеревенели и не держали его. Боясь упасть, он невольно прислонился спиной к стене и закрыл глаза.

— Что с ним?! Смотри... кровинки в лице не осталось. — Услышал он встревоженный голос старухи. — Припадочный, что ли?..

Дворничиха подвинула ему табурет, усадила и дала выпить воды.

— Ничего, не беспокойтесь... пройдет. Это после голодовки в тюрьме.

Подслеповатая старуха вгляделась в него.

— Да ты никак был у нас? К Катюше ходил... Васей, что ль, зовут?

— Да, Кокорев моя фамилия.

— То-то я смотрю, будто знакомый. Катюше ведь покоя не дают. Заходил тут какой-то с усиками, так мы его насилу выпроводили. А тебе, думаю, можно. — И, понизив голос, бабушка сообщила: — На Болотную она перебралась... Вместе с матерью в казенном доме живут.

* * *

Катя увидела из окна идущего по аллее Василия: «Он... ну, конечно! Выпущен... Ищет меня!» — Она хотела выбежать навстречу, но ее внимание привлек человек, остановившийся на углу. Он наблюдал за Васей сквозь редкий забор. «Шпик, — поняла девушка. — Но почему он следит? Что им еще от него надо?»

В подрайонной Думе рабочий день уже кончился: ни наверху, ни внизу никого не было. Катя прошла в сени, слегка приоткрыла дверь. Василий приблизился к дому медленно, какой-то не свойственной ему походкой. «Как он похудел и словно больше вытянулся», — с жалостью подумала девушка. Ей хотелось окликнуть и поторопить его, но она подала голос, лишь когда он поднялся на крыльцо:

— Входи, я жду.

Юноша, недоумевая, поднял брови: «Что за игра? Почему Катя прячется?» — Он заглянул в приоткрытую дверь. Девушка схватила его за руку, втянула в сени, защелкнула замок. Видимо, потому, что в сенях было темней, Катя осмелела: она прижалась к нему и, порывисто обхватив руками голову, горячо поцеловала.

Василий не успел опомниться, как девушка мгновенно отстранила его и спросила:

— Ты с кем пришел?

— Один.

— Так я и думала. Значит, за тобой шпик увязался. Иди посмотри в окно.

Она провела Василия в свою комнату. Там, не отгибая занавески, они стали всматриваться. На

углу никого уже не было. Незнакомый человек сидел на скамейке у калитки и, как бы отдыхая, курил.

— Знаешь его?

— Впервые вижу. Зачем же им за мной следить? Нас ведь почти силой из тюрьмы выпроводили. Пойду узнаю, что ему надо.

— Подожди, наш дом должен остаться вне подозрений. Здесь бывают очень важные совещания. Лучше сделай вид, будто ты не нашел, кого искал. Подойди к нему и спроси: «Где портниха Нюра живет?» Если он местный, то покажет тебе.

Василий хотел попрощаться с девушкой, но она спрятала за спину руки:

— Совсем не уходи, мне надо поговорить с тобой. Когда выпроводишь его, вернись через пролом в заборе... вон с той стороны. Я буду наблюдать сверху и ждать тебя. Если все благополучно, — на стекло веранды наклею бумажку.

— Хорошо, — согласился он.

Сойдя с крыльца, Василий, как бы недоумевая, оглядел дом, пожал плечами и побрел к калитке.

Незнакомец не уходил. Он сидел на скамейке и, обжигая пальцы, докуривал махорочную сигарку. Глаза у него были блекло-серые, с очень маленькими и острыми зрачками.

— Вы не знаете, где тут портниха Нюра живет? — обратился к нему юноша.

— Не могу сказать, не знаком с таковой, — поспешил ответить тот.

— Вот беда! Куда это я ее адрес дел?

Василий уселся на скамейку и, обшаривая карманы, умышленно вытащил пистолет. Незнакомец боязливо покосился на браунинг и как-то по-стариковски сказал:

— Отдохнул малость и побреду дальше.

Прихрамывая, он заковылял к Муринскому проспекту.

«Шпик, — понял Василий. — Сейчас завернет за угол и притаится».

Не теряя времени, юноша двинулся к Лесной улице. Найдя небольшой пролом в заборе, он быстро

пролез в сад, спрятался за толстым деревом и стал ждать, когда появится бумажка на окне верхней веранды. И, как только Катя ее наклеила, он перебежал к дому.

— Шпик! — твердо определила девушка. — Он в соседнем дворе на крышу сарая залез и озирается вокруг. Видно, не может понять, куда ты делись.

— Что же с ним делать?

— Я позвоню по телефону в райком, а ты сверху наблюдай. Постараемся задержать его.

* * *

Виталий Аверкин с группой контрразведчиков остановился в отцовском трактире.

Он пробирался в «Красный кабачок» не обычным путем, а полем, со стороны Московской заставы, чтобы никто его не заметил. Контрразведке стало известно, что жители окраины готовятся к вооруженному выступлению. Об этом трубили и газеты, выдумывая всякие небылицы о большевистских армиях на Охте, на Выборгской стороне и за Нарвской заставой.

Не надеясь на столичный гарнизон, Керенский распорядился вызвать войска с фронта и приказал держать рабочие районы под неустанным наблюдением.

Сам Аверкин дальше Красненького кладбища не ходил, но, хорошо зная весь район с детства, продуманно расставлял наблюдателей и ежедневно отсылал в штаб подробные донесения. Там их читали и требовали новых, более точных сведений. А где их возьмешь, эти точные сведения, когда всюду ходят вооруженные рабочие патрули и приглядываются к каждому человеку? Пусть бы сами сунулись, узнали бы, каково тут!

Выполняя приказание начальников, Виталий не забывал и о личных делах. «Если сюда нагрянут войска, — думал он, — то под шумок можно будет убрать тех, кто подкапывается под меня. Пусть они на том свете разоблачают». Он держал под особым

наблюдением Чугунный переулок и дом, где жили Кокорев и Рыкунов.

Сегодня ему доложили, что Кокорев уехал к центру города.

— Кого «привязали» к нему? — поинтересовался Аверкин.

— Шилина.

— Ну, этот не упустит.

«Может, по следу удастся разыскать исчезнувшую Алешину, — подумал Виталий. — Тогда они все у меня в руках будут».

Весь день он не мог показаться на улице. Ватага каких-то мальчишек затеяла около «Красного кабачка» игру в «казаки-разбойники». «Разбойники» носились вокруг постоянного двора, перелезали через забор, прятались на сеновале, под навесом, а «казаки» их разыскивали и шумно ловили.

Желая избавиться от мальчишеского гомона, Виталий необдуманно выскочил во двор, кричал на ребят и пригрозил им палкой. Он совершенно забыл, что руганью и угрозами заставских сорванцов не запугаешь, а лишь раззадоришь, и поплатился за это. Мальчишки посовещались у кладбища и, вернувшись, принялись обстреливать камнями забор и хором выкрикивать слова старой дурашливой дразилки:

— Мокруха, Мокруха, драное ухо. Ноги — миноги, а в брюхе — лягуха!

«Откуда они знают ее? — неприятно был поражен Виталий. — Их могли научить только мои сверстники. Не прячутся ли они на кладбище? Надо быстрее уходить. Здесь оставаться нельзя».

Попросив отца уговорить мальчишек, он посоветовал:

— Угости ты их хоть за мой счет и выпроводи, а то ведь забор поломают и нежелательных людей приманят.

— Ну и морока же мне с тобой, пропади ты пропадом! — проворчал старый Аверкин. Но он понимал, что мальчишек надо утихомирить, иначе беды не оберешься.

За свою долгую жизнь кабатчик приловчился ладить и не с такими скандалистами. Набив карманы подсолнухами, Фрол Семенович вышел за калитку и, подманив к себе самого бойкого мальчишку, предложил:

— Подойди сюда, гостинцев дам.

— А ты не тронешь? — недоверья, спросил тощий мальчонка.

— Зачем же мне тебя трогать, если я семечек принес? Вон какие они поджаренные! Только не дарма. Скажи своей шкетовне, чтоб кричать в другое место шли. Они мне тут спать мешают. Сговорились?

— Сговорились, — согласился мальчуган, но подойти не решался. — Насыпь сюда, — предложил он и бросил к ногам кабатчика рваную кепчонку.

Старый Аверкин, насыпав в кепку семечек, оставил ее у забора и ушел. Ребятишки, схватив добычу, гурьбой убежали к кладбищу и больше не показывались.

Но тут, словно поговору, на поляну вышли строем молодые дружинники Путиловского завода. Установив соломенное чучело, они разделились на три группы: одни стали обучаться приемам штыкового боя, другие — перебежкам, а третьи просто маршировали.

Виталий наблюдал за ними с чердака в бинокль. Ему не трудно было определить, что дружинников обучают опытные солдаты и что это не первое занятие: парни без предварительного показа выполняли упражнения с винтовками, сдваивали ряды и на ходу поворачивались. Среди обучающихся Аверкин опознал Дементия Рыкунова, а затем вдруг заметил стоявшего поодаль худенького Лютикова, который то и дело поглядывал в сторону «Красного кабачка».

«Не посты ли у них расставлены?» — подумал Виталий и, от предчувствия близкой опасности, ощутил, как сердце учащенно заколотилось. Но он не мог покинуть свое убежище, не дождавшись хоть кого-нибудь из агентов. Надо было обязательно пре-

дупредить наблюдателей о том, что место явок и донесений меняется.

Только минут через двадцать в «Красный кабачок» прибежал запыхавшийся агент, наблюдавший за Путиловским заводом. Лицо его было мокрым от пота.

— Погорели. . . снимайся, — сказал он. — Шилина привезли на «Путиловец» под конвоем. С ними и тот, за которым он следил.

— Эх, идиот, попался! Ты исчезай отсюда первым. Уходи главным ходом, — предложил Аверкин. — Прикинься пьяным и передай нашим, что место сбора меняется. Встретимся через три часа у касс Балтийского вокзала.

Сам Виталий решил уйти задом. Надев на себя отцовскую куртку, он подпоясался ремнем, как это делали путиловские дружинники, положил в карман пистолет и пошел за погреб. Там, в узком тупичке, он вскарабкался на забор, огляделся, бесшумно перевалился на другую сторону и осторожно опустился на землю. Кругом было тихо. Вдали темнели кустарники.

Не разгибаясь, Виталий сделал несколько шагов, как вдруг услышал звонкий окрик:

— Стой! . . Не двигаться!

Аверкина словно окатило кипятком. «Засада, — подумал он. — Ни в коем случае не сдаваться! Надо прорваться к лесу».

Вывхватив пистолет, Виталий кинулся в другую сторону. Но впереди из канавы поднялся какой-то парень с винтовкой и побежал ему наперерез.

Аверкин выстрелил, но не разобрал, попал или нет, так как сам от сильного удара в спину не удержался на ногах и ткнулся лицом в жесткую траву. Прогремель еще один выстрел; Виталий попробовал подняться и. . . не смог: ноги одеревенели, не слушались. «Видно, в позвоночник угодили. . .» — мелькнула мысль.

Когда к шпиксу подбежали путиловцы, он уже не дышал.

— Так и надо Мокрухе! — сказал кто-то. — Собаке собачья смерть. Не будет больше вынюхивать.

НАЧАЛОСЬ

Ночная темень долго не покидала туманные улицы столицы, над которой нависло серое небо и моросил мелкий, как пыль, дождик.

По-обычному в предрассветной мгле прозвенели первые трамваи, высекавшие железными дугами зеленые искры на проводах, и появились на влажных тротуарах ранние пешеходы.

Огромный город постепенно просыпался, оживал. Зарождался новый день — двадцать четвертое октября.

С каждой минутой пешеходов на улицах становилось все больше и больше; рабочие, подняв воротники тужурок и пальто, спешили к проходным заводов и фабрик, хозяйки с раскрытыми зонтиками — на рынки.

С шести часов утра у большевистской типографии собрались мальчишки — продавцы газет. Во двор их не пропустил часовой в юнкерской шинели.

— Газет не будет, — объявил он.

Мальчишки не расходились. Они карабкались на водосточные трубы, цеплялись за карнизы, заглядывали в окна типографии. Там творилось небывалое: юнкера прикладами разбивали стереотипы, приготовленные для печатания газеты.

Волнение газетчиков привлекло прохожих. К ним подходили рабочие и спрашивали:

— Что случилось?

Мальчишки не могли объяснить происходящего. Вдруг появился наборщик без пальто и шапки.

— Кто тут рабочие? — спросил он. — Выручайте! Ночью к нам ворвались ораниенбаумские юнкера. Они остановили машины, забрали отпечатанные газеты, а теперь громят типографию.

В толпе оказались красногвардейцы соседней фабрики. Они побежали в аптеку, в которой был телефон, и позвонили в Смольный дежурному Военно-Революционного комитета.

Вскоре к типографии подкатили два броневика и строем пришли солдаты дежурной роты Литовского полка. Они обезоружили юнкеров.

Ночью, кроме ораниенбаумцев, штаб округа оказывается еще вызвал юнкеров из Петергофа, ударников из Царского села и артиллеристов из Павловска.

Керенский и его министры, зная, что большевики готовятся к вооруженному восстанию, спешили опередить их. Но было поздно. Через два часа вышли газета и листовки, призывающие свергнуть Временное правительство.

На Васильевском острове троекратно прогудел заводской гудок.

Началось!

Эта весть облетела все заводы. Рабочие прекращали работу, брали спрятанные винтовки и спешили к месту сбора боевых отрядов.

Нарвские дружинники собирались у деревянного здания путиловского театра. Здесь шла раздача подсумков с патронами и пулеметных лент. Однозарядные берданки заменялись густо смазанными винтовками, привезенными с Охтенских складов.

У стен театра рабочие счищали смазку с винтовок, прилаживали к ним ремни, переобувались и, по-походному подпоясавшись, шли разыскивать своих командиров.

Со всех сторон доносились слова переклички:

— Рубахин!

— Здесь.

— Васильев!

— Я.

Отряды, собравшиеся полностью, получали предписания и строем уходили: одни — в Смольный, другие — к солдатским казармам, третьи — к разъездам железнодорожных путей.

Отряд, в котором находились Дементий Рыкунов, Василий Кокорев и парни с Чугунного переулка, собрался полностью, но его почему-то никуда не по-

сылали. Молодые кузнецы пошли к начальнику районного штаба и с обидой спросили:

— Что же о нас не вспомните?

— А вы раньше батьки в пекло не лезьте, — ответил тот. — Нам молодой да крепкий рабочий дубняк в резерве нужен. Начнет где-нибудь припекать, мы и скомандуем вам: «В ружье!.. Становись!.. Бегом марш!» Ну и попевайте со всех ног туда, где наших теснят, сшибайте врага и гоните. А пока можете идти отдыхать в свой клуб. Когда понадобится, — вызовем.

* * *

Смольный, бывший институт «благородных девиц», превратился в штаб революции. Сюда со всех сторон стекались на грузовиках и в пешем строю отряды Красной гвардии.

За все свое стопятидесятилетнее существование институт, выпускавший дочек дворян, воспитанных «в послушании богу и преданности монарху», еще не видел в своих длинных сводчатых коридорах столько народа. Его стены сотрясались от топота тяжелых сапог, от лязга оружия и гула голосов.

Члены Военно-Революционного комитета, разместившиеся на третьем этаже в комнатах, где еще недавно жили классные дамы, принимали командиров рабочих дружин и посылали сводные отряды для окружения и захвата вокзалов, мостов через Неву, почтамта, телефонной станции.

Комиссар только что отремонтированного крейсера «Аврора» — матрос Белыйшев — получил предписание вывести корабль на Неву и любыми средствами восстановить движение по Николаевскому мосту, захваченному юнкерами.

Кочегары подняли в котлах пары, механики прогрели машины, а новый командир крейсера — обрусевший швед, старший лейтенант Эриксон — вдруг заартачился.

— Помилуйте, — сказал он, — у нас нет навигационных карт. Я не знаю невского фарватера. Река

с начала войны в пределах города не углублялась, а она известна илистыми отложениями. У нас большая осадка, сразу же сядем на мель. Кроме того, не следует забывать о ненависти правительства к флоту. Вы знаете, что нас ждет за самовольные действия?

— Знаю, — ответил Бельшев. — Но приказ выполню.

Комиссар пошел посоветоваться в судовой комитет. Там старшина рулевых, узнав об опасениях Эриксона, вызвался промерить фарватер ручным лотом.

— И я пойду, — сказал Филипп Рыкунов. — Мне Нева с детства знакома.

Подобрав гребцов, они спустили шлюпку на воду и, взяв с собой аккумуляторный фонарик, так заклеенный черной бумагой, что оставалось лишь крошечное отверстие, отплыли в кромешную тьму.

Комиссар не уходил с верхней палубы. Рядом с ним толпились и матросы. Они прислушивались, не поднимется ли стрельба со стороны Николаевского моста, но кругом было тихо.

* * *

Военно-Революционный комитет отправил в базу Балтийского флота — Гельсингфорс — условленную телеграмму из трех слов: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав». Это означало, что в Петроград надо немедленно двинуть боевые корабли и отряды моряков.

Нужно было вызвать и кронштадтских матросов, но с ними не договорились о шифре. А в телефонограмме с открытым текстом многого не скажешь. Решили с нарочным послать секретный пакет. Но кто его доставит? Это мог сделать лишь смелый и опытный моряк, который бы сумел обмануть юнkersов, занявших мосты на Неве, и на катере прорваться к морю.

Военно-Революционному комитету доложили, что в Смольный прибыл матрос, привезший листовки кронштадтцев, призывающие к восстанию.

— Зовите его сюда, — сказал дежурный.

Вскоре на третьем этаже появился моряк. На его бушлате поблескивали дождевые капельки.

— Член Исполкома Кронштадтского Совета матрос Проняков прибыл в ваше распоряжение! — доложил он и вытянулся, как полагалось по уставу.

Моряк не вызывал сомнения. «Такой прорвется», — решил дежурный. Он вытащил из стола пакет и предупредил:

— Кронштадтцы должны прибыть завтра не позже полудня. «Авроре» приказано стать на Неве... Впрочем, все это изложено в приказе Военно-Революционного комитета. Пакет надо доставить немедленно и в полной сохранности.

— Есть! — вскинув руку к бескозырке, ответил Проняков. Он запихал пакет в боковой карман бушлата, круто повернулся и, придерживая рукой висевший на правом боку маузер, поспешил к выходу.

Через десять минут по темной Неве, вздымая пену, помчался буксирный катер с погашенными ходовыми огнями.

Темнота над рекой сгушалась. Пошел мелкий снег. В окнах прибрежных домов светились огни, отражавшиеся на воде рябыми бликами.

Катер благополучно миновал Литейный мост, Троицкий... оставалось еще два. Проняков, напрягая глаза, вглядывался в туманную мглу. Огромный мост, перекинутый через Неву, казался пустым, но моряк на всякий случай сказал рулевому:

— Подбавь ходу!

Тот нагнулся к раструбу переговорной трубы и вполголоса произнес:

— В машине!

— Есть в машине! — донесся снизу ответ.

— Подходим к Дворцовому. Пар не травить, приготовиться к полному.

— Есть к полному!

Патрулей на середине моста не оказалось, заставы юнкеров были на дальних концах. Катер проскочил под высоким пролетом и помчался дальше, оставляя за собой серебристый след.

Последний мост был разведен у правого берега. Рулевой направил катер в средний пролет.

На мосту сразу же забежали темные фигуры в шинелях, послышались грозные голоса:

— Стой! Нельзя под мост!

— Как это нельзя? — притворно возмутился Проняков. — Мы по приказу!

— Пароль? . . Стрелять будем!

Моряк, не слушая юнкеров, скомандовал:

— Полный вперед!

Катер дернулся и, обдав патрулей дымом, влетел под мост.

Через несколько секунд он выскочил с другой стороны и, разбрасывая воду, словно на крыльях, понесся дальше.

Вслед раздался выстрел, за ним другой, третий. . . Пули звякали по железу, с визгом проносились над рубкой. Но катер не останавливался.

Вскоре он был так далеко, что с моста его уже трудно было различить.

— Пронесло, — облегченно сказал Проняков. — Теперь дойдем без происшествий.

Он нащупал пакет в кармане и рукавом бушлата вытер пот со лба.

* * *

Прошло больше часа, как от «Авроры» отвалила шлюпка. Комиссар и матросы, поджидая ее, укрылись от ветра за трубой.

Резкий ледяной дождь то затихал, то вновь начинал хлестать. Офицеры не показывались на верхней палубе, они сидели в теплой и уютной кают-компании.

Неожиданно со стороны Николаевского моста послышалась частая стрельба, но она быстро смолкла.

— Не по нашим ли стреляли? — забеспокоился комиссар. — Что они так долго?

Наконец, наблюдатель известил:

— С Невы сигналият!

— Запроси, — кто?

Сигнальщик защелкал заслонкой фонаря. В ответ несколько раз мигнул из туманной мглы тусклый огонек.

Вскоре из темноты выплыла шлюпка и подошла к борту.

Матросы подхватили старшину рулевых и втащили на палубу.

— Так что... вызывай командира на мостик, — прерывистым голосом сказал продрогший старшина. — Промерил почти до моста. Глубины подходящие, даже с запасом...

И он протянул комиссару чуть подмокший чертеж реки, испещренный только что нанесенными цифрами.

С этим листком члены судового комитета пошли в кают-компанию. Но Эриксон и на этот раз отказался вести корабль.

— Я против насилия и не намерен участвовать в гражданской войне, — сказал он.

Офицеры насмешливо поглядывали на комиссара и матросов, стоявших за его спиной: попробуйте, мол, обойтись без нас.

— Это ваше последнее слово? — спросил Бельшев.

— Да.

— Часовых к дверям... Иллюминаторы задраить на броняжку. Из кают-компании никого не выпускать! — сведя брови у переносицы, распорядился комиссар и вышел.

Он решил вести корабль с помощью старшин. Риск, конечно, большой. Попробуй пройти во тьме по извилистому фарватеру реки без лоцмана и штурмана на такой махине! Но у Бельшева другого выхода не было. Он не мог нарушить приказа Военно-Революционного комитета. Для победы следовало рисковать.

Когда к «Авроре» подошли два чумазых буксира, комиссар поднялся на командирский мостик и приказал:

— Всех свистать наверх!

На корабле раздались звонки, заголосили дудки. Матросы, стуча тяжелыми сапогами, бегом устремились на свои боевые места. На палубе загрохотали втаскиваемые трапы. . .

Эриксон, услышав команду: «По местам стоять. . . со швартовых сниматься!» — испугался. Он был уверен, что матросы посадят корабль на мель. В последнюю минуту офицер потребовал пропустить его на мостик.

Став на свое место к машинному телеграфу, он, с плохо скрываемой неприязнью, заявил комиссару:

— Веду «Аврору» против своей воли, по необходимости. . . И не дальше Николаевского моста. Вы слышите?! В насильственном захвате власти участвовать не желаю.

— Есть! — сказал Бельшев.

С помощью буксиров выйдя на Неву, крейсер развернулся и осторожно, обшаривая воду лучами прожекторов, малым ходом двинулся вверх по темной реке.

В три часа тридцать минут впереди показались контуры Николаевского моста. Эриксон, задвигая рычажками машинного телеграфа, застопорил ход и приказал отдать якорь.

Не дождавшись, когда «Аврору» развернет по течению на середине реки, офицер снял с рук кожаные перчатки, бросил их на поручни и ушел с мостика.

«Теперь катись, без тебя обойдемся», — подумал комиссар и, став на его место, скомандовал:

— Осветить мост!

С «Авроры» взметнулся острый и длинный луч; он заскользил вдоль перил моста, выхватывая из тьмы фигурки убегающих офицеров и юнкеров.

— Чесануть бы по ним, — предложил кто-то из матросов.

— Не надо, сами уйдут.

Один из пролетов моста был разведен. Комиссар приказал судовым электрикам взять шлюпку и привести мост в порядок.

ШТУРМ ЗИМНЕГО

Молодые дружинники, чтобы не скучать в ожидании, притащили в клуб гитары, мандолины, губные гармошки и под этот разноголосый оркестр принялись отплясывать. Плясали они самозабвенно, не жалея ни подметок, ни ладоней. От стука их каблучков, хлопанья по голенищам, лихих высвистов и выкриков дребезжали стекла окон и, казалось, пол ходил ходуном.

Заехавший в клуб председатель районного Исполкома Иван Егоров даже крикнул от удовольствия.

— Молодцы, в бой, как на праздник, идут! — Но тут же заметил командирам, что особо на пляс нажимать не следует. — Лучше сберегайте силы, — посоветовал он. — А то выдохнетесь раньше времени.

— А когда нас вызовут? — спросили те.

— Может, ночью, а может, утром. Вот съезжу в Смольный и узнаю.

Дружинники, получив приказ отдыхать, стали устраиваться на ночь — одни на сцене, другие — на стульях и скамейках, третьи — просто на полу.

Поздно ночью из Смольного вернулся Иван Егоров. Он был возбужден. Собрав членов Исполкома, поджидавших его, и других активистов района, сказал:

— Товарищи, я только что разговаривал с Лениным. Он уже в Смольном и руководит восстанием. Правда, похудел вроде и усов еще не отрастил. Но ничего! Бодрей прежнего. Вызвал нас и давай спрашивать, что уже сделано на местах. Отвечай не как-нибудь, а подробно: какие силы подняты, как вооружены, что говорят бойцы, верят ли в победу... Выслушал он нас и давай советовать, как надо действовать, чтобы не растерять боевого пыла. Приказано создавать новые отряды, а цехам — побольше пушек выпускать. Понадобятся.

Новый тусклый октябрьский день занимался над столицей.

Уже почти весь город был захвачен восставшими. Неприятель владел лишь площадью Зимнего дворца и частью прилегавших улиц. Здесь он укрепился, возвел перед дворцом баррикады и ждал прихода войск с фронта.

Утром на Путиловский завод приехал представитель Военно-Революционного комитета. Собрав командиров резервных и вновь сформированных отрядов, он коротко сообщил об успешно развивающемся восстании и сказал:

— Мы вынуждены взять дворец штурмом и как можно скорей. Надеемся, что путиловцы всюду будут хорошо драться. Нам нужен ваш ударный отряд. Такой, который будет действовать впереди солдатских цепей. Для этого отряда подберите наиболее испытанных и крепких людей, способных вести за собой других. Лозунгом будет только одно: «Вперед!» Есть у вас такие люди?

— Найдутся, — заверил Иван Егоров. — Куда выслать?

— На Морскую улицу, к арке Главного штаба.

Через полчаса в клубе Социалистического Союза молодежи послышалась команда:

— Поднимайся... в ружье!

Путиловцы мгновенно привели себя в порядок, построились на улице и, взяв винтовки на ремень, быстрым шагом двинулись в центр города.

С полудня началось планомерное наступление восставших на последнее убежище Временного правительства. Живыми цепями, с дальних улиц они все ближе и ближе подходили к площади Зимнего дворца.

Юнкера, следившие за продвижением головных отрядов, то и дело открывали огонь из винтовок и пулеметов.

Революционным отрядам приходилось продвигаться перебежками, припадая к земле, прячась за выступы домов.

Красногвардейцы заняли всю набережную, прилегающие переулки и, охватывая Зимний дворец полукольцом, с двух сторон вышли к Неве.

На «Авроре» по всем кубрикам шли разговоры о ночных сражениях с юнкерами и о предстоящем штурме Зимнего. Филипп Рыкунов, готовясь к десанту, одевался теплей.

Вдруг на корабле тревожно заверещали звонки громкого боя. Они призывали моряков на боевые посты — к пушкам, машинам, топкам, к механизмам управления.

Матросы бегом бросились на свои места, на мостик примчался комиссар.

— Что случилось? — спросил он. — Почему объявлена тревога?

Вахтенный молча показал на устье реки.

Комиссар схватил бинокль и стал вглядываться. По Неве, поднимая буруны и разбрасывая волны в обе стороны, шли миноносцы, тральщики и какие-то небольшие корабли. На их мачтах колыхались красные флаги, палубы были заполнены вооруженными матросами.

— Наши! — громко объявил Бельшев. — Отставить боевую тревогу!

— Ур-ра-а! — закричали матросы, подбрасывая вверх бескозырки. — Молодцы, кронштадтцы, не опоздали!

Корабли подходили к пристаням, к гранитным стенкам правого берега Невы и высаживали десантников.

Набережная по всей длине покрылась цепочками людей в черных бушлатах. Балтийцы, обвешанные гранатами, по Николаевскому мосту переправлялись на другую сторону, рассыпались по ближайшим переулкам и скапливались в Александровском саду.

* * *

Марсово поле занимали резервные отряды. Катя и Наташа застряли здесь с группой дружинниц Красного Креста.

Короткий октябрьский день начал угасать. Стороны моря дул шквалистый ветер. Он гнал по небу рваные тучи, вспенивал Неву и время от времени обдавал восставших то дождем, то ледяной крупой.

Легко одетые девушки, спасаясь от пронизывающего ветра, перебрались от Лебяжьей канавки на Миллионную улицу и, став под балконом у каменного дома, прижались друг к другу, чтобы хоть немного согреться.

— Окоченеет здесь. Скорей бы! Чего тянуть? — слышались отовсюду нетерпеливые голоса.

— Говорят, — парламентаров послали. Во дворце, кроме юнкеров и министров, еще и госпиталь есть. Чего зря кровь проливать, может, так сдадутся.

Видя, что дело затягивается, красногвардейцы разложили костры.

К кострам прибегали погреться и обсушиться бойцы из цепей. Они делились новостями и рассказывали, что делается на площади.

— Идем погреемся, — предложила Наташа Кате, — а то пальцы уже не разгибаются. И послушаем, что говорят.

Девушки подошли к ближнему костру и протянули озябшие руки над пламенем.

— А вы, красавицы, чего здесь мерзнете? — спросил у них член Военно-Революционного комитета, расставлявший выборжцев среди солдатских цепей. — Вам ведь в атаку не идти? А ну, живенько соберите своих, я вам место потеплей найду.

Он пошел с дружинниками Красного Креста по набережной Мойки, выбрался с ними на Невский и привел в только что захваченное восставшими помещение Главного штаба военного округа.

— Располагайтесь здесь, как вам нравится. Любую комнату забирайте под перевязочную, — сказал он. — А когда штурм начнется, вам далеко бегать не придется. Раненых из окна увидите.

Девушки заняли две смежные комнаты. В приемной они нашли штабную аптечку и шкафчик, наполненный бинтами и индивидуальными пакетами.

Распихав бинты по сумкам, дружинницы разделились на две группы: одни остались в здании, другие отправились к арке Главного штаба, чтобы быть ближе к атакующим.

На Морскую улицу пришел с отрядом и Андрей Проняков. Узнав, что впереди стоят путиловцы, он пробрался к ним и, разыскав Кокорева с Рыкуновым, сказал:

— Ну, братцы, судьба нас сводит. Даже у Зимнего встретились. Тогда и на штурм вместе. Не разлучаться же в бою.

— Конечно, — подхватил его предложение Дементий. — Подтягивай матросов поближе.

Пока Проняков ходил к путиловцам, кронштадтские матросы вместе с красногвардейцами Выборгского района захватили артиллерийскую батарею, прибывшую из пригорода на помощь Временному правительству.

Одну из захваченных трехдюймовок матросы и солдаты-артиллеристы подкатили к арке Главного штаба. Отсюда видна была широкая площадь с высокой гранитной колонной посредине и баррикады, воздвигнутые юнкерами перед Зимним дворцом.

— Вот для нее самое подходящее место, — сказал Проняков. — Заряжай фугасными и пали прямой наводкой.

Катя Алешина, ждавшая с дружинницами начала штурма невдалеке от арки Главного штаба, пошла взглянуть на притащенную пушку. И здесь вдруг она заметила Василия. Он вместе с Дементием помогал артиллеристам устанавливать трехдюймовку. Катя очень обрадовалась парням, но подошла к ним только когда пушка была заряжена и нацелена на ярко освещенные окна Зимнего дворца. Схватив Василия за рукав куртки, она потянула его к себе. Юноша обернулся и, увидев ее, оторопел:

— А ты зачем сюда пришла?

— Хочу с вами.

— Нет, с нами женщинам нельзя, мы на прорыв пойдем.

— Не бойся, — засмеялась Катя. — Я тут как сестра милосердия. Наш пункт первой медицинской помощи вон у той стены. Видите, где флаг с красным крестом? . . В случае чего, — тьфу, тьфу, только бы вас не ранило, — разыскивайте нас. А перевязочный пункт — в здании Главного штаба. Там Наташа.

— Вот к ней мы и попадем, — сказал Дема. — На носилках притащат. . .

— С этим не шути, — строго оборвала его Катя. — Не надо.

Покидая парней, она шепнула Васе:

— Я буду ждать.

* * *

Комендоры крейсера «Аврора» стояли у заряженной шестидюймовой пушки и напряженно вглядывались в серую, едва приметную в сгустившейся мгле громаду Петропавловской крепости. Они ждали сигнала. Там, на башне, должен был загореться красный фонарь, извещающий о начале штурма.

Ветер усиливался, на взъерошенной поверхности Невы появились барашки. Склянки пробили полчаса десятого.

— Чего там, в Петропавловской, копаются? — недоумевали матросы. — Сколько же стоять можно?

Но вот с мостика послышалось:

— Сигнал. . . вижу сигнал!

Во мгле за мостом показался багровый огонь. Он колыхнулся и медленно поплыл вверх.

— Носовое, огонь! Пли! — раздалась команда.

Длинное жерло шестидюймовой пушки рывкнуло так, что, казалось, дрогнул озаренный вспышкой мост, и грохот, похожий на всесотрясающий весенний гром, прокатился над вспененной Невой, над набережными, над площадью Зимнего дворца.

Словно эхо, из-под арки Главного штаба отозвалась пушка и послышалось далекое «ура».

Восставшие одновременно с трех сторон пошли на штурм.

Гремели частые винтовочные выстрелы, и без

умолку трещали пулеметы. Разбрызгивая зеленые и оранжевые огни, звонко разрывались ручные гранаты.

Юнкера, засевшие за штабелями дров, не давали продвигаться. На ровной и голой площади наступающим негде было укрыться.

Катя, прижавшаяся к стене дома невдалеке от арки, видела, как десятка три путиловцев устремились вперед. Они пробежали шагов двадцать и, приникнув к земле, дождались, когда подтянутся другие. Затем вновь вскочили, пригнувшись, сделали несколько шагов и опять упали. Дальше их не пропускали потоки пуль, взвизгивающих над головой.

В это время красногвардейцам, наступавшим со стороны Александровского сада, удалось пробиться к высокой железной решетке Зимнего дворца. Они уже приближались к крайней баррикаде... И вот тут в бой вступил приземистый броневик «Ахтырец», стоявший за пьедесталом гранитной Александровской колонны. Медленно поворачивая приплюснутую башню, он двигался на рабочих.

Красногвардейцы, не выдержав огня, залегли.

Моряки, притаившиеся за углом дома на Невском проспекте, видя, что атака срывается, сбросили с себя шинели, взяли в руки гранаты и, пригибаясь, бегом устремились к броневiku.

Команда «Ахтырца», почувствовав опасность, развернула машину и ударила из пулемета по морякам.

Матросы залегли, прижались к земле, но не оставались, а, по-пластунски извиваясь, подползали всё ближе и ближе к броневiku.

Водитель «Ахтырца» решил припугнуть храбрецов, он направил машину на самых отчаянных, угрожая раздавить колесами.

И вдруг один из моряков поднялся во весь рост и двинулся навстречу «Ахтырцу».

Василию Кокореvu показалось, что на поединок с броневиком вышел Иустин Тарутин.

Он слышал, как Проняков закричал:

— Не маячь... ложись!

А моряк, конечно, не слыша его, шагнул к машине, застопорившей ход.

Была минута, когда броневик, как бы испугавшись бесстрашного балтийца, умолк и даже попятился немного. Потом короткое дуло пулемета шевельнулось, уставилось прямо на матроса... Моряк в это мгновение размахнулся и сильным броском швырнул две связанные гранаты под колеса броневика.

Взрывом «Ахтырца» подкинуло. Он накренился на одну сторону и затих.

Воспользовавшись короткой заминкой, головная группа путиловцев, солдат и матросов прорвалась за баррикады, опрокинула юнкеров и через ворота ринулась во двор Зимнего дворца.

Отбросив штыками часовых, они по двум лестницам проникли в главное здание и кинулись в коридоры, надеясь найти в какой-нибудь из комнат спрятавшихся министров Временного правительства.

А юнкера тем временем оправились и пулеметным огнем отсекали на площади путь другим отрядам восставших. За баррикады больше никто уже не пробился.

Наступавшие откатывались назад. Стрельба ослабевала.

— Где же те, что прорвались? — спрашивала Катя у возвращавшихся.

Но ей никто не мог толком ответить. Одни утверждали, что человекам сорока удалось пробиться к Эрмитажу, на Миллионную улицу, а другие нехотя говорили:

— Остались за баррикадами, видно, в плен попали.

Появились раненые. Кате пришлось тут же, под фонарем, останавливать кровь, накладывать повязки. Разгоряченные красногвардейцы не хотели уходить с поля боя.

— Мы им еще покажем. Сейчас будет сигнал к новой атаке.

Отряд смельчаков, прорвавшихся в здание Зимнего дворца, настороженно продвигался по комнатам. Шедший впереди Проняков дернул на себя резную дубовую дверь и шепотом передал:

— Не заперта... Давай все сюда!

Стараясь не греметь винтовками, красногвардейцы устремились за ним. Они спешили укрыться, так как внизу слышались голоса преследователей.

Комната, в которую проникли за матросом рабочие и солдаты, была освещена хрустальной люстрой. Здесь все сверкало: и причудливо расписанный потолок, и стены с лепными, позолоченными украшениями, и натертый воском паркетный пол.

Жители окраин и деревень, озираясь по сторонам, шагали по паркету с такими предосторожностями, точно они попали на гладкий лед.

— Запирай двери и гаси свет! — распорядился Андрей. Дождавшись, когда его приказание выполнят, моряк повел красногвардейцев дальше по затемненному коридору.

Следующий зал был также освещен: свет пробивался из щелки чуть приоткрытых дверей.

Опасаясь засады, Проняков шепотом передал: «Приготовить гранаты», — и, подойдя на цыпочках к дверям, рывком распахнул их.

И здесь все увидели мчавшуюся на них конницу.

Солдат в рваной шинелишке, шедший впереди Кокорева, мгновенно метнулся в сторону и, видимо, забыв, что он находится в здании, по-петушиному закричал:

— Спасайсь, братцы!.. Кавалерия!

Этот панический крик так подействовал, что многие, не разобрав, в чем дело, ринулись назад.

— Стой... Стой! — требовал Андрей Проняков.

Но бегущих невозможно было остановить. У раскрытых дверей остались лишь рабочие Выборгской стороны и Василий с Дементием. Они поняли, что это огромное зеркало отражает висевшую на стене картину. Художник с таким искусством написал

масляными красками скачущих во весь опор всадников, что люди и лошади казались живыми.

— Вот ведь черти неотесанные! Выдали себя и нас! — злился моряк. — Картины испугались.

И, как бы в подтверждение его слов, слышались выстрелы. Солдаты, выбежавшие на лестничную площадку, наткнулись на юнкеров. Там завязалась свалка.

— Стойте в темноте, — посоветовал Андрей. — Я посмотрю, нет ли другого выхода.

Он прошел в зал и, найдя за портьерами дверь, приоткрыл одну створку, но тут же захлопнул ее и бегом вернулся назад.

— Офицеры, — сказал он. — Если сюда кинутся, стойте спокойно, а потом — рвите напролом.

Большое зеркало, занимавшее простенок, отражало появившихся офицеров. Их было человек десять. Они шли с оголенными саблями.

Красногвардейцы, стоявшие в темноте, притаились, сжимая в руках винтовки.

Офицеры, увидев, что в соседней комнате темно, остановились у дверей, не решаясь идти дальше.

— Надо включить свет, — сказал один из них.

И в этот момент моряк, державший винтовку наперевес, с криком «полундра!» ринулся на столпившихся офицеров. За ним устремились путиловцы.

Разбросав золотопогонников, путиловцы пророскочили в дверь за портьерой, пересекли две комнаты, попали в длинный коридор со многими дверями, а из него — на узкую лестницу.

Андрей Проняков, бежавший впереди, видимо, свернул куда-то раньше. Он вдруг исчез.

— Пойдем искать его, — предложил Дементий, утирая кровь с виска.

— Что у тебя? — обеспокоился Василий.

— Чепуха, кожу содрал.

— Где же мы его найдем? Слышишь, — шпоры звенят? Это за нами гонятся.

— Может, здесь схлестнемся с ними?

— Нам не справиться... много их, — сказал Василий. — Спускайся вниз.

Чтобы не греметь сапогами по лестнице, путивцы съехали вниз по перилам.

Попав в темный подвал, они прижались в угол и стали вслушиваться в топот ног и голоса преследователей. Звон шпор приближался.

— Посмотри, нет ли какого хода.

Василий зажег спичку. Слева оказалась широкая дверь. Ее, видимо, кто-то взломал, потому что пробой был вырван.

— Давай сюда.

В большом подвальном помещении пахло вином и сыростью. Вдоль стен виднелись какие-то бочки и ящики. А далеко впереди тускло светилась лампочка.

— Винный склад, — определил Кокорев. — Если здесь спрячемся, не скоро найдут.

Неожиданно из-за какого-то закоулка вышли в полосу света два юнкера, нагруженные бутылками в серебристой обертке. Заметно покачиваясь, они стали удаляться.

— Вино воруют, — догадался Дементий. — Там, наверное, другой выход есть. Идем, может, найдем лазейку на улицу.

* * *

Услышав стрельбу из пушек, министры Временного правительства, сидевшие в Малахитовом зале, перешли во внутренние покои дворца. Вдруг до них донесся тревожный шум. Он приближался. Слышались крики и выстрелы в коридорах.

Неожиданно на верхней галерее Фельдмаршальского зала появился моряк. Решив, что он попал в засаду, Проняков отцепил от ремня графату и, размахнувшись ею, крикнул:

— Полундра!

Юнкера, стоявшие в охране, врассыпную метнулись в стороны и попадали на пол.

Граната стукнулась в стенку, откатилась в угол и разорвалась, обволакивая все дымом.

Взрывом контужен был часовой, а министры отделались лишь испугом.

— Как попал сюда матрос? — допытывались они. — Изловить мерзавца и расстрелять!

Вскоре открыли огонь пушки Петропавловской крепости. Один из снарядов влетел в окно, но не разорвался. Во дворце началась паника. Юнкера гасили свет, а ударницы женского батальона заматались по коридорам и вестибюлю.

— Прекратите стрелять! — истерически требовали они. — Мы выходим сдаваться.

Офицеры не стали их удерживать.

На площади появились с белыми платками в руках плачущие «ударницы». Красногвардейцы прекратили стрельбу и пропустили их за свои цепи. За ротой «ударниц» увязалось несколько десятков юнкеров и прапорщиков, побросавших оружие. Но баррикады продолжали угрожать пулеметами.

Катя подошла к двум прапорщикам, которых обыскивали солдаты, и в упор спросила:

— Скажите, что ваши сделали с рабочими, провавшимися в Зимний?

— Ничего, их только разоружили, — поспешил заверить ее молодой прапорщик. — Расстреляли немногих.

Катя больше ни о чем не спрашивала. Не желая, чтобы ее слезы заметил кто-нибудь, она отвернулась и, ничего не видя перед собой, отошла во мглу под аркой.

* * *

Рыкунов и Кокорев, поблуждав по темным подвалам, вышли к комнатам первого этажа, где был размещен военный лазарет. Раненые, на костылях, в марлевых повязках и халатах, толпились в вестибюле. У мраморной чаши они помогали матросу натягивать на плечи узкую юнкерскую шинель.

«Свои», — понял Кокорев.

— Давай выходи, — сказал он Дементию.

И действительно, раненые солдаты, желая хоть чем-нибудь помочь штурмующим, пооткрывали в палатах окна в сад и пропускали во дворец пробиравшихся к ним со стороны Адмиралтейства матросов

и кексгольмцев. Те переодевались и, разбредясь по этажам, поднимали неожиданную стрельбу в коридорах.

Это увеличивало панику среди осажденных.

«Надо и нам своих позвать», — решил Кокорев.

Оставив во дворце Дементия, надумавшего разыскивать Пронякова, он через окно вылез в сад.

На площади все еще шла перестрелка. С Невы светили прожектора кораблей. По голым верхушкам деревьев струился то голубой, то фиолетовый свет.

Кокорев перелез через высокую железную ограду и, отыскав у Салтыковского проезда другой отряд путиловских дружинников, сообщил им, как можно проникнуть во дворец.

Его повели к члену Военно-Революционного комитета. Тот отобрал человек сорок молодых парней и сказал им:

— Со стороны Эрмитажа наши уже просачиваются во дворец. А вы действуйте отсюда. Сигнал будет общий. Как только услышите его, прорывайтесь во внутренние покои с криками «ура», создавайте впечатление, что юнкера окружены.

Вскоре по цепям осаждающих был отдан приказ: прекратить стрельбу, ждать сигнала к штурму.

Площадь на время примолкла. Над ней лишь гудел ветер да колыхались лучи прожекторов.

В тишине из-под арки раздался выстрел, а затем крик:

— Вперед!

Его подхватили на Миллионной улице, у Певческого моста и Александровского сада.

Одновременно с трех сторон, с громовым «ур-ра-а!» лавиной двинулись ко дворцу красногвардейские отряды, матросы и солдаты. Прокладывая дорогу штыками, они ворвались за баррикады, на мраморные лестницы и, опрокидывая в рукопашном бою юнкеров, рассыпались по многочисленным залам и комнатам...

Отряд, который привел во дворец Василий Кокорев, преследовал бегущих юнкеров во втором и третьем этажах. Молодые путиловцы увлеклись

погоней. Они загнали барских сынков на чердак и даже выбежали на крышу, чтобы проверить, — не скрываются ли юнкера среди темных статуй.

И вот здесь, с высоты, Василий увидел Неву в багровых отсветах, лучи прожекторов «Авроры» и огромную площадь, заполненную вооруженным народом.

Глава двадцать восьмая

МИР ВСЕМ НАРОДАМ

Когда на мраморных лестницах, на площадках и в вестибюлях затихли бои, когда настужь распахнулись сотни дверей Зимнего дворца, Василий Кокорев спустился вниз. С винтовкой на плече, он проходил по ярко освещенным и богато убранным царским покоем, в которых толпились красногвардейцы, блуждал по коридорам, по переходам и, наконец, понял, что во дворце, где множество комнат и залов, не скоро найдешь Дементия.

Вспомнив о Кате, Кокорев стал пробираться к главному выходу. На широкой лестнице из белого мрамора он увидел, как сквозь строй вооруженных рабочих и солдат цепочкой выводили под конвоем арестованных министров.

Василий сбежал за конвоирами по лестнице, стороной обошел толпившихся у входа красногвардейцев и направился к арке Главного штаба.

Катя ждала его в условленном месте.

— Я вся застыла, — сказала она. — Думала, не придешь.

— Я Дему искал. Исчез куда-то.

— Дема здесь проходил, я видела; он матроса в перевязочную ташил.

— Мы сейчас, наверное, их не найдем?

— Нет, раненых в госпиталь повезли.

— Тогда пошли, посмотришь, как цари жили. Взяв Катю за руку, Василий повел ее через площадь к сиявшему огнями дворцу.

Моросил мелкий дождь, но люди не обращали на

него внимания. Громко разговаривая и смеясь, они толпились повсюду.

В Зимний уже было не пройти: у входов появились строгие часовые.

— Нельзя, — говорили они. — Потом насмотритесь.

Идти домой не хотелось. Разве уснешь в такую ночь! Катя предложила пойти к Неве.

Обогнув садик, они свернули на набережную и, держась за руки, пошли к Зимней канавке. Навстречу им двигались без всякого строя отряды дружинников, возбужденные солдаты, катившие по мокрому торцам мостовой пулеметы, и матросы. На Неве виднелись корабли, около которых сновали катера. Над стеной Петропавловской крепости, словно багровая звезда, светился сигнальный огонь.

— Даже не верится, что с рассветом начнется новая жизнь, — сказала Катя. — Какая она будет? Прежде мне казалось, что, когда власть станет нашей, — все вокруг изменится. . . и люди пойдут. А сейчас вместе с радостью я ощущаю тревогу. Юнкера говорили, что Керенский с утра уехал за войсками. Они ведь могут напасть на нас ночью.

— Не беспокойся, теперь враг не застанут.

На Троицком мосту толпилось столько народу, что Катя и Вася решили не толкаться и пошли дальше. Миновав Летний сад и пройдя мост через Фонтанку, они увидели бегущий по Неве катер. Вместе с дымом из трубы его по ветру летели искры.

— Сможем ли мы когда-нибудь хоть на таком корабле уехать далеко-далеко? — сказала Катя. — И только вдвоем, чтобы никого больше.

— Ты этого хочешь? — спросил Вася, взгляды ваясь в ее лицо. — Сможем! Только давай дадим слово всегда быть вместе. . . не разлучаться.

— Согласна! — Катя вложила свои маленькие руки в его ладонь и с шутливой торжественностью произнесла: — Даю клятву не разлучаться. . . Никогда!

— Никогда! — повторил он.

Ветер не унимался; он рвал одежду и время от

времени сек лица колкой ледяной крупой, но девушка и юноша не чувствовали холода. Им приятно было шагать, тесно прижавшись друг к другу.

На Литейном мосту, где порывы ветра стали сильнее, Катя вдруг заметила, что у Василия запахнута тужурка и расстегнут ворот рубахи.

— Как тебе не стыдно! — испуганно сказала она. — Ты разгорячен, можешь простудиться.

Она повязала его шею своим шарфом, застегнула куртку на все пуговицы и решительно сказала:

— Пойдем к моей бабушке. Я напою тебя горячим чаем.

— Но сейчас же ночь!

— Ночь прошла, скоро начнет светать. А бабушка встает рано.

Они прошли на Выборгскую сторону и, добравшись до бабушкиного дома, постучали в подвальную дверь. Старуха уже суежилась на кухне у весело потрескивающей плиты.

— Откуда это вы, полуночники? — удивилась она.

— Погреться пришли, — ответила Катя.

— А отца-то видела, гулена?

— Он здесь?!

— Как же, на съезд приехал. Выбрали, говорит, всей дивизией. Некогда было даже поест. Так с винтовкой и ушел. Я постель приготовила, а его все нет и нет. Не на Болотную ли пошел?

— Я ведь дома не была, — призналась Катя.

— А где же ты всю ночь колобродила?

— Вот с ним министров из Зимнего выживали.

— Вам все хаханьки, а там, говорят, из пушек стреляли.

— Разве? — переспросила Катя. При этом она с таким лукавством взглянула на Васю, что тот не удержался, и они расхохотались.

— А ну вас, озорники! — притворно рассердилась на них бабушка. — Садитесь лучше за стол. Кроме бруснички к чаю, не обессудьте, ничего не будет.

Молодые гости с большой охотой пили горячий

чай с брусникой и никак не могли утолить жажду. От кухонного тепла Катю так разморило, что глаза начали слипаться.

— Э-э! Да вы оба носами клюете, — заметила бабушка. — Укладывайтесь-ка спать. Ты можешь на мою постель, — сказала она внучке. — А он пусть устраивается на той, что я Дмитрию Андреевичу приготовила.

Василий и Катя, добравшись до мягких постелей, с наслаждением вытянулись и очень быстро уснули.

Сон был беспокойным: они, как наяву, слышали свист пуль, грохот корабельной артиллерии, завывание ветра, крики «ура», видели вспышки разрывов... Но чувство радости не покидало их даже в забытьи.

Спали они долго. Лишь в полдень первой проснулась Катя. Узнав от бабушки, что отец еще не появлялся, она быстро оделась, умылась и пошла будить Василия.

Юноша спал сладко, по-детски разбросав руки. И Кате вдруг стало жалко его. «Я ведь должна заменить ему мать, — подумала она. — Что бы она сделала на моем месте? Не разбудила бы, конечно, нет. Пусть спит, ему полезно».

Оставив Василия в постели, она поехала на Болотную улицу, но и туда, оказывается, отец не приходил. Это обеспокоило: «Не участвовал ли он в захвате Зимнего? Может, ранен или убит? Надо идти искать».

Боясь, что Вася проснется без нее и уйдет домой, Катя поспешила вернуться к бабушке. Василий уже был на ногах. Узнав, чем встревожена Катя, он стал успокаивать ее:

— Ничего не случилось. Он на съезде. Я слышал, что делегаты в Смольном собираются и живут там. Хочешь, вместе съездим и узнаем?.

— Едем.

Короткий осенний день уже угасал. Трамваи по Выборгской стороне не ходили, и уличных фонарей никто не зажигал.

Катя с Васей в темноте добрались до Литейного

моста. Там стояли патрули — солдаты и рабочие с красными повязками на рукавах.

— Вам куда?

— В Смольный по вызову, — ответил Вася.

Старший из патрульных посмотрел на его винтовку, висевшую на правом плече, ни о чем больше не стал расспрашивать и приказал:

— Пропустить двоих!

Пройдя Литейный мост, юноша и девушка свернули на Шпалерную улицу и пешком пошли к бывшему институту «благородных девиц».

В этой части города было тихо. Лишь кое-где виднелись пешеходы да в окнах постепенно загорались огни. Обыватели, видимо, боясь грабежей, запирали ворота и не показывались на улице.

Площадь у Смольного походила на военный лагерь. Здесь пылали огромные костры, стояли бронированные автомобили, в садике дымили походные кухни и бренчали котелками солдаты.

Все окна Смольного ярко светились. На каменной площадке у главного входа виднелись пулеметы и стояли часовые. Увидев у крайней правой двери знакомых путиловцев, Василий подошел к ним и сказал:

— Эта девушка с Выборгской стороны. Она отца разыскивает. Он делегат съезда.

— Ладно, проходите.

Длинные коридоры Смольного были заполнены народом. Пахло махоркой, мокрым солдатским сукном и свежим хлебом, который разносили по отрядам.

Солдаты, рабочие и матросы, ждавшие приказаний Военно-Революционного комитета, сидели вдоль стен на скамейках и просто на полу. Одни чистили оружие, другие ели хлеб с селедкой и пили чай, третьи, дымя сигарками, рассказывали о недавних происшествиях.

Узнав, что съезд Советов происходит на втором этаже в Белом колонном зале, юноша и девушка пошли в комендатуру. Там Василий встретил матроса с «Азии», с которым сидел в «Крестах».

— А-а, корешок! Ну, как на свободе гуляется?

Расспросив, по какому делу они пришли, матрос подумал и сказал:

— В зал заседаний я вас провести не сумею, а вот к барышням, которые регистрируют делегатов, — пожалуйста. От них вы и узнаете, явился он сегодня или нет.

Моряк служебным ходом провел их на второй этаж, в длинный коридор, заполненный народом. Левое крыло его было менее людным. Вдали виднелись столики регистраторов.

Не успели они приблизиться к закоулку, ведущему в Белый колонный зал, как позади послышался нараставший шум.

По коридору шли какие-то люди. Красногвардейцы расступились, освобождая дорогу.

— Кто такие? — не могла понять Катя.

— Ленин. . . Ленин на съезд идет, — слышалось рядом.

И девушка узнала Владимира Ильича по его невысокой коренастой фигуре, выпуклому лбу и отрастающей бородке. Он был в том же потертом костюме, что и на совещании в лесновской думе. Идя по узкому проходу впереди своих соратников, Владимир Ильич время от времени взмахами рук приветствовал рабочую гвардию. Глаза его сияли.

Кокорев с Алешиной, чуть отступив к стене, пропустили вперед Ильича и сразу же устремились вслед за ним. Часовые не успели их задержать, и юноша с девушкой попали в зал, заполненный делегатами съезда.

Остановившись у белой колонны, они видели, как сидящие в зале поднялись со своих мест, встречая Ленина.

Вождь революции неторопливым шагом прошел по правой стороне и поднялся на трибуну. . .

Зал стонал, грохотал, неистовствовал. . .

Ленин, опустив на трибуну руки и слегка наклонясь вперед, приготовился говорить, но новый взрыв оваций заглушил его.

Люди хлопали в ладоши так, что на люстрах раскачивались подвески.

Владимир Ильич поднял руку. Но это не помогало. Он оглянулся на президиум: «Нельзя ли успокоить зал? Ведь времени у нас мало». А из президиума улыбались ему и тоже хлопали в ладоши.

Но вот, наконец, наступила тишина.

Владимир Ильич заговорил о самом жгучем и насущном — о мире. Он стал читать декрет. В наполненном до отказа зале его голос зазвучал громко и ясно.

— Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире...

Катя вслушивалась в то, что читал Ленин, и про себя вторила: «Да, да... истерзанные, истощенные, измученные войной ждут мира... самого простого, человеческого, без всяких захватов, насилий и контрибуций. Как долго люди ждали этой вести! Сколько их здесь в военном!»

Взгляд девушки скользил по лицам примолкших делегатов и вдруг остановился на одном. Катя стиснула руку Василия и шепнула:

— Смотри, у той дальней колонны отец. Как он похудел и оброс!

Дмитрий Андреевич стоял невдалеке от трибуны. Он с волнением слушал Ильича; его бородатое, заросшее лицо было счастливо, а глаза светились.

«Теперь нас больше не разлучат», — подумала девушка.

Декрет о мире был поставлен на голосование. И, когда его приняли большинством голосов, в зале началось небывалое для этих стен ликование: делегаты повскакивали с мест, вверх полетели кепки, фуражки, бескозырки, незнакомые люди обнимались и целовали друг друга.

— Конiec войне, конец!

Восторженный трепет охватил и Катю, но она

только крепче сжимала руку Василия и не чувствовала, как по щекам текут слезы радости.

Впереди кто-то запел «Интернационал»:

«Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!»

Стихийный порыв поднял на ноги членов президиума. И весь зал подхватил слова могучего пролетарского гимна:

«Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов».

Ленинград, 1957 год

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая

ДЕВУШКА С ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЫ

Глава 1.	Связная	3
Глава 2.	Локаут	11
Глава 3.	По следу	24
Глава 4.	Заправский оратор	30
Глава 5.	Злоключения Виталия Аверкина	41
Глава 6.	Женский день	64
Глава 7.	Филипп Рыкунов	75
Глава 8.	Начало революции	84
Глава 9.	На крейсере «Аврора»	97
Глава 10.	Горячие дни	105
Глава 11.	В морской крепости	111
Глава 12.	Накипь революции	119
Глава 13.	Письма	125
Глава 14.	Долой с горизонта жизни	133
Глава 15.	Встречайте Ленина	140

Часть вторая

ГРОМ НАД НЕВОЙ

Глава 16.	Пришла весна	148
Глава 17.	В Питер на разведку	160
Глава 18.	Недобрые вести	173
Глава 19.	Июльские дни	183
Глава 20.	На воле и в тюрьме	200
Глава 21.	В «Крестах»	222
Глава 22.	Тревожные дни	232
Глава 23.	Голодовка	249
Глава 24.	Ночное заседание	262
Глава 25.	Конец Мокрухи	271
Глава 26.	Началось	280
Глава 27.	Штурм Зимнего	288
Глава 28.	Мир всем народам	301

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

**Капица Петр Иосифович
ОНИ ШТУРМОВАЛИ ЗИМНИЙ**

Ответственный редактор Г. В. Антонова. Художник-редактор Ю. Н. Киселев. Технический редактор Л. Б. Леонтьева. Корректоры П. Л. Трусова и М. М. Юдина. Подписано к набору 3/IX 1957 г. Подписано к печати 12/X 1957 г. Формат 84 × 108^{1/2} мм. Печ. л. 19,5 ± 1 вклейка. Усл. п. л. 16,1. Уч.-изд. л. 14,42. Тираж 90 000 экз. (1—50 000). Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 125. М-37613. Цена 7 р.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7.

ПРОЧИТАЙТЕ ЭТИ КНИГИ:

Брыкин Н. Испупление. Л., 1957. 426 стр.

Роман о том, как простой человек из народа, крестьянин-середняк, дезертировавший из Красной Армии в 1919 году, начинает понимать, что советская власть защищает народные интересы, и как он постепенно становится сознательным солдатом революции.

Верейская Е. Незабываемая ночь.

(В книге Е. Верейская. В те годы.) Л., 1956, стр. 144—239.
Повесть о девочке Ирине, которая в ночь на 25 октября 1917 года встречает участников штурма Зимнего дворца и становится навсегда их другом.

Гайдар А. Школа. М., 1957. 239 стр.

Повесть о подростке Борисе Горикове, который в 1918 году добровольно ушел сражаться против белых, прошел на фронте суровые испытания и стал большевиком, верным и стойким.

Герман Ю. Рассказы о Дзержинском. Л., 1955, стр. 137—274.

Вторая часть этой книги — «Вихри враждебные» — посвящена революционной деятельности Ф. Э. Дзержинского в первые годы советской власти.

Во многих рассказах этого цикла показана борьба чекистов с врагами революции.

Голубева А. Клаша Сапожкова. Л., 1957. 87 стр.

Повесть об Октябрьской революции 1917 года в Москве. О том, как девочка Клаша Сапожкова помогала рабочим-красногвардейцам в их борьбе.

Исбах А. Золотые кувшинки. М., 1957. 191 стр.

Рассказ о первых комсомольцах, участниках гражданской войны в Белоруссии.

Кожевников В. Заре навстречу. М., 1957. 284 стр.

Первая часть автобиографической повести о февральской и Октябрьской революциях 1917 года в сибирском городке и о мальчике Тиме, сыне революционеров, который на примере родителей учится быть честным и смелым человеком.

Лебедев А. Восстание на «Св. Анне». Л., 1957. 168 стр.

Повесть о восстании матросов на торговом судне, которое везло оружие для белой армии. Восставшие моряки захватили на пароходе власть и передали оружие советской России.

Трубяни Н. Орлиные гнезда. М., 1957. 79 стр.

«Орлиные гнезда» — первая книга неоконченной автобиографической повести, которая рассказывает о событиях первой половины 1917 года на Украине и об участии школьников Василько, Ролика и Савки в этих событиях.

Шаров А. Маленькие становятся большими. М., 1957. 117 стр.

Книга написана по воспоминаниям автора о том, как образовалась одна из московских школ-коммун в 1918 году и о жизни в ней друзей-коммунаров.

Шишова З. Год вступления 1918. М., 1957. 414 стр.

Повесть о гражданской войне в Одессе и ее окрестностях в 1918 году и об участии друзей-школьников в борьбе с интервентами.

Юнга Е. Бессмертный корабль. М., 1957. 144 стр.

Книга о красноматросском крейсере «Аврора» написана по рассказам старого матроса, участника штурма Зимнего дворца. В конце книги помещены важнейшие даты истории корабля со дня его закладки до перехода к месту вечной стоянки.

7 p.